

• МЕЖДУНАРОДНАЯ МЕДИА-ГРУППА • Интеллигент

Этот номер журнала «Интеллигент. Избранное» существенно отличается от нашего первого выпуска журнала, который в основном был выполнен в строгом академизме русской словесности. Именно первый вышедший ранее журнал обозначен нами как НАШ эталон современного международного литературного издания. Первый выпуск журнала формировался Наташей Крофтс – главным редактором издания «Интеллигент»-Спб, являющейся приверженкой классического академизма в русской словесности. Поэтому и материалы, вошедшие в первый номер журнала, отвечали требованиям главного редактора. После выхода в свет нашего первенца в адрес редакции поступило множество самых высоких оценок. Отклики об уровне исполнения и содержании первого выпуска журнала пришли не только из регионов России, но и из различных уголков земного шара. При этом положительные отклики прислали не только авторы – участники первого выпуска журнала и его многочисленные читатели, но и солидные издательства со всего земного шара. «Любой из авторов почтит за честь быть опубликованным в таком журнале», – вот главная мысль отношения к нашему изданию.

Второй выпуск журнала «Интеллигент. Избранное» сформирован по другим литературным стилям, и формируется он уже с другим главным редактором – Диной Лебедевой, являющейся гл. редактором изданий «ПИ 1», «Интеллигент. Москва» и «Интеллигент. США».

В этом номере журнала мы представляем авторские материалы для детей, юмор, а также прозу и поэзию авторов, получивших наибольшее признание по прошлым их публикациям в изданиях «Интеллигент», и вошедших в число ИЗБРАННЫХ.

Открывается второй номер журнала «Интеллигент. Избранное» стихом-гимном, написанным ребенком-инвалидом. Это – Оля Овчинникова, девочка из города Казани.

**МЫ ЖИВЁМ ДЛЯ ТОГО,
ЧТОБ ТВОРИТЬ ЧУДЕСА...
ЧТОБ МЕЧТА, УЛЕТАЯ ОТ НАС В НЕБЕСА,
НЕ ЗАБЫЛА ОБРАТНО ВЕРНУТЬСЯ.
МЫ ЖИВЁМ ДЛЯ ТОГО,
ЧТОБ ТВОРИТЬ ЧУДЕСА...
ЧТОБ ТОМУ, В КОМ ПЕЧАЛЕЙ
ЗВУЧАТ ГОЛОСА,
СИЛ НАЙТИ ХОТЬ РАЗОК УЛЫБНУТЬСЯ.**

Следует заметить, что все творческие работы, написанные для детского возраста, опубликованные у нас в разное время, прекрасно принимались и взрослыми читателями. Главное то, что работы проходили особую проверку у детей, обязательно зачитывались в школах, в частности в школе города Петрозаводска. Непосредственная оценка детей – оценка самая непредвзятая и ценная, поэтому она и послужила выбором переиздания таких работ в нашем новом издании.

Хочу обратиться к читателям второго номера журнала с просьбой: глубоко вчитываться в авторские работы, не судить их по статусу, известности и положению авторов. Ведь словотворчество – это та изначальная осмысленность, которая может воплощаться кем-либо или становиться плотью и обитать среди нас. Все авторские работы различны по своему содержанию, но тем они оригинальнее и удивительнее в осмыслении. Например, совершенно различны авторские работы Александра ГаМи и Марины Сапуновой, но общее, что их объединяет, это явный интерес к их творчеству, а также поступившие предложения в публикации от других изданий. Стихи нашего автора Ирины Кушелевой пользуются успехом, перекладываются на музыку и исполняются на концертах авторской песни. То же самое можно сказать и о других авторах. Наряду с искрометным юмором, во втором номере журнала присутствуют работы и трагического содержания. Конечно же, и эмоции у читателя они вызовут различные, но все это разнообразие материалов и делает наш номер удивительным для прочтения.

Я надеюсь, что новый выпуск журнала «Интеллигент. Избранное» доставит всем нашим уважаемым читателям искреннее удовольствие. Приятного вам чтения!

Сергей ПАШКОВ

Содержание

Слово учредителя.....	1
Содержание.....	2

Работы для детей

Ольга Овчинникова.....	3
Светлана Савицкая.....	5
Марк Луцкий.....	7
Андрей Сунгуров.....	10
Михаил Стародуб.....	12
Наталья Иванова.....	13
Ольга Яралек.....	14
Ирина Дружаева.....	15
Ванда Саволайнен.....	17
Валентина Шотт.....	18
Майя Шварцман.....	19

Австралия

Залман Шмейлин.....	21
Инга Даугавиете.....	22
Наталья Крофтс.....	23

Башкортостан

Андрей Овчинников.....	24
------------------------	----

Великобритания

Татьяна Юфит.....	27
-------------------	----

Германия

Владимир Эйсер.....	28
Александр Гами.....	30

Израиль

Евгений Минин.....	32
Ирина Явчуновская.....	34
Михаил Левин.....	35

Испания

Светлана Даниэль Дион.....	36
----------------------------	----

Карелия

Федор Паньшин.....	38
Татьяна Дунаф.....	39
Наталья Ахонен.....	40
Анатолий Иванов.....	43
Дина Лебедева.....	45
Ольга Бурьгина.....	46

Краснодар

Анна Мамаенко.....	47
Сергей Аболмазов.....	48
Андрей Насонов.....	49
Николай Гранкин.....	50

Красноярск

Ольга Чинякова.....	51
Эльдар Ахадов.....	52

Латвия

Анатолий Буйлов.....	53
----------------------	----

Москва

Никита Брагин.....	54
Ян Кауфман.....	55
Ольга Моисеева.....	56
Игорь Бурдонов.....	58
Ольга Грушевская.....	59
Александра Крючкова.....	61
Алексей Борычев.....	62

Новая Зеландия

Ирина Кушнерова.....	64
Сергей Киреев.....	65

Омск

Вячеслав Омский.....	69
Елизарова Наталья.....	70
Игорь Егоров.....	71
Евгений Фельдман.....	73
Козырев Андрей.....	74

Санкт-Петербург

Екатерина Асмус.....	75
Надежда Ораевская.....	76
Наталья Трескина.....	77
Юлия Андреева.....	78

США

Юрий Бердан.....	79
Татьяна Янковская.....	80
Наталья Гордеева.....	81
Зиновий Коровин.....	82
Сергей Гора.....	83

Украина

Андрей Дюка.....	84
Татьяна Василиади.....	85
Юрий Ващенко.....	86
Марина Супрунова.....	87

Урал

Татьяна Строганова.....	88
Марк Луцкий.....	90

Франция

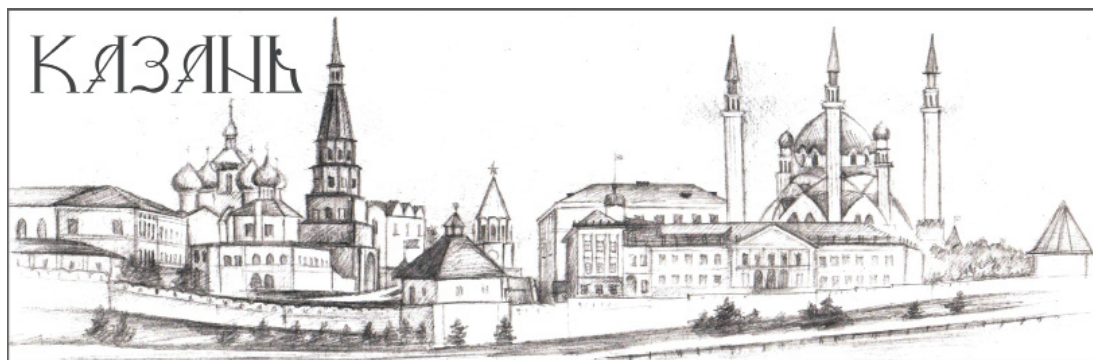
Христина Панджаридис.....	92
---------------------------	----

Эстония

Марина Викторова.....	94
Игорь Белкин.....	96
Михаил Гофайзен.....	98

От учредителя.....	100
--------------------	-----

РАБОТЫ ДЛЯ ДЕТЕЙ

Ольга Овчинникова

Живет и учится в г. Казани, успешно совмещая учебу в университете с занятиями в литературной студии. Поэт пишет талантливые стихи для детей, продолжая лучшие традиции отечественной детской литературы. После победы в конкурсе «Ступени» в 2003 г., который был организован Центром развития русского языка, Ольга написала и опубликовала много новых произведений. Большинство из них вошли в книгу «Синий лев, золотая лошадка»

Мы живём для того, чтоб творить чудеса...

Мы живём для того, чтоб творить чудеса...
Чтоб мечта, улетаая от нас в небеса,
не забыла обратно вернуться.
Мы живём для того, чтоб творить чудеса...
Чтоб тому, в ком печалей звучат голоса,
сил найти хоть разок улыбнуться.

Мы живём для того, чтоб творить чудеса...
Чтобы тот, в чьей судьбе цвета тьмы полоса,
мог счастливым однажды проснуться.
Мы живём для того, чтоб творить чудеса...
Чтобы тот, кто в волшебные верит леса,
к светлым звёздам сумел прикоснуться.

Мы живём для того, чтоб творить чудеса...
Чтобы зло — то, что жалит нас словно оса,
навсегда отпустило планету.
Мы живём для того, чтоб творить чудеса...
Мы живём для того, чтоб творить чудеса...
Ну, и кто говорит, что их нету?..

Фантазия

Есть в космосе где-то планета,
не знаема взрослым она.
Туда не летают ракеты
и не добирается тьма.

Зовут ту планету Фантазия.
Часы там почти не идут...
В Галактике — это оазис,
где жёлтые реки текут.

Там звери, каких ты не видывал
за целую тысячу лет.
Три Солнца вокруг неё движутся
и розовый льют всюду свет.

Дождик

Тучка дождик льёт и льёт — вниз вода стекает.
Кто под тучкою пройдёт — сразу промокает.
Раздобыть бы самолёт, или же ракету,
и самым водой полить сверху тучку эту.
Пусть почувствует она, мокро как бывает
тем, кто снизу по земле без зонта гуляет!

Лунный сыр

Мышонку нравилась луна:
— Из сыра сделана она!
Я точно знаю, это — сыр!
Вы посмотрите, сколько дыр!
Он верил в это, и во сне
частенько подлетал к луне.
«Немножко откушу сейчас!»
...Но просыпался каждый раз.
«На свете множество чудес...
Быть может, и луну с небес
я мог бы запросто достать.
Ах, если б я умел летать!»

Вот мир вокруг почти уснул...
В мышиный домик заглянул
едва заметный звёздный луч.
Луна светила из-за туч...
Мышонок на крылечко сел:
«Чтоб сыр на небе вдруг висел?..
Ну нет! Его я должен съесть!
А как же мне туда залезть?..
Возможно, кто-то бы принёс
его оттуда? Вот вопрос...
Но я задачку ту решу —
у мудрых звёздочек спрошу.
Спросить их будет нелегко —
они же вон как высоко!
А я погромче покричу...»
И закричал: «Луну хочу!!!»
И звёзды все упали вдруг,
как снег, рассыпавшись вокруг.
Мышонок пискнул: «Ой, беда!
Не надо падать! Вы куда?!
Должны вы жить на небе! Эй!
Обратно прыгайте скорей!»
Подбросив вверх звезду одну,
попал случайно он в луну, —
упал кусочек на траву
(и не во сне, а наяву!)

Мышонок прибежал домой:
— Луна сломалась! Ой-ёй-ёй!
Лишь улыбнулась мама-мышь:
— Какой ты шустрый, мой малыш!
Когда успел луну сломать?
А ну, ложись скорее спать!
Смотри, уже совсем темно.
Мышонок выглянул в окно.

«Приснилось просто! Ерунда!
Ведь звёзды в небе, как всегда...
Ну а луна-то!.. Вот дела!..
Она же круглая была!
Теперь же половинки нет.
И вон, в траве, какой-то свет...
Так это был совсем не сон?!
Луны кусочек...— это он!»
«Сынок, куда?» — «Сейчас приду!
Вот только кое-что найду...»

И он нашёл среди травы
тот сыр! Поверите ли вы?
Вот это да! А он чудной —
он пахнет сыром... и луной!
...По вкусу он похож на сны,
волшебный белый сыр с луны.

Маленький художник

Жил зверёк по имени Артино —
он писал красивые картины.
Хвост пушистый в краску он макал,
и хвостом, как кистью, рисовал.
Рисовал цветущую полянку,
рисовал смешную обезьянку,
рисовал моря и океаны,
рисовал пустыни и вулканы,
рисовал закаты и восходы, —
рисовал он красоту природы!

Приходите посмотреть картины
нашего художника Артино!

Крокодил Кирилл

В одной стране живёт Кирилл —
большой зелёный крокодил.
Он очень любит загорать,
есть торт и в шахматы играть.

Он ходит в гости к двум слонам,
гуляет в парке по утрам,
без книжек он не может жить.
Он добрый. Будешь с ним дружить?

Дружба

Сидел на улице щенок.
Пошёл вдруг дождь, и он промок,
промок до волосочка —
сидел он на цепочке
и спрятаться не мог.

Котёнок мимо проходил
(он тоже очень мокрый был).
Его щенок всегда гонял,
за тонкий хвостик всё таскал
и покусать любил.

Щенка котёнок увидал,
не испугался, подбежал, —
к нему прижался, чтоб согреть
(щенок ведь мог и заболеть!),
и нежно облизал.

С тех пор они с щенком друзья,
и это точно знаю я
(котёнок ведь щенку помог —
согрел его, хоть сам промок).
Иначе ведь нельзя!

Светлана Савицкая

Журналист, сказочница, художник, мастер по изготовлению кукол, инициатор открытия новых музеев кукол не только в России, но и в других странах мира, председатель Международного национального литературного конкурса «Золотое перо Руси», главный редактор общероссийской независимой интернет-газеты «Молодежь Москвы», входит в редакторский совет медиа-группы «Интеллигент», писатель - всё это Светлана Савицкая. Она легко шагает по жизни, одаривая окружающих оптимизмом, радостью, искренним теплом и позитивным взглядом на мир.

Янтарное сердце моря

Когда море сдавало позиции, оголяя километра на три широкий плёс, Марта выходила искать янтарь по его следу.

В селении бытовало поверье, что на самом дне Балтики лежит огромный слиток янтаря, величиною с морское сердце, он отликает всеми оттенками солнца и тягучего гречишного меда. Найти бы тот кусок, и было бы Марте счастье!

Смешные калошки тридцать седьмого размера мать Эльза приобрела на распродаже года два назад. Она даже не представляла, что рост девочки с приходом в совершеннолетие прекратится. Нога так и осталась тридцать четвертого размера, а сама Марта по этому поводу ничуть не расстраивалась, и всегда надевая их «на охоту за янтарем» на два носка, умильно улыбалась, думая о своей странной матери.

Во время отлива Марта иногда находила достаточно крупные солнечные мутные камешки, и отдавала их ей. Мать же обещала сделать янтарную комнату. Говорила, что такие бывают только в царских хоромах. И Марта старалась. Бродила с корзиной по влажной каменистой поверхности, оглядываясь на берег, собирая причудливые корешки и еще живых мелких рыбок, а потом возвращалась до торчащих столбиков пирса, как ни в чем не бывало.

Море пребывало незаметно и всегда неожиданно, так ей казалось. Марта немного боялась холодного моря. Вдруг оно решит вернуться, когда девочка не успеет подняться на пирс?

Вот и сегодня Марта деловито шаркала по песку калошками «на вырост», мимо луж и атакованных мошкой островков прибитых солнцем и ветром, поникших водорослей.

- Эти отливы связаны с лунными циклами. Как у нас, женщин, - догнала ее Ия. - В луну влюбилось оно, что ли?

- Море? - не поняла Марта.

- Море, а кто ж еще! Ты опять рисковать собралась ради этой алкоголички?

- Мать не алкоголичка! - пихнула девочка Ию.

- Алкоголичка! Алкоголичка! Вчера она пила у старого Льюиса в кабаке с моряками пиво и так смеялась...

- Тебе какое дело?

- Никакого. Просто за тебя обидно. Ходишь! Янтарь собираешь. Жизнь рискуешь. А мать пропивает!

- Она не пропивает! Она мне комнату янтарную сделает!

- Да? Я кое-что такое знаю, просто расстраивать тебя не хочу, - Подбоченилась Ия. - Вот скажи, на день рождения что она тебе подарила?

- То! - зашагала быстрее Марта.

- Ну что? То? - ловко догнала ее подруга, на ней ведь обувь была нормальная.

Марта остановилась и наивно вытащила из кармашка квадратную записку матери, на которой было аккуратно выведено слово «Гитара»...

- Ха-ха-ха-ха! - громко захохотала Ия. - Смотрите, люди добрые! Эльза дочке снова бумажку на день рождения подарила!

И не смотря на то, что рыбаки на берегу как бы не заметили ссоры девчонок, Марта стукнула Ию корзиной и побежала вдоль берега, оглябывая мутную заводь. Ее глазенки стали ледяными и обиженными, и во все стороны расплескались слезки. Она пристроилась на высохшей и тысячу раз вылизанной волнами деревянной лестнице, ведущей в море.

- Янис! Слышал новость? - зацепила бойко Ия проходящего паренька, - Марта на гитаре научилась играть. Только это не простая гитара. Иди посмотри!

Вместе они подошли к заплаканной Марте. Девочка увернулась:

- Отстаньте! - и побежала домой со всех ног.

Друзья - за ней. Ия, потому что разговор не закончен. А Янис вообще не понимал, почему девчонки рассорились, и не хотел быть причиной этой ссоры.

Марта была полностью уверена этим холодным майским утром, что погоня не отстанет, и решила показать ребятам главный козырь. Неподалеку от дома находилась лавка. Она была еще закрыта. Но зато витрины с выцветшими на солнце фотографиями янтарных инсталляций можно было созерцать сколько угодно:

- Вот! - запыхавшись, воскликнула девочка, - видишь тот коричневый в середине мозаики? Это я нашла прошлой осенью. А этот, - показала она на ухо большого медведя на янтарном дорогом панно, - этот самый огромный, мне попался под морской капустой. Я на него наступила. Смотри-смотри! А этот морем выбросило после шторма! Съела?

Продолжение на стр. 6

Продолжение. Начало на стр. 5

Ия молчала, собирая мысли для следующего удара.

- Янис! – попыталась перетянуть парнишку на свою сторону Марта, - Сколько у вас в Калининграде стоят такие панно?

- Миллионов двадцать, тридцать... и за сто... Этот вообще, трудно сказать! – ответил паренек.

- Вот видишь? – Утверждалась Марта.

- Что видишь? – заводилась подруга. – Что видишь то? Камни – копейки. Работа – копейки! Панно будет на витрине тысячу лет и его никто не купит! А, если купит, не тебе же деньги дадут. И не матери твоей. С ней за камни давно рассчитались! И с тобой рассчитались бумажкой. Дура ты, Марта! А панно свое недоделанное Эльза вчера пропила.

- Неправда! – закричала Марта. - Мне мать плащ купила, как у тебя. Красный! - Выставила грудь вперед девочка, еще надеясь что-то доказать.

- Хм! – оглядела ее с головы до ног Ия, разнаряженная тоже в красное, но более добротное полупальто с кашемировой опушкой, - Это у меня плащ! – сказала она безжалостно, - А у тебя так! Тряпка!

Ия махнула рукой и подалась восвояси. Марта опустила голову. Ян тоже примолк, но Марта ему нравилась с первого дня каникул, и он робко промолвил:

- Какая разница, какой плащ!

- Вот и я говорю, - подхватила Марта, разглаживая линялые полы плащевки. – Главное, знаешь, какой он удобный! От дождя и от ветра! Смори! Здесь капюшон есть. Завязывается! И кармашек для мобильника!

- Круто!

Девочка, улыбаясь, оторвалась от витрины. На лице исчезли слезы.

- Хочешь я тебя чудо покажу? – спросила Марта тихо, - настоящее!

- Сама ты – чудо!

- Я? – И Марта побежала к дому, а Ян за ней.

За скрипучей калиткой у девочки было свое царство. Между заборчиком и сарайкой она хранила отполированные морем корешки, втыкая в землю под высохшей на смерть старой черной вишней, точно это деревья росли такие странные и белые из песка. А на них веревочками Марта привязывала камни с дырочками.

- Сколько куриных Богов! – удивился Янис.

- Пойдем, пойдем! – звала Марта за собою друга. Под широким навесом прихожей прямо на полу, на бумажном эскизе из тонких пластин разноцветного янтаря среди таких же причудливых деревьев-корешков красовались две огромные жарптицы. Камешки разных оттенков от «морского» до «земляного» находила Марта на Янтарном берегу. Водянисто-прозрачные и матовые. Цвета льда и костяные. Зеленоватые с водорослями внутри, пенистые и серебристые с вкраплениями каких-то металлов! Не хватало до полной картины только крыльев и боковин.

- Теперь ты мне веришь? – воскликнула Марта.

- Я тебе всегда верил, - ответил Янис. – Хочешь? Сегодня за янтарем вместе пойдем!?

- Море городских не любит! – отрицательно закачала головой она, выходя на волю и увлекая за собою друга.

- А ты что, деревенская?

- Нет.

- А какая?

- Мастерская.

- Какая разница?

- Большая! – отрезала девочка.

- Марта? – раздался из спальни голос матери.

- Я быстро вернусь! Ты спи! Спи! – ответила Марта, стыдясь ее перед новым приятелем.

И через пять минут оба были снова у пирса.

- Жди здесь. Хорошо? – твердо приказала городскому пареню «мастерская» подружка.

- Нет. Я с тобой! – не послушался Янис, и ступил в топь оголенного дна.

- Ну, пошли, - Она тоже не очень то хотела расставаться, – Ты там в городе один, или братья-сестры есть?

- Есть два брата, только они старше.

- А я одна, - Марта подняла замысловатый корешок. Под ним лежал темный камешек, похожий на оплавленный кусочек битума. Почти черный темно-коричневый кусочек янтаря оказался первым трофеем.

- Ух ты! – удивился Янис. – Так легко находится...

- Когда как, – кивнула девочка.

Они уверенно удалялись от берега. Но утренняя потасовка отняла время, и теперь его оставалось на поиски меньше, чем обычно.

- Странно ходить по дну. Как по намокшей пустыне, - улыбнулся Янис.

- Смори! Это мои любимые водоросли! Они на цветы похожи! А вон рыбки остались в заводешке. Идите сюда! И как их чайки не

заметили? – Марта собрала трепещущих рыбок в корзину. – Ты не слушай, что Ия говорит. Просто отец ушел. А мать запила. Но она обещала вчера, что последний раз!

- Ты ей веришь?

Марта промолчала. Пустой мокрый берег без моря мягко пружинил под ногами. Дно было разным. Иногда каменистым. А порою совсем песчаным. Иногда прокисшее-заросшее пахучими водорослями и скоплениями мидий. Над головами вились чайки. Тоже в поисках случайной добычи. Орала, как заполошенные. Под камнями, которые выворачивала Марта, прятались смешные крабики.

- Ты не боишься потерять берег? – невольно оглянулся Янис, когда линия поселка исчезла за горизонтом.

- А чё бояться? Мы – на севере. Материк – на юге. Идти обратно встречь солнцу. Мимо берега не пройдешь! – засмеялась Марта. – Ты лучше янтарь ищи! Он полезный. Знаешь, какой полезный?

- А ты знаешь?

- Про янтарь? Все!

- Тогда скажи, это слезы или дары солнца?

Марта снова рассмеялась:

- Когда как. Когда слезы. Когда дары. Вообще-то янтарь не совсем драгоценный камень, а окаменевшая, но мягкая и легко поддающаяся обработки смола. А, если ее поджечь, фимиам! А, если потереть, или растолочь в порошок, она лечебная!

И Марта стала рассказывать о том, что единственное в мире промышленное предприятие по добыче янтаря открытым способом в карьере, когда сильной водяной струей размывают янтареносную, так называемую «голубую землю», находится в посёлке Янтарном Калининградской области России, который практически рядом с ними, рукой подать. Залежи янтаря в Калининградской области составляют не менее 90 % от мировых. Встречается янтарь на Сицилии (там его называют симетитом), в Румынии (румэнит), Мьянме (бирмит), Канаде, в некоторых местах Атлантического побережья США, Доминиканской Республике, на Украине (Ровненская область), в незначительном количестве на побережье прибалтийских стран.

На Древней Руси янтарь назывался илектр, описывался в азбуках, как «камень зело честен, един от драгих камней тако именуем, златовиден вкупе и сребровиден». Может быть, горючесть янтаря или илектра послужила поводом к появлению мифического «бел горюч камня Алатыря»... Янтарь украшал даже головной убор египетского фараона!

Они шли быстро и забыли, увлекшись разговором смотреть под ноги.

- А я слышал, если уйти далеко от берега, можно на зыбучие пески попасть.

- Это правда, - подтвердила Марта. – Только они там! Левее! – показала она.

Послышался явный плеск и шум прибоя. Но самой воды еще не было видно. Не было видно и берега. Калошки у Марты все-таки резиновые. И даже через два носка холод начал действовать сначала на ступни. Потом на голени и колени. Щипцами обхватил бедра.

- Холодно, - сказала девочка.

- Хи! У тебя носик покраснел! Смешная! Может, ну его, этот янтарь? Пойдем домой?

- Еще немного и мы подойдем к морю. А вдруг найдем солнечное сердце? Говорят, оно у самой кромки живет! Если честно, я и сама никогда так далеко не заходила. Трусилась, – призналась Марта и двинулась дальше. Ян за ней.

Солнце поднималось. И, скорее всего, море совершенно не собиралось открывать тайнства дна, от которого активно пошла испарения. Молочными клоками подыались они над лужицами и заводешками. Еще громче заверещали чайки и повернули к берегу. А Марта и Янис все шли и шли, пока не поднялся туман по самые плечи, и не стало видно под ногами песка.

- Может, вернемся? – робко напомнил Янис. – Никаких камней тут больше нет. Сплошной песок!

- Да, - согласилась, наконец, смелая девочка, и наткнулась калошками на морской булыжник. – Стой! Смори! – подняла она его.

Тяжелый и прозрачный. Еще мокрый. Смешанных оттенков от молочно-бело-костяного до медово-оранжевого внутри и солнечно-желтого, огромный самородок потряс обоих своей красотой. Марта тут же оборвав ближайшие водоросли, укутала в них, как замороженного, кусок янтаря и бережно уложила в корзину.

Только море ли, солнце ли, не хотели отдавать эту редкость. Туман быстро сомкнулся над головами ребят и стал уверенно подниматься выше и выше, поглощая пространство и звуки.

- Ян! – воскликнула Марта в молочном мареве, – Теперь у моих птиц будут самые потрясающие крылья!

- А ты уверена, что мы доберемся до берега, и море нас не догонит?

- Уверена. Ты только держи меня за руку, Ян!

Дети сомкнули руки. Ян забрал корзину, чтобы Марте стало лег-

че. И ориентировался только на красное мутное пятно ее куртки. А она, чувствуя тепло парнишки, закрыла глаза от удовольствия. Стиснула крепко руку незнакомого почти парня. Горячая кровь быстро ее обогревала, чувственно вибрировала невидимыми множественными электротоками. Эти невидимые импульсы, передаваемые через теплую ладонь, согрели запястье. Руку. Шею. Обожгли грудь и плечи. И, отодвигая внутренний хлад, мощной волной стали опускать его ниже и ниже. Через рукопожатье передавалось божественное состояние первой любви. Марта быстро согрелась до самых колош.

Дети шли быстро, но осторожно. Солнце исчезло. И туман уже безраздельно властвовал над побережьем.

- Ян! — спросила Марта. — А у тебя там, в Калининграде есть девочка?

- Нет, - ответил Ян и не увидел, а почувствовал, как Марта улыбнулась рядом.

- Если мы выберемся...

- А мы выберемся?...

- Мы выберемся, Ян! Я отдам тебе этот янтарь. Хочешь?

- Нет. Море тебе подарило его, - возразил Ян. — Ты как никто этого достойна. Ты... хорошая.

- Да? — переспросила Марта.

- Очень хорошая, Марта, - подтвердил Ян. И рука его дрогнула.

Ей показалось, что они все-таки зашли левее. В какую-то минуту полная потеря ориентации заставила Марту остановиться.

- погоди. Давай послушаем, что оно скажет! — воскликнула она, - Нет! Не смей! Не отнимай руки! Ты потеряешься! Я тебя не вижу! Даже близко не вижу. Сплошное молоко!

Море молчало. И дети молчали. Только сердца их бились громче и громче, разгоняя туман. Тревога быть затопленными ледяной майской водой ударила резким адреналином в голову.

- Ты только не паникуй, - неожиданно спокойно заявил Янис, больше утешая подругу, нежели себя, - солнце ведь должно где-то быть!

- Хоть бы ветерок поднялся! — вздохнула Марта. И снова командовала, - пошли! Мы движемся к берегу по-любому! Пошли скорее, а то море вернется и... - дальше она боялась даже представить.

Минут сорок блуждая где-то возле берегов, они снова остановились. Ян спросил:

- А, если мы никогда...

- Тихо! Не говори этих слов! — закрыла ему рот легонько Марта.

- Почему? — тут же прижал он к лицу прохладные пальцы. Но Марта по-прежнему в тумане даже не видела его лица.

- Море обидится и заберет нас!

- Оно живое?

- Конечно, живое! Обними меня. Я боюсь. Мне надо собраться.

Янис крепко обнял Марту.

- Оно любит, когда я ему пою.

- Тогда спой.

Дети снова расцепились и тронулись в путь, держась за руки. Марта запела. Тихонько и тоненько, все выше и выше забираясь в песне, как по ступеням до самого неба, которое было видно только ее голос.

Любопытный туман плотно держал звук. Но Марта старалась. Громче и громче повторяла она припев песни. А самое окончание вывела так мощно, что обессилела вовсе и чуть хрипло произнесла:

- Оно меня выпило!

- Ты молодец! — похвалил ее Янис. Поцеловал в щеку.

- Первый поцелуй в тумане, - хихикнула обессилена Марта.

Янис остановился.

- Ты самая удивительная. Самая потрясающая девочка на свете!

Я разглядел тебя только сейчас, когда не вижу. Все как во сне! Правда? Сегодня ты нашла не только сердце моря. Но и... вот это. — Он взял ее ладонь и приложил к груди. — Чувствуешь?

Горячее сердце мальчишки стучало сильно, ударяясь о ребра, точно просилось выпрыгнуть не только из груди, но и из тумана.

Он поцеловал Марту в губы и мягко заглянул в глаза совсем рядом. И Марта увидела его нежную заботу. И солнце! Тонкий первый луч прорезал туман.

- Туда! Надо бежать туда! — взмолилась Марта, мгновенно сориентировавшись, - Быстрее! Отпусти же! — крикнула она уже песку.

Они действительно зря остановились. Что-то начало затягивать обоих, пугающе всасываясь в обувь. Ян отпрыгнул, не выпуская Марту из вида, протянул ей руку:

- Ну же! Оставь ты свои клешни! Давай! Давай! — закричал он, и вытянул девчонку из сапог.

В одних шерстяных носках Марта побежала за ним к берегу.

Туман редел. А море пребывало. И, пребывая, настигало беглецов по пятам.

- Марта! Милая Марта! Давай, если мы выберемся, никогда больше не расставайтесь!

- Беги, Янис! Беги! — отвечала Марта, - конечно мы будем вместе.

- Всегда-всегда?

- Всегда-всегда!

- Клянешься?

- Клянусь! — кричала Марта, спотыкаясь о мелкие острые рифы и раздирая колени в кровь.

- Твой красный плащ! — запыхавшись, орал рядом Янис, перекивая догоняющие коварные волны, - Он так выручил нас! Я только благодаря красному цвету вижу тебя, милая любимая Марта...

- Ты сказал любимая? — остановилась девочка.

- Да, я так сказал, - воскликнул Янис, увлекая ее за собою, - беги, Марта, беги, не останавливайся!

И дети бежали снова.

Вконец измученные они увидели дома поселка и сети рыбаков. Плхнувшись под соснами и с ужасом наблюдали, как волны достигли обычных пределов, разыгрались и дергали омыленный пирс.

- Ты плащ порвешь, - поднял Ян Марту с земли.

- Он крепкий, - возразила, гордясь обновкой, Марта.

- Скорей в тепло! Ты босая! Можно я тебя провожу?

Войдя под навес, ребята остолбенели от увиденного.

По середине пустого эскиза на полу сидела пьяная Эльза. Обильные слезы стекали с ее лица. Она перебирала струны новенькой гитары, на которой была приклеена квадратная бумажка со словами «Подарок для милой Марты».

- Мам, зачем? — опустила девочка рядом, - Зачем ты это сделала? Зачем ты продала янтарных птиц?

- Птиц? — удивилась Эльза. — Жизнь — это выбор. Что-то подарив

нам, она не стесняется забирать то, что ей хочется. И не спрашивает, нравится нам это или нет! Я только хочу, чтобы ты никогда... никогда не поняла, почему я так делаю, родная! Пусть у тебя будет другая, счастливая, светлая и правильная жизнь, - выразительно глянула она на Яниса, и, пошатываясь, направилась в дом.

- Ты же обещала! — крикнула ей вслед Марта.

- Клянусь, это в последний раз, - снова заверила пьяная Эльза уже из спальни.

Марта скинула мокрые носки и надела туфли. Потрясенный увиденной сценой, Ян молчал. А она, напротив, заводилась. Начала резко передвигаться взад и вперед по опустевшей янтарной мастерской.

- Я не намерена все так оставить. Поменять панно, поменять мечту! Два года поисков! На какую-то гитару! — простонала она, стиснув зубы. — Эх, мама-мама!

- Не на какую-то гитару, — поправил Ян, - Ты должна понимать, что по поселку Ия разогнала слухи о бумажном подарке, и мать отдала самое дорогое...

- Это не правильно! Так не будет! Пойдем! — решительно потащила она Яниса обратно к морю.

В кабаке Льюиса все стихло, когда Марта аккуратно положила гитару на барную стоку:

- Янтарь верни, сделка аннулируется! Иначе вызову полицию! — спокойно сказала Марта.

Льюис не ждал такого поворота. Он даже не успел отсыпать янтарь! Испугался. Завилял. До сего дня Марта казалась ему мелкой глупышкой, собирающей по берегу сокровища, которым не знала цены.

Он оглянулся вокруг и, не найдя сочувствия понял, что лучше пойти на попятную. Слишком много свидетелей осталось от пьяного слезного концерта Эльзы.

- Да, господа, был бы о чем разговор! На, забирай свою морскую гальку! Здесь ее как грязи! — трактирщик поставил ведро с янтарем рядом с вздрогнувшим инструментом.

- Смотри! Лично проверю каждый камешек! Ручку дай, - твердо и злобно попросила девочка в красном полинялом на солнце плаще, и, когда Льюис подал ей фломастер, она отклеила от гитары бумажку со словами «Подарок для милой Марты», на буквах «РТ» жирно вывела «М», и приспособила ее к ведру, - вот теперь все будет правильно! Пойдем, Ян!

Рыбаки собирали сети. О том о сем толковали какие-то бабы. Резвились мальчишки. У самых волн бродила Ия, новенькими кожаными сапожками отбрасывая камешки, прибитые к пирсу, настойчиво ища «сердце», которое принадлежало уже не ей. Укрошенное море и не думало злиться. Оно лаково шелестело, волна за волною, точно с одной просвечивающейся ладони на другую перекадывая солнце и любясь им, а заодно и собою в новом солнечном платье весны.

- Ты уверена, что все делаешь правильно? — покорно нес ведро, наполненное пластинами будущего панно стоимостью не менее ста миллионов, Ян, и совершенно не отдавая себе в этом отчета.

- Балтика без янтарного сердца — не море! — ответила Марта. — А птицы, огненные жарптицы, которые раскидывают перья облаками по утрам над горизонтом, без крыльев — не птицы! И, если мать может ради меня отдать последнюю надежду и оживить бумагу, почему мне не попытаться оживить свою мать? Выбор! Он ведь есть не только у взрослых!

ИЗРАИЛЬ

Марк Луцкий

По профессии химик, кандидат наук, автор свыше 200 научных трудов и изобретений в области физико-химии и технологии полимеров. Автор 28 художественных книг, многочисленных публикаций в периодических изданиях Австралии, Австрии, Армении, Германии, Израиля, России, США, Франции. Неоднократный лауреат, призер и номинант поэтических конкурсов в Вене, Дюссельдорфе, Екатеринбурге, Иерусалиме, Лос-Анджелесе, Москве, Нижнем Новгороде, Нью-Йорке, Сиднее, Хайфе, Штутгарте. Дважды «Золотой лауреат» Международного конкурса «Национальная литературная премия «Золотое перо Руси - 2008». Член Союза российских писателей, Союза русскоязычных писателей Израиля, Союза писателей Северной Америки, Международного Союза писателей «Новый современник». Представитель медиа-группы изданий «Интеллигент» в Израиле.

АЗБУКА

(БУКВЫ, ЗВЕРИ, ИМЕНА)

*Посвящаю своим внукам
Даниэлю и Ксении*

А

С Аней «Азбуку» откроем,
Буквы выстроились строем.
Видим А — прекрасный вид,
Возглавляет алфавит.
Два столба — как крыша дома,
Вам давно она знакома.
А под крышею — чердак,
Третий столб прибили так.
И себе представить можем:
Буква А на дом похожа!
Дружат с А и зверь, и птица,
Вот названий вереница,
Пусть запомнятся ребятам
Аист, Аспид, Аллигатор.

Б

С буквой Б знаком Борис:
«Столб с флажком, тот смотрит вниз.
Чтобы в дождь флаг не промок,
Б имеет козырёк.
А еще замечу я —
С буквой много есть зверья.
Запиши быстрее в блокнот:
Буйвол, Белка, Бегемот.

В

Вика знает алфавит
И про букву говорит:
«В букве В, не забудь,
Спинка есть, живот и грудь».
А среди зверей живут
Волк, Варан, Вомбат, Верблюд.

Г

Гриша говорит: «Ага!
Буква Г что кочерга!
Печек нет, но можно ныне
Угли разгребать в камине!
А в зверинце смотрят мило
Гризли, Гусь, Гюрза, Горилла!»

Д

Даня дом нарисовал,
Удивился и сказал:
- Дед, а правда, буква эта
Дом напоминает чем-то?
- Да, действительно, похожа!
- Может, Дятел жить в ней сможет?
А еще на Д у нас
Дрозд, Дрофа и Дикобраз!

Е

Любит Ева букву Е,
Словно полки на стене.
В зоопарке ей обидно —
Почему же зверь - Ехидна?
Но живут спокойно, тихо
И Ежонок, и Ежиха!

Ё

В букве Ё повыше строчки,
Словно глазки, смотрят точки.
Ёсиф знает букву Ё:
- Имя пишут с ней моё!
Но в зверинце — слабый след:
Ёрш и Ёжик — больше нет!

Ж

Жора удивлен слегка:
Ж похожа на Жука,
Но Жираф и Жаба тоже
Почему-то непохожи!

З

Зина знает эти штучки —
Две занятных закорючки
Образуют букву З.
Много букв здесь, в зоопарке:
Змеи, чьи окраски яркие,
И знакомы с буквой З
Стрекоза и шимпанзе.

И

Игорь ищет букву И:
«Очень просто, посмотри,
Видишь, в букве этой, мама,
Два столба вкопали прямо!»
Но добавил удивленно:
«Столб внутри висит наклонно!»
И назвал животных круг:
Илька, Иволга, Индюк.

Й

Есть у Й от И отличка —
Наверху зависла «птичка»,
Рассмотрев со всех сторон,
Не нашли на Й имен.
Узок и животный мир,
Нам известен лишь Йоркшир.

К

Ксюша видит букву К:
- Это точно полжука!
Рассуждает Ксюша здраво:
- Но не влево, только вправо
Нужно букву рисовать,
Чтоб могли её узнать.
Я на К друзей найду —
Крякву, Кошку, Какаду!

Л

Лёня любит букву Л,
Близость уловить сумел:
- Две доски стоят углом,
Это и шалаш, и дом!
Есть на Л животных лица:
Лама, Лев, Лемур, Лисица.

М

«В букве М — две буквы Л» -
Утверждает Микаэль.
В майский день сказал нам всем
Про зверей на букву М.
Мальчик мал, но мыслит он:
Морж, Мартышка и Муфлон.

Н

Наде нужно объяснить,
Как нам букву начертить.
Разъясняет Надя бойко:
«Надо к каждой этой стойке
Перекладину прибить,
Станет буква Н служить».
Всяк назвать животных смог:
Норка, Нанду, Носорог.

О

От Олега буква О,
Рисовать её легко.
Про неё Олег сказал:
«Обруч, Колесо, Овал»
Он на О зверей нашёл —
Овцебык, Олень, Осёл.

П

П напоминает что-то?
«Да, похожа на ворота!» -
Поля папе говорит.
А у птиц прекрасный вид!
Смотрят, прямо как с картин,
Пеликан, Пингвин, Павлин.

Р

Букву Р рисует Рома,
Р давно ему знакома.
Подсказать нам Рома смог:
«Р похожа на флажок!»
В зоопарк пришел Роман —
Живность самых разных стран!
Посмотри и удивись:
Росомаха, Рябчик, Рысь.

С

Славный парень есть у нас —
Симпатичный, смелый Стас.
Он про С твердит одно:
«Недописанное О!»
Стас в животном мире дока —
Слон, Сайгак, Свинья, Сорока.

Т

Таня смотрит с интересом:
«Т как столбик под навесом»,
С Т знаком животный мир —
Тигр, Тукан, Тюлень, Тапир.

У

У Ульяны буква У:
«Я узнать её могу!
Постараюсь рассказать,
Как её изображать.
Справа вижу длинный ствол,
Слева вверх побег пошёл.
Вам понятно почему
Получилась буква У?»
Дружат с У зверьё и птицы,
Кто нам в «Азбуку» стучится?
Удивительный народ —
Утка, Уж, Усач, Удод!

Ф

С буквой Ф у Фили имя
С алфавитом дружен Филя.
Филя — классный футболист,
Он сказал, взглянув на лист:
«В сложной форме Ф, дружок, -
Вместе столбик и кружок».
С буквой Ф животных мало,
Их немного к нам попало,
Что ж содержит наш «капкан»?
Филин, Фенек и Фазан.
Но услышали от Фили:
«Про Фламинго вы забыли!»

Х

Объясняет нам Христина:
«Х — простая крестовина,
Хочешь Х изобразить?
Надо крестик начертить.
И в животных знак внесён —
Хрущ, Хорёк, Хамелеон.

Ц

Мы недавно получили
Разъяснение от Цили:
«Среди многих букв, в толпе
Уронили букву Ц,
Прицепили хвост в конце,
И сказали - «Здравствуй, Ц!»
Дружат с Ц цари и принцы,
С Ц встречаемся в зверинце,
Хороша цепочка эта —
Цапля, Цветосос, Циветта»

Ч

«Что за чудо перед нами?
Это стульчик вверх ногами!» -
Чарли знает — буква Ч
Есть и в чае, и в ключе,
В птичках Ч отмечен четко:
Чибис, Чижик и Чечётка.

Ш

Шимон дружен с буквой Ш,
Разъясняет, не спеша:
«Ш легко нарисовать —
Три столба должны стоять,
Дополняя этот блок,
Столб четвертый снизу лёг.
Ш животных полюбила —
Шестокрыл, Шакал, Шиншилла

Щ

Составитель удивлен —
Нет на букву Щ имен,
И поэтому я вам
Буду объяснять всё сам.
Буква Щ, как Ш была,

Где-то хвост приобрела,
И поэтому, ребята,
Нет имен людей «хвостатых»,
Но среди животных лиц
Очень много разных птиц.
Вот их сколько приобрёл:
Щёголь, Щурка, Щур, Щегол!

Ъ

Эта буква — Твёрдый знак,
Мы его рисуем так:
Букву Ъ к себе берем,
И играем с козырьком,
Пусть посмотрит он назад,
Так родился твёрдый брат.
Нет на твердый знак имен,
И животных он лишен.

Ы

С огорченьем скажем мы:
«Нет имен на букву Ы»,
Но обязан каждый знать,
Как её нарисовать.
Здесь особенность такая —
Справа — палочка простая,
Ходят палочки вдвоем —
Слева — палочка с кружком.
И к тому ж мы знать должны —
Нет зверья на букву Ы.
Но внимательно смотри —
Ы встречается внутри,
Глаз Ы видеть там привык:
Ыдра, Крыса, Мышка, Бык.

Ь

Эта буква — Мягкий знак,
Не читается. Никак.
Потому и нет имен.
Этим знак не удручен.
Он нам сильно помогает,
Буквы пред собой смягчает.
Например, есть слово «гол»,
С мягким знаком будет - «голь».
Как писать? Ответ простой —
Это Р вниз головой.
С этим знаком звери есть,
Можно в списке их прочесть.
Что увидеть довелось?
Выхухоль, Газель и Лось.

Э

Этой букве Эдик рад,
Э увидел Эдуард:
«Как писать, не позабудь —
Надо С перевернуть,
Сделать полочку внутри,
Получили Э, смотри!
Вот животных эшелон:
Эму, Эфа, Эцитон.

Ю

Юля — с юмором девчонка,
Разъясняет детям громко:
«Буква Ю всегда вдвоем —
Столб играет с колесом!
Средь животных — слаб итог,
Птички Юнко и Юрок».

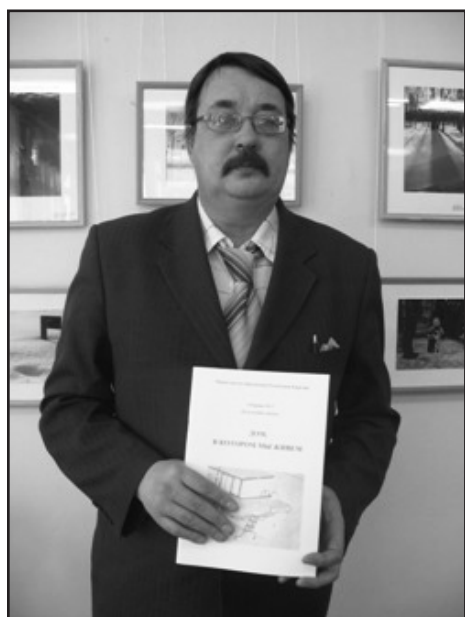
Я

Буквой Я гордится Яша:
«Я — ведь это имя наше!
Каждый должен ясно знать,
Как ее нарисовать.
Букву Я мы повернули
И подпоркой подоткнули,
Букв пополнилась семья,
Получилась буква Я.
Принесла животных в дар —
Ястреб, Як и Ягуар.

Андрей Сунгуров

Поэт, писатель и преподаватель, директор школы-интерната №23 г.Петрозаводска. Закончил филологический факультет Карельского государственного педагогического института в 1985 г.. А. Е. Сунгуров пишет стихи, очерки, рассказы, повести для детей и взрослых, которые печатались в журналах «Мурзилка», «Кипиня», «Новые рубежи», «Север», «Школьный вестник», в газете «Лицей», в коллективном сборнике поэтов Карелии «Волны трав». Первая книга стихов для детей называлась «Речка может простудиться?». В 2006 г. вышла новая книга писателя – «Волшебная зеленая страна». Входит редакторский совет медиа-группы «Интеллигент»

Город Мяукинск

Город Мяукинск
Ты сразу найдешь,
Если на запад
От солнца пойдешь.
Через поля,
Где растет барбарис,
Мимо речушки
С названием Кис-Кис.

Город Мяукинск
Известен давно.
Все горожане
Любят кино!
Радуют взрослых
И малышей
Фильмы из жизни
Рыб и мышей.

Город Мяукинск
Любит играть:
Ниток клубок
На лужайках катать.
Прыгать и бегать,
Когти точить.
Лазать по крышам,
Птичек ловить.

Город Мяукинск
Любит шуметь.
Он на прохожих

Может шипеть.
Если прохожий
Четвероног
Будь то дворняжка
Или бульдог.

Если в Мяукинск
Ты попадешь
Верных друзей
Себе в нем найдешь.
Только, пожалуйста,

Не забывай:
Жителей города
Не обижай!

Рыбаки

На берегу
Синей реки
Утром собрались
Друзья-рыбаки.
Шесть рыбаков

Пушистых, усаых:
Три рыжих,
Два черных,
Один полосатый.

Солнышко греет.
Тепло и приятно.
Речка бормочет
Что-то невнятно.
- Мяу! Где рыбка?
Плачут с досады
Три рыжих,
Два черных,
Один полосатый.

Если бы рыбка
Могла говорить,
Сказала бы:
- С удочкой надо ходить,
Чтобы поймать меня
Наверняка,
Следует вам
Захватить червяка.

Бабушкин утюг

Рано утром на прогулку
По Речному переулку
Вышел бабушкин утюг.
Удивлялись долго кошки:
- Почему же на дорожке
Ямки все исчезли вдруг?

Веселые стихи

Как пишутся забавные,
Веселые стихи?
Возьму из школы славное,
Смешливое ХИ-ХИ.

К нему добавлю громкое,
Упругое ХА-ХА.
Пронзительное, звонкое,
Как пенье петуха!

В горах найду огромное
ХО-ХО, а вдалеке,
Под елочкою, скромное
И тихое ХЕ-ХЕ.

У клоуна занятого
ГЫ-ГЫ я попрошу.
Теперь, друзья, понятно вам
Как я стихи пишу?

Клубок-колобок

Вяжет бабушка носок
Из овечьей шерсти.
А клубок, как Колобок,
Не сидит на месте.

Покатился он под стул,
А потом к порогу.
Незаметно улизнул
Прямо на дорогу.

Побежал в зеленый лес,
Но, какая жалость,
Колобок-клубок исчез!
Ниточка осталась...

Наказание

Я ее сегодня наказал.
Целый день стоит она в углу.
Самому себе я доказал:
Без нее я обойтись могу!
Пусть поплачет — не возьму гулять.
Пусть подумает сама о поведении.
Не умеет шайбы забивать —
Пусть стоит в углу
до воскресенья!

Моряки

Мы ребята - моряки!
Не боимся мы реки.
Нам не страшен ураган -
С нами папа-капитан.

Мама - самый лучший кок -
Приготовит нам пирог.
- Вижу впереди маяк!
Подает нам кто-то знак.
Бабушка платочком машет.
Вот причал — квартира наша.

Хорошо, уютно здесь
Мы закончили свой рейс.
Капитанская каюта
Стала креслом почему-то.
Камбуз в кухню превратился —
Весь корабль переменялся.

В каменном веке

Как трудно быть учеником!
Стою и чуть не плачу.
Я высекаю топором
Условие задачи:
...Два птеродактиля плюс пять,
Плюс двести восемнадцать...
Как нелегко их сосчитать,
Не хватит даже пальцев!
В пещере-классе ровный гул:
Зубрят все, что забыто.
Мне друг шпаргалку протянул -
Кусочек сталактита.
- Опять не выучил урок?! -
Спросил учитель строго.
Из шкуры мамонта извлек
Он бивень носорога,
И аккуратно в дневнике
Долбил полдня оценку.
Тигр саблезубый вдалеке
Нас ждал на перемену.
Я взял дневник, тетради взял -
Взвалил гранит на плечи.
Быстрее бы кто-нибудь
создал
Учебники полегче!

Рюкзачок

Где он только не бывал:
В Антарктиду он летал,
Долго плыл к Мадагаскару,
С караваном всю Сахару
Пересёк наискосок.
Был он в Индии, Китае,
Поднимался в Гималаи
Наш весёлый рюкзачок.
Очень часто на привале,
Если люди отдыхали
И костёр им чайник грел,
Рюкзачок грустил о доме,
О болтливом телефоне
И о чём-то тихо пел.

Шар-мечта

Шар огромный,
Шар воздушный,
Шар-мечта,
Ветрам послушный
Поднимался в небеса.
А внизу цветным узором:
Горы, реки и озёра,
Степи, пашни и леса.
Вот мы рядом с облаками.
Можно гладить их руками
Как домашнего кота!
А когда летать устанем,
Мы домой вернёмся к маме.
Вот такой наш шар-мечта!

Слон

В знойной Африке жил Слон
Очень важный.
Он себе построил дом
Двухэтажный.
Солнце яркое с утра
Землю сушит.
Не страшна Слону жара —
Он под душем.

Сколько брюк у осьминога?

Сколько брюк у Осьминога?
Вероятно, очень много:
Для прогулки, для работы,
Для театра, для охоты.
Цвет у брюк разнообразный:
Синий, желтый, белый, красный.
Смотрит Осьминог тревожно:
- Да запутаться в них можно!
Как же в брюках разобраться?
Как со вкусом одеваться?
Очень трудно Осьминогу
Выбрать брюки, их так много!

Модница

Плывёт Медуза по волнам,
По морю голубому
К далёким южным берегам,
К острову большому.

Лежит на дне морском корабль,
Цветут огнём кораллы.
На острове под пальмой Краб
Читает вслух журналы.

- О, добрый Краб!
Дай мне на час,
Пожалуйста, журналы!
Что носят модницы сейчас?
От моды я отстала!

- Какая юбка с бахромой
У молодой Креветки!
А вот костюмчик голубой,
Как у моей соседки!

Во фраках плавают Киты
В гостях у Каракатиц.
Какие шляпки и зонты,
И сколько славных платьиц!

- Какой фасон и цвет какой!
Ах, выбрать так непросто!
Зелёный? С красной полосой?
Или вот этот, пёстрый?

Медузе хочется успеть
До штормовой погоды
Журналы эти посмотреть
И всё узнать о моде.

А дома можно шеголять
И улыбаться мило,
Своим нарядом удивлять:
- Её сама я сшила!

Вездеход

Я в деревне, между прочим,
Бегаю с утра до ночи.
Удивляется народ:
- Этот мальчик - вездеход!
Я и в поле, и в лесу
Сам себя везу-несу.
Я - весёлый вездеход!
Ветер песню мне поёт.
Вездеходом быть привык,
Но еще я вездепрыг,
Вездеказ и вездебег -
Вот такой я человек!

Мышки

Мышка «мышке» говорит:
- У тебя усталый вид.
Что ты, «мышка», делала?
- По коврику я бегала.
Трудиться я обязана,
С компьютером я связана.
Грущу от одиночества.
Мне очень сыра хочется,
С дырками, реального,
А не виртуального!

Кот-вертолёт

На чердаке,
Под самую крышей
Живут непонятные,
Странные мыши.
Спят вниз головой,
Весь день отдыхают,
А ночью по саду
Мыши летают.
Я знаю, что мыши
Кошек боятся.
Но как же коту
За такими угнаться?
Ему бы пропеллер с мотором
И крылья.
Тогда и лови мышей
Без усилий!
Представьте: над садом,
Как вертолёт,
Завис полосатый
Летающий кот!
Он громко мяучит,
Громко фырчит,
Как выпел победы
Хвостик торчит!
Усы растопорив,
Лапою кот
Ловит летучих мышей
Без забот.
Летучие мыши
Спокойно летают.
И знают:
Летучих котов
Не бывает!

Ценный груз

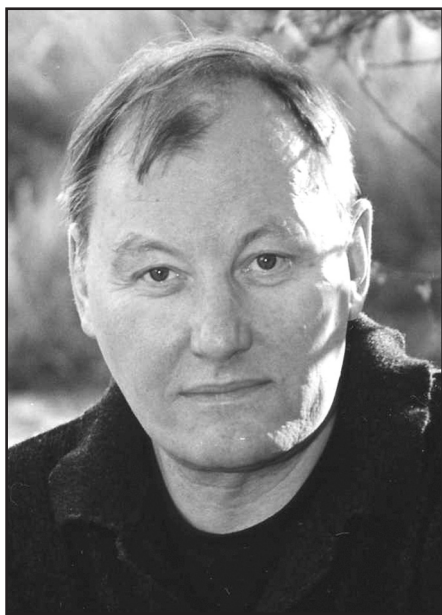
Едет машина,
Везёт ценный груз:
В кузове спелый,
Сладкий арбуз.

Его погрузили
Краном большим.
И дружно решили:
- Всех угостим!

Вот это подарок!
Водитель был рад:
- Хватит арбуза
На весь детский сад!

Детям и взрослым,
Зайчикам, мишкам,
Дворнику Косте,
Кошкам и мышкам.

Повару, няне,
Врачу, черепашке,
Свете, Татьяне,
Андрюшке, Наташке.

Михаил Стародуб

Школа Студия (ВУЗ) при МХАТ СССР им. Горького, специальность «актер театра и кино», работал в Центральном академическом театре Российской Армии, частном театре «Мел», «Камерном молодежном театре». Лит. Ин-т им. Горького (1987г.), член Российского союза профессиональных литераторов (1996г.), автор книг и автор пьес. Публикуется в газетах и журналах. Автор и исполнитель песен (участник передач на НТВ, Радио России, «Маяк», «Деловая волна», «Говорит Москва» «Ракурс», «Народное радио», «Голос Подмосковья», «Русская волна» и т.д.). Лауреат конкурса «Золотое перо Руси 2011г.».

ПРО ЛОШАДЬ МАРУСЮ, КОТОРАЯ ХОТЕЛА СТАТЬ СЕЛЕДОЧКОЙ

СКАЗКА

Шел Серега по улице, а навстречу – лошадь. Небольшого роста, на тонких ногах, горбоносая.

– Как пройти к ближайшему морю-океану в этом городе? – спрашивает лошадь.

– В нашем городе нет ни моря, ни океана! – удивился Серега.

Лошадь горько вздохнула. Серега заглянул под рыжую челку, в печальные глаза и понял – требуется помощь.

– Что случилось? – спрашивает он.

Лошадь вздохнула еще, ноздри ее задрожали.

– Через перекресток направо, расположен парк... – между прочим, заметил Серега. – Там растет чудесная трава, есть деревья, и даже небольшое озеро. Могу показать дорогу.

– Ладно... – фыркнула лошадь, – пусть будет озеро!

– Мы отправляемся туда немедленно! – обрадовался Серега. – Меня зовут Серегой, а тебя, лошадь?

– Лошадь?! Значит, надпись не действует... – ударила копытом она, повернулась, и... Серега обомлел! На лошадином боку было написано белой краской: «рыбка».

– Что ж, давай знакомиться... – помотала головой она. – Я – рыбка Маруся.

Пришли в парк. Серега сел на скамейку, Маруся ущипнула пучок травы.

– Ты рыбка речная или морская? – вежливо поинтересовался Серега. – Может быть, сухопутная?

– Трудно сказать! – задумалась Маруся. – Вот прыгну в озеро, станет ясно, какая я.

То есть, правильной сказать не «прыгну», а «нырну» в озеро.

– До чего же ты грамотная лошадь! – удивился Серега.

– Рыбка... – напомнила Маруся.

– Конечно... – смутился Серега. – Извини. А из какого ты рыбьего рода-племени? – спросил он.

– Тоже еще не решила. Поможешь выбрать родственников? Много ли рыб ты знаешь? И каких?

– Сайра, килька, селедочка... форель... – соображал Серега.

– Хорошее имя «селедочка». Из тех, которые ты назвал.

– Все эти рыбы небольшого размера. Миниатюрные. А ты...

– Здоровущая, как лошадь... – огорчилась Маруся, которая не отказалась бы называться селедочкой.

– Не расстраивайся! – Серега погладил жесткую гриву. – Во-первых, солидный размер – считается немалым достоинством. А во-вторых, ты можешь похудеть. Вот что! – вспомнил он. – Есть такие подводные жители, морские коньки! Это, конечно, твои родственники, только ты – особа сухопутная и солидная.

– Имя «селедочка» приятнее на слух! Роднее! – упрямилась Маруся.

Помолчали. Маруся задумчиво пожевывала.

– Надеюсь, со временем я привыкну к рыбьей пище, – сказала она. – Кстати, что едят порядочные селедочки? Чем они питаются?

– Не знаю... – растерялся Серега. – Чем-нибудь соленьким. Сухариками, орешками.

– Моя заветная мечта – стать рыбкой, – призналась Маруся. – А ты? – спросила она. – Кем хочешь стать? Есть ли у тебя мечта?

– Моя мечта, отчего-то – разная... – задумался Серега. – Сегодня одна, завтра другая. В детстве я хотел работать продавцом мороженого. Потом решил, что лучше сделаюсь великим путешественником, а сейчас понимаю, что, пожалуй, имеет смысл быть знаменитым футболистом.

– Почему бы тебе для начала не превратиться в селедочку? Вдвоем – веселее плавать! А места в этом озере предостаточно.

– Спасибо за предложение, – вежливо ответил Серега. – Я подумаю об этом.

Прошла неделя.

Маруся учится по-рыбьему молчать. Она уже вполне подходяще ударяет хвостом по воде, видимо, скоро этот хвост покроется чешуйками и станет селедочным. Мальчики и девочки нашего города, у которых есть заветная мечта, даже не такая трудновыполнимая, приходят в парк, к озеру. Некоторые уверены, что ничего у Маруси не получится, другим хочется, чтобы ее желание сбылось! Когда кто-нибудь из ребят назовет Марусю селедочкой, она выходит из воды, чтобы прокатить счастливого по дорожкам парка (согласитесь, не каждый из нас может похвастаться тем, что хоть раз в жизни катался на рыбе-селедочке!). Маруся выглядит такой радостной, что любой сразу и до конца понимает, как здорово, если твоя мечта начинается, наконец, исполняться.

Наталья Иванова

Автор книги сказок в стихах «Новый год на огороде», книг раскрасок со стихами «Плюшевый городок», «Карандашная страна». Соавтор книг с передачей «Спокойной ночи, малыши», «Который час?», «Счёт», «Азбука с пазлами» и десятков других книжек на картоне издательства «РОСМЭН». Соавтор «Мышкиной книжки». Автор книг загадок в стихах Сибирского Университетского Издательства: «Про всё на свете», «Кто угадает?» «Школьные загадки», «Познавательные школьные загадки» (в соавторстве). «Кем быть? Как представиться?» (в соавторстве). Автор электронных книг. Публикации в журналах «Кукумбер», «Кважды-ква» (Минск), «Мой мир» (Барнаул), «Маковец» (Москва), «Провинциальный интеллигент 1» (Карелия), «Зверьё моё любимое» (Сахалин), «Дошкольник», «Дошкольное образование», «Экстра М» (Москва), газете «Школьник» (Москва).

Золотой Диплом международного конкурса Золотое перо Руси (ЗПР) -2009 в номинации «Для детей». Золотой лауреат ЗПР-2010, 2011 в номинации «Для детей». Серебряный лауреат ЗПР-2010 в номинации «Юмор». Призёр международного конкурса имени детской поэтессы Ренаты Мухи «Самая умная Муха на свете!» - 2011. Победитель литературного конкурса «от 7 до 11».

Главный редактор детского литературного сайта «Я САМ!» Выпускающий редактор журналов «Книговар», «Брайлинка», «Пушистые странички» электронного издательства «Брайлленд».

Второбытный человек

Жил в Европе самобытный
Первобытный человек.
Был он слабый, беззащитный
В свой седой пещерный век.

В мире, каменном и древнем
Он до бронзовой поры
Сам вытачивал из кремня
И свистки, и топоры.

Иногда смотрел угрюмо
Из-под двух надбровных дуг.
И о чём-то думал, думал,
Наблюдая мир вокруг.

Я и сам в бетонной клетке,
Словно тот неандертал.
И хочу узнать о предке:
Кем он был, о чём мечтал?

Как он жил совсем без двери,
Спал под каменной стеной?
Для кого играл в пещере
Он на флейте тростяной?

Делал куколок из кости
Первобытным малышам.
Эх, махнуть бы к предку в гости
С разговором по душам!

Я силён, я второбытен,
Я не дам ему пропасть!
Только жаль, к нему в обитель
Никогда мне не попасть...

Отдам бабушку в добрые руки.

Гулял я вчера по округе,
Прочёл объявление с листка:
«В хорошие добрые руки
Подарим терьера-щенка».

А может, возьмут и бабулю?
Страдает бедняжка весь день,
Что я извертелся на стуле,
И делать уроки мне лень.

Твердит: «Не ходи неумытым!
Не прыгай, молчи, не шали!»

Потом добавляет: «А мы-то
Другими когда-то росли!»

Найдите, примерные внуки!
Я бабушку нашу отдам
В хорошие добрые руки.
Доставлю автобусом сам.

Она приготовит компоты —
С бабулей моей не пропасть.
Сама благородной породы,
И чуть седоватая масть.

Найдите, хорошие дети!
Бабуля подарит уют.
Отдам её в тёплом жилете,
Чтоб не было разных простуд
И чтобы под снежной порошей
Не мёрзла она на ветру.

...Вот стану к субботе хорошим —
Бабулю назад заберу.

Размышления смешинки

Мы в мешке висим сердито.
Метка накрепко пришита:
«Глеб Козлов, четвёртый «А».
Мы забыты в школе снова,
И у этого Козлова,
Знать, пустая голова.

Мы — протёртые сандали,
Много всякого видали,
Колотили ножки парт.
На «изо» бывали даже
Мы измазаны в гуаши
Под расцветку «леопард».

А вчера на переменке
Бился нами Глеб о стенку
(Это был спортивный зал).
А потом скакал галопом,
Очень громко нами топал
И подмётки оторвал.

Мы друг дружке дали слово,
Что уйдём мы от Козлова
К Верке Мышкиной. Пока!
Сменке лучше жить у дамы —
Гуталином смажут шрамы
И разбитые бока.

Тыквандо

Познакомьтесь. Вот я, Тыква.
Я характером скромна
И под корочкой привыкла
Прятать сок и семена.

Хоть я солнцем и согрета,
Но покоя нет ни дня.
Нужно Золушке карету?
Фея требует меня!

А сеньору Помидору
Нужен домик для господ?
Этот домик без разбора
Он у Тыквы отберёт!

Норовит куснуть улитка,
Прицепились червяки.
И приносят только пытку
Эти летние деньки.

Надоело быть кулёмой!
Отвяжитесь, а не то
Скоро выучу приёмы,
Овладею тыквандо!

Мамина обнимавка

Я споткнулся на лугу.
Ой, упал на травку!
Быстро к мамочке бегу —
Делать обнимавку.
Строго смотрит на меня
Пёс по кличке Гавка —
Я спешу, как от огня,
К маме в обнимавку.
В детсаду я до шести,
Мама — на работе.
Обнимавку не найти
В садике у тётки.
Оставляю все дела,
Маму жду под лавкой.
Вот она! Уже пришла!
Вместе с обнимавкой!
Обнимавка — мягкий дом,
Норка для ребяток.
Окружит она теплом
С носиков до пяток.
В дождь, грозу и холода
Каждая малышка
Будет прятаться всегда
К маме в обнимавку.

Ольга Яралек

Детский автор. Член международного творческого объединения детских авторов (МТО-ДА), редактор детской страницы ежемесячной газеты «Интеллигент», выпускающий редактор детского электронного журнала «КВАНЯ».

Стихи

На литературе нам задали выучить стихотворение. Любовь Ивановна сказала, что спросит каждого, но выбор, какие именно стихи учить, остаётся за нами. Придётся выбирать и учить. Вообще-то я люблю уроки литературы, но не стихи. Стихи я не понимаю, да ещё их наизусть заставляют заучивать. Не нравится мне это.

Весь вечер я перелистывала книжки и всё никак не могла выбрать стихи.

- Ты обязательно возьми Пушкина или Тютчева, - советовала бабушка.

- Есенина, только Есенина, - говорил дедушка.

- Лермонтова можно, у него красивые есть стихи, - подсказала мама.

- Это всё не то, - уверенно возразил папа. - У них сейчас что за период?

- У кого? - спросила мама.

- У детей! У них сейчас бунтарский дух в теле сидит. И стихи им нужны соответствующие. Маяковского возьми. Вот хотя бы про паспорт. Сейчас найду.

Папа быстро вернулся с толстой красной книжкой в руках.

- Вот. Это читай. Понравится - выучишь.

Я взяла книгу и пошла в свою комнату. Первое, что меня заинтересовало, стихотворение хотя и длинное, но длинное только из-за того, что в строчке по одному-два слова. Второе, у таких рублиных стихов никогда не слышала. Прочитала раз. Потом второй. Учится легко. Ну, думаю, нормально. Пусть Маяковский. У нас ещё Маяковского никто не читал в классе. Стала учить.

«Бу-бу бу-бу бу-бу-бу-бу-бу-бу,
К бу-бу-бу бу-бу-бу-бу нету.»

Не прошло и пятнадцати минут, стихи я запомнила. Сложила сумку и пошла платье гладить.

- Ты уже выучила? - поинтересовался папа.

- Да, выучила, конечно. Чего там учить?

- Тогда почитай. Проверим, как запомнила.

- Ой. Нет. Не хочу я что-то.

- Не ломайся, как копеечный пряник, - попросила мама.

- Не буду.

- Ну, не будет, так не будет, - ответил папа. - Я сам тогда прочитаю.

Я удивлённо на него посмотрела. Вот уж не видела, чтобы папа стихи читал. А папа взял в руки какой-то блокнот, скрутил его в трубочку, встал и начал читать:

«Я волком бы выгрыз бюрократизм.

К мандатам почтения нету.

К любым чертям с матерями катись любя бумажка.

Но эту...»

Я поневоле заслушалась. Папа читал так, как читают артисты по телевизору. Я не могла понять, как он это делает, но оторваться было невозможно. Он вскидывал голову, прищуривал глаза, поднимал руки, прикладывал их к груди, а под конец гордо поднял скрученный блокнот вверх. Когда он закончил, все захлопали в ладоши.

- Надеюсь, ты примерно так завтра расскажешь, - сказала бабушка.

- Н-да, - только и ответила я, поспешив в свою комнату. Там я встала перед зеркальным шкафом и попыталась прочитать, подражая отцу. Но выходило как-то не так. Тут дверь открылась и вошла мама:

- Я слышу, ты стихи заново перечитывать стала. Помочь тебе?

- Мам. Как это у него получается так читать?

- Как получается? Ну, папа закончил режиссерский факультет Института Культуры, это раз. Маяковский его любимый поэт, это два.

- Ну, а как, всё-таки? Что такое надо делать, чтобы получилось похоже? Блокнот в руки взять?

- Не в блокноте дело. Ты прочти мне. Я скажу, в чём твои ошибки.

Я начала читать. Мама слушала молча и ни разу меня не перебила.

- Ты молодец. Всё у тебя правильно. Однако есть правила, о которых ты не знаешь. Например, ты почти не делаешь пауз.

- Пауз?

- Ты почти не останавливаешься. Разве для того, чтобы воздух набрать.

- А как нужно?

- Нужно делать паузу не только для вдоха и выдоха, а для того, чтобы отделить один смысловой кусок текста от другого. И ещё для того, чтобы сделать какой-то акцент.

- Акцент?

- Батюшки! Или я говорю очень сложно, или ты у меня очень мало знаешь. Акцент — это смысловое выделение. Акцентировать — выделить что-то, мысль или слово.

- Как паузой можно акцентировать?

- Ещё как можно! Когда человек делает паузу, все начинают прислушиваться.

- Я не знала.

- Я и говорю, есть определённые правила, о которых ты не знаешь. Поэтому вместо стихов у тебя получается «бу-бу-бу». Но это ещё не всё.

- Да?

- Конечно. Зачем тебе дан голос? Им можно прекрасно пользоваться. Где-то нужно читать ровно, где-то тише, а где-то громче. Это называется «окрашивать речь интонацией».

- Мам. Ты столько всего знаешь...

- А ты думала, что я только уху хорошо варить умею?

Я засмеялась.

- Ну, а ещё чего-нибудь? - я села рядом, поджав колени к подбородку.

- А ещё не стой, как деревянная. Стоять нужно раскованно, - мама подумала и тут же добавила. - Не развязно, а раскованно. В исполнении стихотворения должны принимать участие руки, лицо и даже весь корпус, когда это нужно. Ну и, конечно, глаза. Не таращи их. Это совершенно не правильно. Гляди так, словно ты видишь, о чём читаешь. Всю эту

науку ты один раз прочувствуешь и никогда больше не забудешь. Так что бояться нечего, это разговоров много, на деле быстрее.

Мы с мамой тренировались весь вечер. Она поправляла меня. Взмахивала руками, если нужно было читать громче, опускала руки, когда нужно было читать тише. Наконец, она сказала, что всё вполне нормально. Я легла в кровать и никак не могла уснуть, всё думала: «Ну, как я завтра прочитаю? Что наши скажут? У нас ещё никто так не читал».

Литература была вторым уроком. Я еле дождалась, когда она начнётся.

- Первый... Может, кто-то сам желает?

- подняла глаза от журнала Любовь Ивановна. - Тогда Арсёнова. Ты у нас по алфавиту первая. О! Ты и руку тянешь! Прости, я не заметила. Что ты будешь читать?

- Маяковского. Стихи о советском спорте.

- Немного не по возрасту, но... Иди к доске и начинай.

Я вышла, ужасно волнуясь. Встала лицом к классу. Все занимались своими делами. Андрей что-то перекладывал на столе. Таня с Леной тихо разговаривали, Лёшка рисовал в тетради. В общем, как всегда.

Я начала звучным, твёрдым голосом. Выдерживая паузы, гордо поднимая голову вверх. Мне самой нравилось, как я читаю. То вверх, то вниз. Пауза. Громче. Ещё громче. Совсем тихо. Стихи лились так, словно это были не стихи. Как будто я жарко и воодушевлённо кому-то рассказывала о себе. Я ничего не видела, пока читала. А когда закончила, то все тридцать пар глаз неотрывно смотрели на меня. В классе была тишина.

- Ты просто молодец! - воскликнула Любовь Ивановна. - Пятёрка. А в дневник с двумя плюсами!

Я села на место. А она всё никак не могла успокоиться. А у меня словно гора упала с плеч. Стало так хорошо и легко.

- Кто следующий?

Тут руку подняла наша отличница Таня.

- Иди, Танечка, к доске.

- Любовь Ивановна. Я сегодня читать не буду, можно?

- И я! И я! - тут же стали раздаваться голоса со всех сторон.

- Понятия, - улыбаясь, ответила Любовь Ивановна. - Сегодня больше никого не спрошу, но учтите. Планка поднята. Пятёрка теперь — это так, как читала Оля, а вовсе не за знание текста. Понятно?

Когда мы возвращались из школы домой, Андрей сказал:

- Слушай! Тебе ведь в театральный институт надо! Я просто обалдел. Нет, сначала даже не понял, что это ты! Вроде ты, а вроде не ты. Классно читала. Я, как и Танька, подумал, что сегодня лучше не выходить даже. В общем, молодец!

А я шла и думала, как это приятно, когда тебя хвалят, и вдвойне приятно, когда удивляются не учителя, а твои же одноклассники. И чего я раньше так не читала?

Нижний Новгород

Ирина Дружаева

К творчеству (прозе, поэзии, не стандартной живописи - картины в стиле глина на холсте) пришла лет десять назад. От печальной лирики в поисках позитива перешла к детской поэзии, рассказам, сказкам. Люблю встречи с детьми, кураж приходит, когда читаю стихи. А от улыбки... Жизнь-то налаживается... Член Союза писателей России. Член Товарищества детских и юношеских писателей России, Лауреат Международного творческого конкурса «Вечная память!», Лауреат Международного конкурса детской и юношеской литературы им. Алексея Толстого, Лауреат конкурса сценариев Московского кинофестиваля «Лучезарный Ангел». Директор арт-галереи в г. Городце.

Радость

Я сегодня веселился
И по комнатам носился!
Наступил на хвост котёнку,
Дёрнул за косу сестрёнку,
Уронил у папы книжку,
Маме в суп подкинул шишку,
Кнопку подложил в качалку
(Деда мне, конечно, жалко...),
Спутал бабушке вязанье...
Все твердят: «Ты - наказание!»
Почему же, не пойму,
Я не нравлюсь никому?
Я же просто веселился,
Что на даче поселился.
Я же всех вас так люблю...
Я ж от радости шалю!

Трудный выбор...

Я решил - пора жениться.
Только думаю - на ком?
Тут конфета пригодится,
Взял из вазы вечером.
На Маринке не женюсь -
Таксы я её боюсь.
У Алины нету таксы,

Но она - такая плакса!
Подарить конфету Нюше?
Но она такая вруша!
У Наташки вредный брат -
Он колотит всех подряд.
Светка с Танькою - болтушки.
Ленка не даёт игрушки.
Подарить конфету Маше?
Но она плюётся кашей!
Ирка дразнится всегда.
Не женюсь я никогда!
Детский сад весь обошёл,
А невесты не нашёл.
Не женюсь я ни на ком!
Сам конфету съем тайком.

Пурга

В ночь вошла пурга седая,
Звёзды жёлтые глотая,
Ледяной стуча клюкой
Над застывшею рекой.
Отряхнув над стылым долом
Пыль искристую с подола,
Начала стелить постель
Суетливая метель.
Замела дороги след,
Вытрясая снежный плед.
Успокоилась на час
И опять пустилась в пляс.

Над еловой макушкой
Принялась трясти подушку.
Натрясла к утру старуха
Целую перину пуха.
Устилаться перестала -
Завалилась спать устало
Утомлённая пурга
В белоснежные снега.

Обиженная метла

Без метлы Яге беда —
Не умчишься никуда.
Ей не нужен самолёт:
На метёлку — и вперёд!
Чем метла древнее,
Тем она ценнее.
Тем взлетает тише,
Тем взмывает выше.
У Яги, наоборот,
Лишний век своё берёт...
Сильно постарела —
В спинущке прострелы...
Бабка охает, крихтит,
На метёлочку глядит:
- Почему-то год от года
Всё нелётнее погода...
А метла в углу ворчит:
- Знать, опять не полетит...
Вновь мне избу подметать.
Так разучишься летать!

Заслуга

Как упрямого коня,
Ташат за руки меня.
Не найти на страх управу...
Слева мама, папа справа.
Между ними я торчу,
Упираюсь и кричу:
- Я к зубному,
Я к зубному,
Я в больницу не хочу!
Я бывал там как-то раз.
Не затащите сейчас!
Вот больница. Вот и дверь.
Я рычу, как дикий зверь.
Дверь открыли в кабинет -
Закричала доктор:
- Не-е-т!
Видно, помнит, как плевался
И лечиться не давался.
Как брыкался,
Как пинался,
Как истошно голосил,
Как за палец укусил!
Снова к креслу привязали...
Валерьянки тёте дали.
И она ко мне не с лаской,
А как к хищнику - с опаской
Тянет руку. Нет уж, дудки!
Я вам больше не малютка!
Головой мотал, мычал...
Зуб больной я... раскачал!
Зуб молочный изо рта
Выпал сам... Ах, красота!
В кабинете - тишина,
Словно кончилась война.
Я по улице скачу
И от радости кричу,
Что подарков,
Что подарков,
Что подарков я хочу!
Я их честно заслужил -
Страх кошмарный пережил!
Никого не ужасал,
Никого не покусал.
Не пинался, не сопел.
Даже... плюнуть не успел!
Срочно требую награду -
Мне подарков кучу надо!!!

«Уморительная» артистка

Даже кто не голосистый -
Нынче все хотят в артисты.
Вот и бабушка Ягушка
Петь надумала частушки.
Как завоет под гармошку -
Удирают даже мошки.
Всякой птичьей мелюзги
Не слышать из-за Яги.
Бабка горло надрывает,
Лес от шума изнывает.
От такого пения
В брюхе - несварение.
Уморила всех Яга...
Хоть из леса убегай!

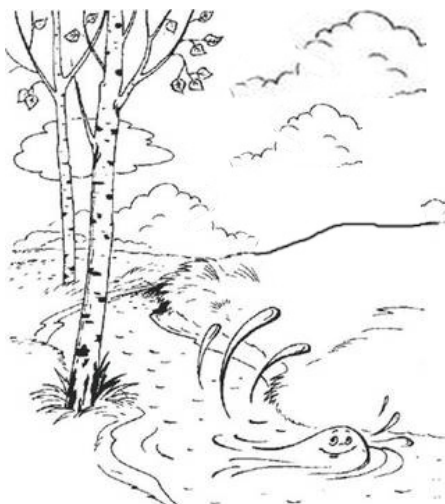
Рецепт успеха от Яги
Все Ягу хулят, корят -
Страшновата, говорят!
Людам в радость красота.
Мне дороже - «страшнота».
Не люблю весёлый смех!
В «страшноте» Яги успех!
Смолоду и я была
Черноброва и бела,
И кудрява, и румяна.
А звалась я - Несмеяна...
Никогда не улыбалась,
Только дулась да ругалась.
Досердилась до того -
Нет страшнее никого!
Хочешь,
Чтоб тебя пугались
И при встрече разбегались?
Способ есть тому простой -
Мной проверен на все сто:
Никогда не улыбаться,
Не шутить и не смеяться.
Делай так -
И станешь ты
Небывалой «страшноты»!
Тем страшней, чем меньше смеха!
Вот Яги рецепт успеха!

«Сказочный» результат

Внучке сказки все подряд
Я читал.
Теперь — не рад!
Сделать я хотел салат.
Лук увидела Полина —
В рёв: « Не режьте
Чиполлино!»

Ручеёк

В тень деревьев завернулся
И молчал
Ручеёк. Дремал, тянулся
И скучал.
Но, на камушки наткнулся —
Заворчал.
И запрыгал, и проснулся —
Зажурчал!

Солнышко

Голова, два ушка.
Рыжая макушка.
На щеках веснушек -
Как в лесу волнушек!
Улыбаются друзья -
До чего же рыжий я.
Я насмешек не боюсь -
Громче всех я сам смеюсь!
Чем же рыжий не хорош?
Я ж на Солнышко похож!

Кто виноват?

Днем гуляли без забот
И дремали у ворот:
Рыжих кошек две,
три серых,
Три котёнка ярко-белых
И от носа до хвоста
Чисто чёрных
три кота.
Ночью под моим окошком
Подрались две серых кошки.
Прибежал к ним на подмогу
Серый кот через дорогу.
Принялись им подвывать
Серых кошек сразу пять.
Я всю ночь смотрел в окно
Чёрно-белое кино.
Кто же спать мне не давал?
Дрался кто, кто завывал?
И к кому принять мне «меры»?
В темноте все кошки — серы!

Загадка

За столом сидели детки.
Дали всем по две конфетки.
Только Вова-забияка
Три конфеты слопал, бяка!
Отобрал одну конфету
Он у Зайкиной у Светы...
Сколько было в доме деток,
Если было шесть конфеток?

ФИНЛЯНДИЯ

Ванда Саволайнен

Родилась в Ростове-на-Дону. В 80-х окончила Ростовское училище искусств, в 90-х - Краснодарский институт Культуры. Работала директором музыкальной школы 4 года. В 1999г. приехала в Костомукшу. Занималась общественной работой, возглавляла общественную организацию «Наше будущее». В настоящее время живу в Финляндии. Очень люблю детей и пишу для них стихи.

Жадина

Моему соседу Мишке
Скоро будет десять лет,
И ему на эту дату
Куплен был велосипед.
Ну скажу я вам- машина,
Просто ахнул весь наш двор!
Ну а хитрый Мишка тут -же
Заключает договор:
Круг один -одна конфета,
Просто так не подходи,
Можно сливу, можно грушу,
Если нету- уходи!
Толстый жадина смеется,
Малыши в углах ревут.
Очень хочется ребятам
Прокатится там и тут,
Велик мой, конечно, старый,
Даже ржавый. Ну и пусть!
Я его отдам ребятам -
Разгоняйте свою грусть.

Лесовичок

На краю лесной опушки,
В старой, маленькой избушке,
Жил добряк-лесовичок,
Невеличка-старичок.
Летом он варил варенье,
Заготавливал соленья,
Угощал своих друзей:
Белок, зайцев и мышей.
Осенью ходил с лукошком,
Чтоб собрать в лесу немножко
Сочных ягод, шишек спелых,
Крепеньких грибочков белых.
Зиму всю читал он книжки
И латал свои штанишки.
А весной чинил лукошко
И писал стихи немножко.
Так и жил лесовичок
Невеличка- старичок.

Про гномов

Жили-были у пруда
Гномик НЕТ и гномик ДА.
Очень трудно им жилось:
Все дела решали врозь.

Домик строили сто лет,
Ни конца, ни края нет.
Если ДА бревно везёт
НЕТ бежит, цветочки рвёт.

ДА купается на речке,
НЕТ решил построить печку.
Дом по-прежнему без крыши,
Нет ни окон, ни дверей.

Ну а гномы все решают:
-У кого дела важней?

Нетипичный паучок

Старый, мудрый паучок
Так сказал:- Тебе, внучок,
Надо делом заниматься,
Обучаться ремеслу.
А не бегать влево, вправо,
Бестолково по стволу.
Кто капкан поставит мухе?
Кто поймает стрекозу?
Паутинки даже метра
Ты не сплел. Что я скажу?
Если спросит папа с мамой:
- Лето как сынок провел?
Ну а сын все лето прыгал,
Песни пел, веночки плёл.
Был он лучшим другом мухи,
Стрекозу водил в кино,
Все его в лесу любили,
Не ругал его никто.

Мне придется папе с мамой
Так сказать, - Что мой внучок
По природному закону
Нетипичный паучок.

Принц

Я на маму рассердился,
Сел у дома на крыльце
И мечтаю:
Было б классно
Мне родиться во дворце.
Перестал бы мыть я руки,
Зубы чистить, убирать.
И любимую футболку
Запретил бы я стирать.
Красота, родиться принцем:
Только знай себе гуляй!
И никто тебе не скажет:
Ты неряха и лентяй!
Мама тут мечты прервала,
Ахнув, руки развела:
- Где же так ты извалялся.
И минута не прошла?
Руки мыть иди, мечтатель,
И пора давно к столу.
Я и папе так сказала:
Ждите, принца приведу!

Поэт-зануда

Пригласил на чашку чая
Слон поэта-муравья.
Тот читал ему поэмы
С выражением три дня.
Про лису и про сороку,
Про крота и про башмак...
Муравьиные поэмы
Не кончаются никак.
Слон устал поэта слушать,
Сколько можно! Нету сил!
Слон вздыхал и тихо охал:
- Вот так чаю я попил!

Германия

Валентина Шотт

Поэтический псевдоним Тина Шотт. Родилась на Урале, в городе Челябинске. Закончила Челябинский Педагогический университет, исторический факультет.

В Германии, Аугсбурге, живёт с 1997 года. Пишет стихи и прозу. Автор трёх поэтических сборников.

Стихи, проза, статьи публиковались в газетах и журналах, коллективных сборниках г. Челябинска. Готовы к печати две книги для детей «Роми Штерн, или звёзды падают в класс» и «Кузя в Карапузии».

Победитель поэтического конкурса в Мюнхене (медали им. Ф.И. Тютчева, 2006). Член Международной Федерации Русских Писателей (МФРП)

Капризуля

Маленький Барбосик
Сморщил чёрный носик, –

Мне бы косточку другую,
Косточку хочу такую –
Сахарную и большую,
Я по ней давно тоскую,

Косточку готовую,
Новую, слоновую-ю-у-у!

Был у мухи день варенья

Варит мама нам варенье,
Спелых ягод целый таз!
Нет вкусней стихотворенья,
Самый сладкий жди рассказ!

Сахар плавится неспешно,
«Пых» – пыхтелкой пузыри,
Будем пробовать, конечно,
Мама, вишенки вари!

А на запах – в гости муха
Залетела со двора,
И давай варенье нюхать,
Может пробовать пора?

Женя в блюдце чайной ложкой
Лужу сладкую налил, –
Угоститесь, тётя Муха,
Вам от вишенки – налив!

.....
Был у мухи день варенья!
Угощать учился Женя.

На приёме у Айболита

Откройте рот, любезный Крот,
Ну, где болит? – Болит живот!
Я норку рыл и день, и два,
Аж разболелась голова!

Я в узкой норке полз и полз,
И животом чуть не прирос!
Исчезла шёрстка с живота,
А в шёрстке мягкой – красота!

Теперь вот с голым животом
Могу я дальше быть кротом?
Закройте рот, любезный Крот!
Вполне нормален ваш живот.

Скоро будут вареники

Мама вареники мне вяжет
Тёплые, пушистые,
Я рисунок выбираю –
Ветки серебристые.

Спицы весело порхают
У моей умелицы,
Будет мне тепло зимою,
Не страшны метелицы.

Кот работу караулил,
Мы и не заметили,
Только в доме все уснули,
Сделал, что наметил он.

Долго серый плут трудился,
Распустил все вареники,
Но никто не рассердился,
Кот – любимец Варюшки.

Варюшкой меня назвали
В честь любимой бабушки.
Нитки новые смотали,
Снова вяжем вареники...

Фруктовые стихи

Яблоко

Яблоко, яблоко –
круглый бочок,
В яблоке домик
прогрыз червячок.

Груша

Щёки есть
у вкусной груши?
Моет утром
груша уши?
Соком брызнула
в глаза и боднула
как коза!

Просто я хотел спросить, –
как за хвостик поносить?..

Сливы

Мальчик очень
был счастливым –
у него в кармане сливы!
И пока до дома нёс,
извадюкал рот и нос...
Никого не угостил,
из последних лопал сил...
Жаль, что косточки не съест...
их в кармане – тридцать шесть.

БЕЛЬГИЯ

Майя Шварцман

Родилась в Екатеринбурге, закончила консерваторию, работала в оркестре театра оперы и балета, ныне скрипач Симфонического оркестра Фландрии. Печататься начала в 1984 г. Из России уехала в 1990 г. Живу в волшебном г. Генте (Бельгия) с волшебными же детьми.

ПРОГУЛКА

На прогулке вся семья:
Поросята и свинья.

Пять довольных поросят
Веселятся как хотят.

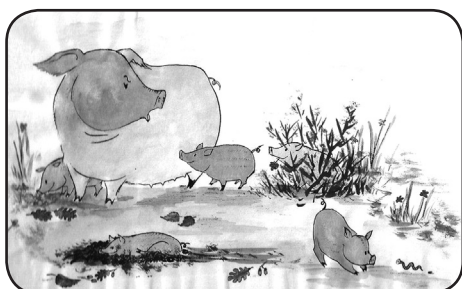
Кто-то нюхает цветы,
Кто-то спрятался в кусты,

Кто-то к маме прибежал,
Кто-то просто в грязь упал.

А последний поросёнок
Любопытный был ребёнок.

На дорожке из песка
Он увидел червяка,

Удивился и сказал:
- Кто-то хвостик потерял!

ГУСИ

Посмотрев на календарь,
гусь сказал гусыне:
«Вот и лето. Где букварь?
Где мой галстук синий?»

Не забудь мои очки,
дай портфель тяжёлый.
Ждут меня ученики
на пороге школы.»

В изумленье клюв открыв,
говорит гусыня:
«В школе летний перерыв,
Школы нет в помине.»

Пролетавший воробей
тоже прочирикал:
«Нет уроков у детей!
Шесть недель каникул!»

Гусь ответил: «У людей
в отпуске ребята,
но в семьях у гусей
подросли гусята.

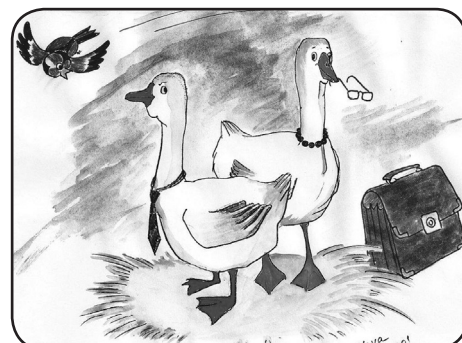
Их пора учить летать,
без ошибок плавать,
чистить перья и нырять,
разбираться в травах.

Отличать на вкус шпинат
от зерна и лука.
Это в школах для гусят -
целая наука.

Чтобы знали, что зимой
лёд бывает тонок,
чтобы путь найти домой
мог любой гусёнок,

мог искать жуков в траве,
не боялся грома,
не попался ни сове,
ни орлу степному.

Чтоб любой расти бы мог
умным и весёлым.
Я не просто педагог,
я директор школы.»

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ДЛЯ САШИ

Ночь пришла, темно везде.
Спят птенцы в своём гнезде.
Слышишь, Саша? Тихо спят,
Только клювики сопят.

Не кричат всё время «нет!»,
Если мама гасит свет,
Не выходят на прогулку
И не просят ночью булку.

Не зовут всё время маму
Снять носочки и пижаму,
Не зовут всё время папу,
Не бросают кукол на пол.

Из постели каждый час
Не встают попить сто раз,
И с водой большую кружку
Не роняют на подушку.

Не пинают одеяло,
Если просто жарко стало,
И не прыгают в кроватке,
Простыню сбивая в складки.

Тихо спят, послушай, Саша,
Все ложатся в доме нашем.
Этой сказочке конец.
Спи спокойно, мой птенец.

ПИРАТЫ

Однажды пираты
схватили лопаты
и золота толстый кусок,
приплыли на остров
и золото просто
зарыли в прибрежный песок.

Другие пираты
украли лопаты
и стали вперёд и назад
по острову рыскать
без всякого риска,
искать захороненный клад.

Но как ни копали
в горячем запале,
и всё перерыли вокруг,
нигде ни монеты,
и золота нету,
как будто растаяло вдруг.

Не могут пираты
смириться с утратой,
с пустыми руками уйти!
И тут же решили
без шума и пыли
весь остров с собой увезти.

Ругаясь угрюмо,
заполнили трюмы,
землёй нагроулили корвет,
как ложку за ложкой -
гребли понемножку,
и вот уже острова нет!

...Приходится вкратце
в конце сознаваться,
что остров тот был не широк,
что нету пиратов,
что ложка - лопата,
а золото - масла кусок.

Земля - это каша
в тарелке у Саши,
и нет никаких кораблей...
Но с этой затеей
ей каша вкуснее,
и завтракать так веселей!

САПОЖНИК

Саша бегала, играла,
С горки прыгала в песок.
Вдруг у туфельки у правой
Оторвался ремешок.

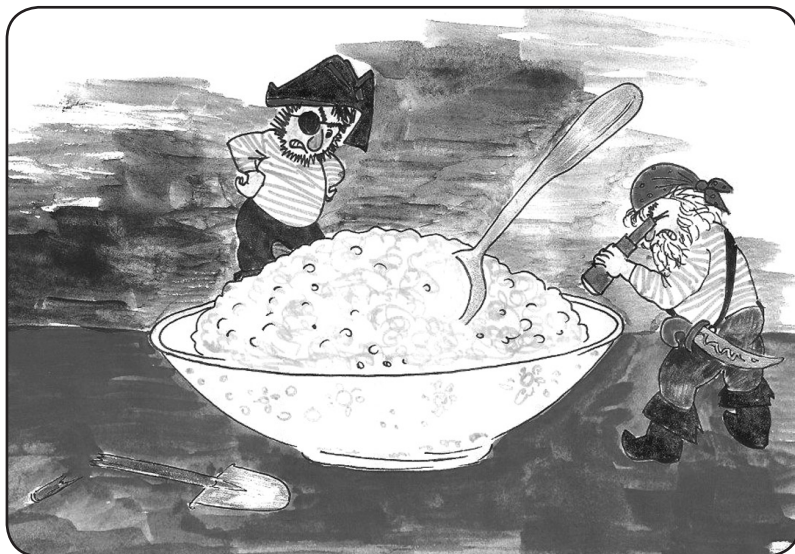
Саша с мамой повздыхали
И к сапожнику пошли.
Только туфельку вначале
Отряхнули от земли.

В мастерской сидит сапожник,
Ловко держит молоток.
Пахнет клеем, новой кожей
От ботинок и сапог.

У него запасов много:
Кнопки, пряжки, каблучки.
Только Саша смотрит строго,
Прячет сзади башмачки.

Наконец она решила
Говорить начистоту:
- Разве мама вас учила
Гвозди так держать во рту?

*Рисунки автора.
Страница из книги
«Кошкина азбука»*

Если так сложить хвосты,
то выходит буква Ы

Австралия

Залман Шмейлин

Закончил Львовский Политехнический институт. По профессии инженер-электрик. В Австралии с 1996 года. Печтаться начал в студенческие годы, совмещая учебу с работой в молодежной газете. К литературной деятельности вернулся уже в эмиграции. Печатался практически во всех местных периодических русскоязычных изданиях и нескольких австралийских литературно-поэтических сборниках, а также в США, Германии, Великобритании, России. Публикации: журнал «Острова» (Нью-Йорк), альманах «Альбион» (Лондон), журнал «Лауреат» (Москва), журнал «Дон» (Ростов-на-Дону), газета «День литературы» (Москва), газета «АПИА» (Лондон), альманах «Австралийская мозаика» (Сидней), альманах «Витражи» (Мельбурн). Лауреат поэтических конкурсов, финалист лондонского Турнира поэтов «Пушкин в Британии» 2007. Автор стихов, рассказов, эссе. Член Международного Союза писателей и публицистов АПИА. Президент литературно-творческого объединения «Лукоморье» г. Мельбурн.

Здесь совсем не бывает зимы,
Я не знаю — грущу я по снегу,
Или тайным недугом томим,
На прием к своей юности бегаю.

Сколько можно упорствовать, ждать,
Вот опять я в плену у метели
И готов без конца повторять -
«Ничего, ничего не потеряно»,-

По заброшенным стежкам бродить, -
Словно призрак, пугая удачу.
Но без прошлого мне не прожить,
Будь я тысячекратно богаче.

Ломкий сук захрустит под ногой
Всей своей перезрелой ненужностью.
Ты ведь тоже, мой друг дорогой,
Часть моей нерастроченной юности.

* * *

У царя свободных только двое
Возле трона — шут и стихоплет.
Кто из них в лакеях, кто — в героях
Так сплелись, — сам черт не разберет.

Да и нет нужды разгородиться.
Твое царство — это целый свет.
Ты мне и служанка, и царица,
Я тебе — и клоун, и поэт.

* * *

Дождь по крышам, гроздья вишен
Да от скошенной травы
С головокруженьем дышишь
Все, как прежде, но увы.

Не вернуть тех забубенных,
Лихо спущенных годков
Проскакавших, как Буденный,
По долинам грез и снов.

В кубке — горькая отравка,
Капли жалкие на дне
Возвращаются оравой
Только в памяти, во сне,

С кем дружил, до смерти спорил
Крепко взявшись за грудки.
Словно вытоптали поле
Кованные каблучки.

Нет давно ни тех, ни этих
Кто ушел, кого ни в «жизнь»
Невозможно на рассвете
В кознях ночи уличить.

Мне в рукав не прятать взятки
Задолжаю — не беда
Сяду к стрелкам на запятки
И адыю вам, господа.

Родилась в Риге, 17 лет живу в Мельбурне. Муж, двое сыновей, две собаки, два кролика.... две рыбки.

Ладони

Холодных ладоней следы на застывшем теле.
Арена небес раскрыта — реки, Творец!
Слепец согрет дыханьем весны в апреле.
Алеет рассвет. Над городом — смог — венец.
Чужое смещение нот и наречий птичьих,
Ажурная вязь вульгарна безумных снов.
Неистово беспощадна — до обезличья —
Убогих ночей погоня. И дней . И — слов.
Терзает твои глаза невозможность ночи
Единым — смотри — остаться смеженьем век..
Ночная рубашка ? Бессонная оболочка.
Кометы измятый росчерк. Апрельский снег.
Она. Одна. Стена — разметались руки.
Лицо — неясным оттиском. Пустота
Едина — слышишь? Линия губ и звуки
Рекой иссохшей застыли в овале рта.
Теней холодных опять отраженье в лужах,
Стилет — навывлет проходит. Навзрыд. Извне.
Еловая ветка бьет по окну снаружи.
ДомА. А дорога ладоней страшней — вдвойне!
Голодных ладоней..на глади ..на теле — льдине.

Колыбельная

На рассвете
Сам собой
Загорелся скит...
Не верится ?
Спи, девица,
Спи...

Наталья Крофтс

Родилась в Херсоне (Украина), окончила МГУ имени Ломоносова (Россия) и Оксфордский университет (Англия) по специальности классическая филология. Автор двух поэтических сборников и многочисленных публикаций в русскоязычной периодике (в журналах «Юность», «День и ночь», «Дети Ра», «Интерпоэзия», «Слово/Word», «Австралийская мозаика», в «Литературной газете» и др.). Стихи на английском опубликованы в четырёх британских поэтических антологиях. Лауреат ряда литературных конкурсов: в том числе – «Согласование времён», «Золотое перо Руси», «Цветаевская Осень», «Музыка слова», «Пушкин в Британии». Живёт в г. Сидней, Австралия.

Авторский сайт: www.artkavun.kherson.ua/natasha_crofts.htm

Мир исчез.
Мгновения скользят.
В телефон я глупости шепчу.

Ум твердит: «Оставь его. Нельзя».
Сердце властно требует: «Хочу».

Через стык континентальных плит
Я за сотни вёрст к тебе лечу.
Сквозь «нельзя», которое болит,
К одному желанному «хочу».

И сомкнувшись так, что не разнять,
Не унять и не остановить,
Не понять запретов, не принять —
Пьём одно кипучее «любить».

...Но уведит прочь моя стезя
От тебя. Ты куришь. Я молчу.
Глотку жмёт суровое «нельзя»
Веру потерявшему «хочу».

Всё. Рука пуста. Реванш не взят.
По закону чести я плачу:
Падаю на остриё «нельзя»
С выси недоступного «хочу».

Второй ковчег

По паре — каждой твари. А мою,
мою-то пару — да к другому Ною
погнали на ковчег. И я здесь ною,
визжу, да вою, да крылами бюю...
Ведь как же так?!

Смотрите — всех по паре,
милуются вокруг другие твари,
а я гляжу — нелепо, как в кошмаре —
на пристани, у пирса, на краю
стоит она. Одна. И пароход
штурмует разномастнейший народ —
вокруг толпятся звери, птицы, люди.
...Мы верили, что выживем, что будем
бродить в лугах, не знающих косы,
гулять у моря, что родится сын...
Но вот, меня — сюда, её — туда.
Потоп. Спасайтесь, звери, —
кто как может.
Вода. Кругом вода. И сушу гложет
с ума сошедший ливень. Мы — орда,
бегущая, дрожащая и злая.
Я ничего не слышу из-за лая,
мычанья, рёва, ора, стога, воя...
Я вижу обезумевшего Ноя —

он рвёт швартовы: прочь, скорее прочь!
Второй ковчег заглывает ночь,
и выживем ли, встретимся когда-то?
Я ей кричу — но жуткие раскаты
чудовищного грома глушат звук.
Она не слышит. Я её зову —
не слышит. Я зову — она не слышит!
А воды поднимаются всё выше...
Надежды голос тонок. Слишком тонок.
И волны почерневшие со стоном
накрыли и Олимп, и Геликон...

На палубе, свернувшись, как котёнок,
дрожит дракон. Потерянный дракон.

* * *

Я — жёлтый листик на груди твоей.
Меня на миг к тебе прибило ветром.
Вот и конец. И не найти ответа,
Зачем в тиши изнеженного лета
Поднялся ветер и, сорвав с ветвей,
Мне дал на миг прильнуть к груди твоей.

* * *

Я не хочу тебя терять.
И находить.
Нас — поминутно — умирять
И резать нить.

Но мы сидим — и мир затих —
Глаза в глаза.
Ну, что, кто против — из двоих?
Мы оба — за.

За ярость, за угар, за круг —
Порочный — встреч.
За жажду губ — коснуться рук,
Лица и плеч.

За дар — на лезвии побыть,
У острия.
За то, чтоб слиться — и забыть,
Где ты, где я.

За дрожь, как в ломке наркоман —
От пустоты.
Мы — за обман. Самообман.
За бред мечты.

И за похмелье из — позволь! —
Вины, стыда.
За сожаления. За боль.
За миг, когда

Тебя — как бабочку на гвоздь —
Пронзит насквозь,
Что наши жизни были врозь.
И будут врозь.

Итак, опять: глаза в глаза.
(Вводи иглу!)
Мы оба за... Мы оба за...
Начнём игру.

Переплетение миров

...А между тем вовсю ревел прибор
и выносил песчинку за песчинкой
на побережье. Воздух был с горчинкой
от соли океанской — и от той,
что выступала на горячей коже
там, в комнате, в пылу, у нас с тобой...

А между тем сверху, на потолке,
два существа сплелись в кровавой драме:
металась муха в крохотном силке;
нетерпеливо поводя ногами,
паук ждал снеди в тёмном уголке
и к жирной мухе подходил кругами...

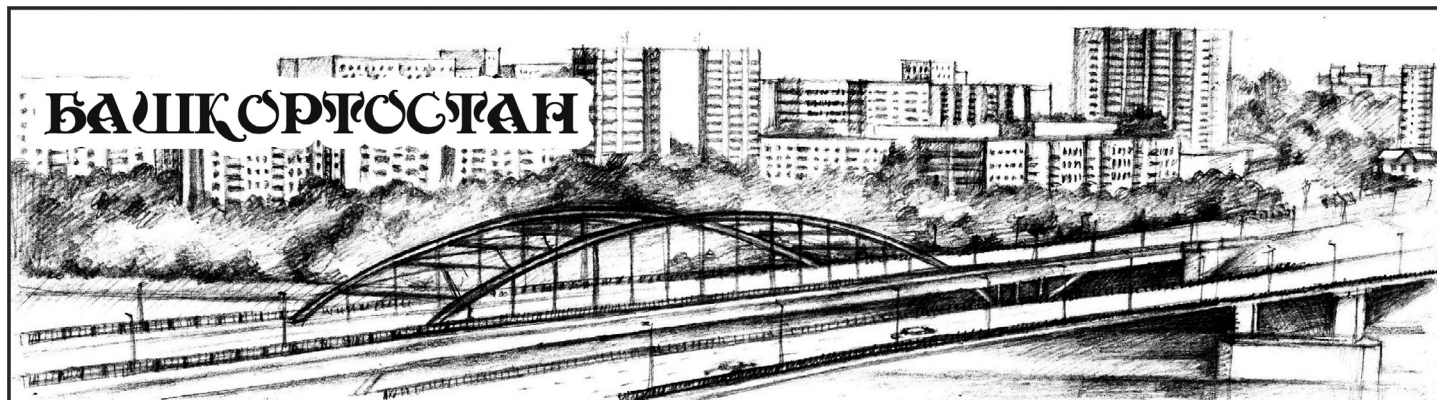
А между тем в романах, на столе,
кого-то резво догонял Фандорин,
с соседом вновь Иван Иванович вздорил,
и рдел, как кровь, гранатовый браслет...

А между тем извечная река
текла сквозь наши сомкнутые руки,
через любовь и смерть, погони, муки,
сквозь океан, шумевший здесь века, —
и паутинки блеск у потолка.
А между тем...

* * *

Что такое неверность?

Проклятье в крови?
Иль мечта о свободе и жажда любви?
Пульс, стучащий в виски?
Смесь вины и тоски?
Иль распушенность, низость?
...Дрожанье руки.
Как стаккато — шаги...
Красный след на губе...
Иль неверность другим —
это верность себе?

Андрей Овчинников

По образованию – историк. Публицист. Публиковался в журналах «Бельские просторы», «Литературный Башкортостан». Член Союза журналистов РФ и РБ. Живет в г. Салавате Республики Башкортостан.

КРЕМНИСТЫЙ ПУТЬ

(фельетон)

Жил-был товарищ Птицын. Начальство его так и звало – товарищ Птицын. Внезапно бац, вышел на пенсию. Сначала обрадовался. После огорчился. Как подумал, что больше не бывать в родном, пахнущем машинным маслом и обгоревшими проводами трамвайном депо, тоска взяла. Будучи в состоянии грусти, Птицын написал стихотворение о трамвае. Трамвай получил живой и героический:

**Трамвай сквозь бури и ветра
Везет людей везде, всегда!
Сквозь круговерть невзгод и год
Везет людей он на завод!**

Вечером, обмывая уход на пенсию, Птицын прочитал стихотворение шурина. Тот, отодвинув рюмку в сторону, встал и, глядя в глаза Птицыну, торжественно произнес:

- Александр Сергеевич, ты не Птицын, ты Пушкин!

И добавил:

- Я памятник воздвигну тебе нерукотворный!

Птицын тут же сочинил стих про шурина. Шурин обнял Птицына и крикнул жене:

- Валя, Птицын у нас гений!

Валя, вытирая красные руки о фартук, присела на табуретку. Птицын тут же сочинил торжественную оду про Валю. Валя посмотрела на Птицына особо ласково залоснившимися после рюмки глазами и сказала с придыханием:

- Нет, не зря тебя Александр Сергеевич назвали, ай да Птицын, ай да сукин сын!

Выпив третью за неоспоримый талант, шурина спросил:

- А можешь, как Пушкин? Белеет парус одинокий?

Птицын сочинил про парус. Шурина стремглав выскочил из-

за стола. Вернулся с соседом из двенадцатой. Сосед носил очки, потому слыл интеллектуалом, хотя работал стропальщиком.

Шурин обратился к Птицыну:

- Зачти про парус!

Птицын прочитал.

Сосед не спеша выпил рюмку, хрустнул огурчиком, хлопнул вторую и, оглядев ерзавших от нетерпения любителей муз, авторитетно заявил:

- Круто, парни! Круче Пушкина!

Вздых облегчения прокатился над столом, водка полилась рекой. Прощаясь, Птицын сказал, что он один выходит на дорожку. Валя утерла уголок фартука слезу.

Возвращался Птицын домой в приподнятом настроении. Жизнь снова обрела смысл. Кремнистый путь к славе блестел. Подойдя к дому, Птицын остановился возле погнутого грузовиком столба. Осмотрев столб, Птицын обнял его и посвятил столбу три сочувственных четверостишия. Потом полчаса читал свои экспромты Стрелке, дворовой собачонке. Собачка слушала Птицына, приподняв одно ухо, с почтительным вниманием. Потом заскулила, подняла ногу, обмочила штанину Птицына, и убежала. «Поэта каждый может обидеть», - подумал Птицын.

Утром, встав пораньше, Птицын принялся за устройство своего рабочего кабинета. Не хватало фолиантов. Собрав поваренные книги жены и учебники детей за 3-5 классы, Птицын, рассовав их по полкам, установил у окна старый кухонный стол. Тополь за окном приветливо шевелил ветками. «Напутствует», - сообразил Птицын. Кабинет принял законченный вид. Поставив на стол лампу с абажуром, поэт сел творить. Записав в толстую тетрадь стихи про трамвай, парус, столб, со-

бачку Стрелку, шурина, его жену Валю, задумался. В сравнении с многотомными рядами книг классиков, получалось маловато. «Будем работать, - строго подумал Птицын, - работой нас не напугаешь». На обложке Птицын готическим шрифтом вывел: «Том первый».

На следующее утро, надев лучший, в зеленых турецких огурцах, галстук, Птицын, освободив для нетленок от банных принадлежностей старый портфель, отправился в редакцию городской газеты.

Главный редактор, знавший Птицына по статье «Особенности отворачивания трамвайных гаек», прочитав стихи, удивился:

- Ты чего это в поэзию ударился?

- Да вот, снизошло, - скромно улыбнулся Птицын, подняв глаза к потолку.

- Может тебе еще поработать? Блохи проскакивают.

- Какие еще блохи? - нахмурился Птицын.

- Мы так ошибки и опечатки называем.

- А корректоры у тебя на что? - осведомился Птицын.

Редактор вызвал заведующего отделом культуры и быта.

- Петя, посмотри оды Александра Сергеевича.

Петя, полистав рукопись, поскуцел, сказал «угу» и скорым шагом вышел из кабинета.

«Сволочь, не любит работать», - разоблачил Птицын Петю.

Пообещав прийти на следующий день, Птицын поспешил домой - творить. Работы предстояло непочатый край.

Утром, аккуратно сложив листки будущего сборника в папку, с получившим новую должность портфелем Птицын величественно шагнул по светлым улицам городка к славе и почестям.

В кабинет «главного» заглянул давешний бездельник Петя.

- А, Никифор Ляпис-Трубецкой пожаловал, - поздоровался с Птицыным Петя и прицелился смяться.

«Со знаменитым поэтом сравнивает», - припомнил Птицын и приосанился.

- Я еще стихи написал, - нарочито скромно произнес Птицын, протягивая пухлую папку.

Лицо у Пети осунулось. Он взял папку, зачем-то перевязал тесемки морским узлом.

«Тунядец, - беззлобно подумал Птицын. - Пожалее еще».

- Стихи у вас хорошие, патриотические, - сказал одумавшийся Петя, - но не наш формат - вам лучше обратиться в заводскую газету.

- У нас в трамвайном парке нет газеты, - буркнул Птицын.

- Тогда обратитесь в «Луч света», это их формат, - вспомнил Петя про конкурентов. - Только настойчивее нужно быть, они это любят.

«Луч света» была газетой бесплатных объявлений с картинками кошечек и полуобнаженных девушек.

Птицын в ярости шагнул по городу. Тот стал неприветливым, пыльным и грязным, кремнистый путь еле поблескивал. «Он даже ничего толком не прочитал! Самое лучшее у меня в папке», - с гневом думал о тунядце Пете Птицын.

Дома на столе лежала газета ненавистной редакции. В ней стихи. Но не Птицына, а какого-то Северянина. «Северянин этот, не Колька ли с первого подъезда? Сейчас он вроде бы на севере», - подумал Птицын. Прочитав стихи, плюнул. Ничего особенного, даже пошлые. «Где этот Колька-северянин видел синие сонеты? Он, наверное, что такое сонет даже не знает. Сонет - это амфибрахий! А туда же стихи кропать. И где он видел робость у «Газелей»? Наоборот, носятся, как оглашенные. В этой редакции ничего в поэзии не понимают. Колька им заплатил, вот и напечатали». От этой мысли стало спокойнее. «Конечно, не понимают, не доросли, провинция, бескультурие, мухи кругом. Я ведь в свои стихи такой глубокий смысл зашифровал, где уж им понять».

Душа обрела покой. Птицын с присущим ему трудолюбием и старанием снова начал творить.

Вдохновение душило его, но для счастья чего-то не хватало. Двенадцати толстых томов с золотым теснением на корешках - «ПТИЦЫН. Собрание сочинений», снились ему каждую ночь.

Петя оказался прав, на третьей неделе ежедневного посещения «Луча света» редактор сдался. В праздничном номере, посвященном «Дню города», напечатали стихотворение Птицына: «Улица «Вокзальная».

Через два дня Птицын, окрыленный успехом, сидел в кабинете «главного».

- Я написал стихи про все улицы города, - гордо сказал он и протянул папку.

Редактор помрачнел, но взял себя в руки.

- Знаете, газета для вас, это мелко. Не задуматься ли вам о книге? Сейчас издательства за деньги готовы на что угодно.

- Это мысль! - воскликнул Птицын, и, обняв облегченно вздохнувшего редактора, бросился домой.

Идеей Птицын поделился с Василием Бориславовичем, что жил в доме напротив. Василий - пенсионер и напарник Птицына по домино, идею воспринял горячо. Он выразил желание присоединиться к проекту и издать свои стихи. Бывший начальник участка заправки огнетушителей, Василий, поведал, что раньше баловался стишками для стенгазеты «Гори, гори - ясно».

На следующее утро Птицын с Василием отправились по указанному редактором адресу. В издательстве встретили радушно, напоили фальшивым кофеом с «деревянными» баранками, похвалили стихи.

- Мы из вас сделаем издательский проект! Вы будете нашими Бушковым и Акуниным в одном стакане! Когда ждать второго тома?

Составили калькуляцию. От нолей у Птицына закружилась голова. Но Василий молча подписал договор, сдав свою тонюсенькую папку редактору. «Погиб поэт, невольник чести. - вспомнил Птицын. - Прав был тезка».

С этого дня Птицын потерял покой. «Василий, конечно, друг, но стихи у него ... и даже рядом не стоят с моими. Но парадокс, скоро Васяка будет держать в руках пахнущую типографской краской книжечку и, даря друзьям, будет подписывать - от автора. А я...»

Новый удар поджидал Птицына в субботний вечер. В кругу собравшихся за домино пенсионеров Василий похвастался, что готовит второй сборник стихов на тему героизма пожарных, и прочитал стих про брандспойт. Брандспойт получился живой, героический:

Брандспойт сквозь пламя, дым огня,

Людей спасать ведет меня!

И я дрожу, я сам не свой!

Я прикипел к тебе, брандспойт!

«Это же про мой трамвай, - осенило Птицына, - плагиатор!» Но ничего не сказал и уныло побрел домой.

Ночь он не спал, думал, где взять деньги. В сущности, было два пути: или занять, или что-нибудь продать. Занять не у кого, единственный кто мог одолжить, Васяка, но он сам занят выпуском сборника. Оставалось что-нибудь продать. В гараже у Птицына жила его ласточка - машина. Цвет серый, с сивым оттенком. Любопытствующим Птицын объяснял: машина у него цвета морской волны в момент приборя. Машину было жалко. Как он ее лелеял! Ездил в исключительных случаях. В деревню к теще или за урожаем на огород. Каждый выходной приезжал в гараж выкатывал свою ласточку, мыл стекла, протирал досуха, полировал, тщательно выковыривал отверткой камушки, застрявшие в углублениях рисунка протектора. И вот теперь предстояло расставание. Птицын ободрял себя тем, что цель святая, и никакие жертвы не смогут его остановить.

Птицын заглянул к Семенычу. Тот давно предлагал продать ему машину. Сделку закрепили «беленькой» и окрыленный Птицын на следующий день полетел в издательство.

Через месяц Птицын грузил в бывшую свою машину тяжелые блоки обернутых в бумагу книг. Прикинув грядущую прибыль от продажи нетленки, Птицын почувствовал себя богатым и знаменитым. «Слава и богатство всегда идут рука об руку», - подумал будущий поэт-миллионер.

Объехав имеющиеся в городе книжные магазины, оставив в каждом по пятьдесят экземпляров («Завтра завезу еще», - обещал директорам знаменитый поэт), Птицын сгрузил с полтысячи оставшихся к себе в кабинет. Сказка начинала сбываться. На самом видном месте, рядом с учебниками и поваренными книгами стояла книжка с выпуклой фамилией ПТИЦЫН на форзаце. Выйдя во двор к играющим в домино соседям, Птицын затеял дарить экземпляры с авторской подписью.

Продолжение на стр. 26

Продолжение. Начало на стр. 24

Брали дружно, отказников не было, образовалась небольшая очередь. Раздались крики: «Петька здесь не стоял!», «Больше одной в одни руки не давать!».

Это был успех.

Утром, набив багажник машины кубами брошюр, Птицын поехал восполнять поредевшие ряды своих произведений. К изумлению Птицына ни одного экземпляра продано не было. Результат нулевым остался и через неделю, и через месяц. Птицын решил действовать. Под видом покупателя он как бы невзначай советовал немногочисленным любителям поэзии:

- Я бы вам рекомендовал этого автора, - указывая на свою книжку, заговорщицки шептал Птицын.

Любители поэзии, пролистав страницы, подозрительно смотрели на него, воротили нос и, положив книжку на полку, спешили к выходу.

Размышляя над неудачей, Птицын пришел к выводу: винювата обложка. Как известно, реклама - двигатель торговли. Обложка его книги была невзрачной и никого не привлекала.

Отношения с домашними после продажи гаража вместе с машиной окончательно испортились. Пришлось вставить в дверь кабинета замок. Жена кормить Птицына, тратившего пенсию неизвестно на что, категорически отказалась. Но Птицын в творческом запале уже не обращал внимания на такие мелочи. На подходе была третья книга. Выручили китайцы: чайник и разовая лапша «Ролтон», больше Птицыну ничего не надо.

Нужны деньги. Деньги, конечно, будут после реализации, но ждать некогда. Птицын решил продать квартиру. Поживу лето на огороде Семеныча, ему нужен сторож для охраны урожая.

Продажу облегчал отъезд жены к своей маме. Рабочий кабинет перевезли на дачу Семеныча за три рейса. Два рейса ушло на перевозку нереализованных книг. «Теперь я как настоящий писатель в «Переделкино». Здесь никто не мешает, твори, сколько душе угодно», - думал счастливый Птицын. Он творил.

Никто его не отвлекал. Пару раз появлялся Василий и заvistили говорил:

- Вот ты работаешь, а я чего не напишу, все уже было. Или у Пушкина, или у Некрасова.

- Мне легче, я ведь не читатель, а писатель, - гордо объяснял Птицын.

Но однажды монотонное течение работы было нарушено.

К нему заявился сосед шурина и, потрясая брошюрой, торжественно произнес:

- Сейчас мы из тебя гения сделаем покруче Блока и Пастернака! Дуй за литрушкой.

У Птицына было. Он отодвинул бумаги на столе, достал пыльные стаканы, дунул внутрь, и пальцем стал выковыривать сухих мух и ос. Одна из ос оказалась живая. Птицын взвыл, хотел выматериться, но, вспомнив, что он поэт, сдержался.

- Хорошо устроился, как Лев Николаевич в Ясной Поляне, - одобрил после первой сосед. - Что главное в творчестве?

- Что главное в творчестве? - эхом ответил Птицын.

- Главное, расширение сознания, - произнес после второй сосед. - А как его достичь?

- Как? - нетерпеливо спросил Птицын.

Сосед снял очки, протер грязным платком стекла и поступал по брошюре:

- Вот радикальный ответ. Здесь написано как великие классики добивались расширения сознания. Расширил сознание и пиши на здоровье. Отец - Дюма таким образом 300 романов написал.

- Фью-ю-у, - присвистнул Птицын. - Вот это да! Твой отец?

- Кто?

- Дюма.

- Нет, своего сына, тоже Дюма.

- А-а-а, давай рассказывай про расширение, - не разобравшись в родственных связях, заерзал на табурете Птицын...

...Утром Птицын проснулся с большой головой, осмотрел комнату и, не обнаружив брошюры, попытался вспомнить вчерашний разговор. «Я должен стать круче Шлакоблока и этого, как его там, с фамилией овоща: Топинамбур, Турнепс, не важно,

главное круче», - с трудом шевелил мозгами Птицын. Неожиданно наступило просветление:

- Нужно расширение сознания. Способов много, будем пробовать последовательно, - принял решение Птицын. - Так, Бальзак жрал гнилые яблоки. Ну, этого добра здесь навалом, будем жрать.

Найдя большой таз, Птицын отправился к яблоням. Набрал таз самых червивых падалиц разных сортов, (черт его знает, какой сорт предпочитал Бальзак), Птицын приступил к расширению сознания. Вместо расширения образовался понос. Промучившись три дня, Птицын понял - этот способ не для него. «Разные организмы у нас с Бальзаком», - подумал Птицын и приступил к способу Хемингуэя.

А именно: расширять сознание с помощью спиртного. У Птицына было. Он решил действовать кардинально, ударной дозой: закуски минимум - водки максимум. В результате Птицын опять оказался в туалете. На этот раз целый день блевал, мучительно, но скудно. Еще день ушел на восстановление организма. «Да-а, у нас и с Хемингуэем организмы разные», решил Птицын и приступил к новому способу.

Сосед шурина рассказывал, что Франс держал ноги в холодной воде, отчего сосуды сужались и кровь прилиwała к мозгу.

«Вот это научно!» - обрадовался Птицын, и, достав тазик из-под бальзаковских яблок, наполнил его колодезной водой, добавил для верности льда. Вместо расширения образовался насморк и высокая температура. Неделя вычеркнута из творческого процесса. Птицын не сдавался.

Вспомнив, что Гюго вдохновлялся видом моря, Птицын, взяв тетрадку и раскладной стульчик, отправился на местный пруд.

Едва Птицын устроился в тенечке на берегу, как к нему подошли двое угрюмого вида мужика и предложили дать им на опохмелку. В результате Птицын обзавелся «фиалкой» под глазом и ободранными коленями, лишившись складного стульчика.

Птицын решил попробовать последнее. Метод Гете был близок духу Птицына. Гете, как рассказал сосед шурина, на склоне лет вдохновлялся присутствием молодых задастых горничных.

Где водятся горничные? Нигде. Птицын отправился в городской парк. Он решил ограничиться парой размалеванных девиц. Они сидели на спинке скамейки и время от времени прикладывались к бутылке пива. Обольститель пригласил на дачу, обещав показать, как творят поэты, добавив, что запасы имеются. Непоседы, на удивление, согласились сразу.

Девицы съели недельный запас продуктов, выпили остатки водки, приклеили на зеркало жвачку. Когда Птицын попытался, как Гете, погладить одной попку, тут же получил оплеуху и свалился со стула. Оскорбленные музы гордо покинули «Ясную Поляну».

Птицын пришел к выводу, что расширение сознания не для него. «Обойдусь!» - рассердился на бальзаков и хемингуэев Птицын. - Главное, труд». «99% труд и 1% таланта - вот что значит гениальность», - вспомнил Птицын и сел трудиться, приложив мокрое полотенце к скуле.

...На деньги, полученные от продажи квартиры, он издал собственное собрание сочинений в 11 томах. До задуманной серии не хватало двенадцатого.

...Осень ржавой листвой покрыла маленький уютный дворик.

В центре двора за столиком сидели пенсионеры, толпились любители и болельщики домино. После мощного удара Семеныча костяшкой по столу и не уступавшего по числу децибелов всеобщего вопля «рыба!» Колька-северянин спросил сидевшего рядом Василия:

- Бориславич, а где твой друг Птицын? Давно не видно.

- А ты разве не в курсе? Александр Сергеевич сейчас на лечении в диспансере для душевнобольных. Повязали две недели назад. Торговал своими книгами возле памятника Пушкину. Голого, обернутого мокрой простыней, обнаружили. А ночи-то холодные теперь, дождливые, вот на третью и взяли.

- А какой человек был, стихи писал, - вздохнул Семеныч, собирая домино в коробочку.

Великобритания

Татьяна Юфит

Графолог, живет в Лондоне, член АПИА, публикуется в международных поэтических сборниках и на поэтических сайтах.

Пока восторженные горы
Играют музыку с листа,
Тень одиночества упорно
За мной крадется по пятам.

Под полотном декабрьской шали
Не дышит песня — пой-не пой,
И рвутся нити, что держали
Воздушный шарик голубой.

Куда ни кинь — то клин, то грабли...
Ужель оставил вахту Бог?
И как с пробоиной корабль,
Земля уходит из-под ног.

* * *

Поникла долу голова
От песни осени унылой.
Сотри печальные слова,
Пока не высохли чернила!
В доме, где нет просвета, век
Жить было очень неудобно.
Смотри: готов к прилёту снег —
Природы щедрая валюта!
Зимы узорная печать
Поставит штамп на льдинке тонкой.
Рассвет оранжевый встречать
Пойдешь. Ты помнишь, как ребенком
Молочным, солнечным, когда
Года считали мы на пальцах,
Бежала? Осени вода
Стечет. Не надо огорчаться:
Для книги жизни не нова
Погода, рвущая ветрила.
Сотри печальные слова,
Пока не высохли чернила!

* * *

Звякнет чашка, расколота
Под огнем батарей.
Пусть молчание — золото,
Но от слова теплей.
Сам вниманьем не баловал,
Уходил, уходя —
Нынче самого малого
Ждешь, как поле — дождя.
И несрочной депешей,
В час по чайной — любовь,
Тишину загустевшую
Разбавляя собой,
За игрой, за наживой ли —
Златоглазая рысь —
Входит в комнату, в жилы ли —
И поди, разберись.

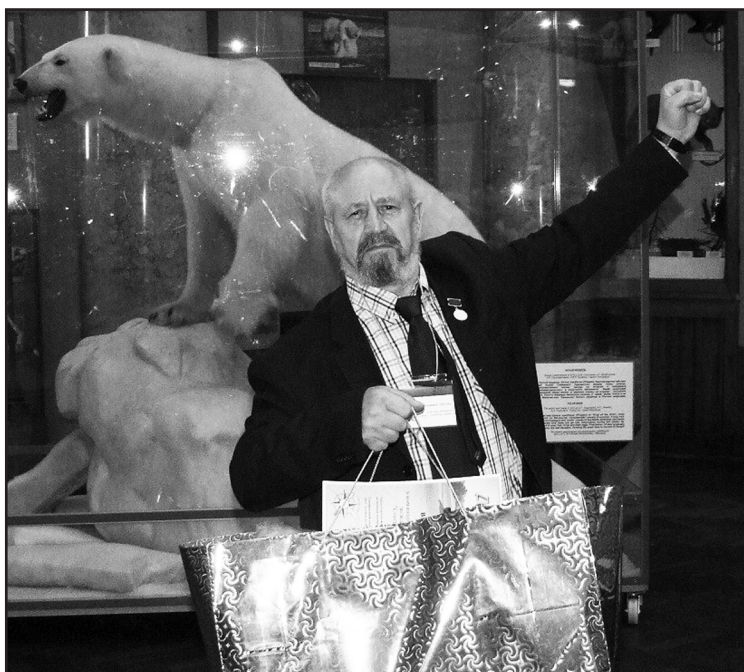
* * *

А что на свете выше, чем любовь —
Рука и ручка, или мысль и слово?
Начертан путь — прими его, готово,
И данности его не прекословь.

А что быстрее и лучше, чем маршрут
В места иных глаголов и привычек
Научит не скрываться за безличьем,
Когда другие откровенно врут?

И как подняться до вершины «си»
Какой-нибудь заоблачной октавы
И написать, хотя бы и корявый,
Но стих! — снимая строчки с «небеси»?

И почему желание летать
От тверди отрывает безрассудно?
И кто на свете сможет рассказать,
Зачем пришли сюда мы и откуда?

Владимир Эйснер

Родился в 1947 году. Живет в Германии, в г. Ветцлар. Прозаик. Автор книги рассказов «Макарова рассоха». Член ЛИТО «Literaturkreis der Deutschen aus Russland». Публикуется в Германии, России и Америке. Лауреат ряда литературных конкурсов.

Как смерть крепка

*„Положи меня, как печать, на сердце твоё,
как перстень, на руку твою:
ибо крепка, как смерть, любовь...»
Песни Песней Соломона 8; 6.*

Стойкой чалдонке Тане посвящается.

- Мешок рыбы на букет цветов? Конечно, да!

- Видали лоха?

Весь экипаж высыпал посмотреть на редкий случай, но «лох» уже уходил сквозь аэродромный гул, и даже по спине было видно, что вполне доволен судьбой.

Гвоздики из Москвы. В хрустящем целлофане. Пахучие. Свежие. Нежные. Эх, довести бы!

У себя, в рабочем общежитии, Саша прошел в чулан и выбрал там изхлама поломанный стул. Вахтерша, тетя Даша, с тревогой наблюдала как молодой мужчина оторвал от старого стула полукруглую дужку и запихнул ее себе под парку, так что грудь оттопырилась, как у ядреной бабы.

- Вот! Позальют шары с утра и творят незнамо чё! Ты чё делаешь, чё делаешь-то, охальник? Ментовка, гля, рядом. А ну - брякну чё?

Саша, смеясь, чмокнул тетю Дашу в вялую щеку и выскочил во двор. Зарокотал снегоход «Бурани».

На дворе темно, на душе светло, на спидометре - сорок. Вот уже позади «Страна Маленьких Палок», - полоса редколесья лесотундры, последние деревца сибирской тайги, и сне-

гоход выбегает в Великую Белую Пустыню. Дальше, до самого Полюса, лишь снег и ветер.

Если держать направление на яркую звёздочку примерно на три локтя левее Полярной звезды, то через триста км. попадешь на речку Ханка-Тарида. Там, на крутой излучине, охотничье зимовьё. Там, на пороге, стоит Таня и смотрит на юг. И все мысли, и чувства, - там.

Дужка от стула выгнула парку на груди. В тепле и уюте, не придавленный, не помятый, приник к груди букет из Москвы. Четыре красные и три белые гвоздики. «...Еду, еду, еду к ней, еду к любушке своей!»

Три месяца длится на этой широте полярная ночь, сегодня двадцать второе декабря, самая середина, двадцать пятого Рождество, а двадцать шестого Танин день рождения.

Поженились двадцатого сентября.

Кто сказал, что медовый месяц только один, того остается только пожалеть!

Через сутки Саша подъехал к зимовью старика Прокопия, где собирался отдохнуть. Никого... Ни даже следа собачьего...! Постоял Саша у покинутой избы, постучал ногой о пустые бочки из-под бензина - мда-а...

Топить сейчас выставший балок, идти на озеро колоть лед, греть воду, готовить ужин, а утром разогревать остывший «Бурани»? Нет! Вон облачность натекает, звёзд не видно, как бы не пурга.

...Цвела черёмуха, когда он начал ухаживать за своей Таней. Уже под утро, проводив девушку домой, Саша возвра-

шался на речку и, наломав полную охапку тяжёлых, полных весеннего томленья цветов, возвращался к её дому и оставлял букет в старом кувшине у веранды. Проснётся, - улыбнётся.

Потом черёмуха стала осыпаться. И он любил встряхивать ветки над головой невесты, наблюдая, как белый цвет смешается с тёмной медью её волос.

Милое лицо молодой жены вдруг ясно выступило из темного неба, и зеленый дым сияния дугой лег на рыжие волосы. „Ждёшь, Танечка? Я сейчас. Я быстро. Я уже!“

Через несколько часов, по начавшему сереть горизонту, Саша вдруг понял, что едет на рассвет, что, не видя «таниной звёздочки», произвольно направляет руль снегохода в ту точку горизонта, где через полтора месяца встанет солнце. Вместо северо-запада едет на юг.

Бензина хватило вернуться на правильный путь и подняться к водоразделу до озера, из которого вытекает Ханка-Тарида. Вдоль берега реки стоят его капканы и ловушки на песцов, хорошие ориентиры.

Покинув верный остывающий «Буран», Саша шагнул в ночь. «...Еду, еду, еду к ней...»

Прямо в лицо дует ровный, плотный хиус. Борода и усы, шарф на груди и опушка капюшона смерзлись в ледяную корку и стали одним целым. И руки... Отрезав кусок шарфа, Саша обмотал им руки, втиснул эти култышки в рукавицы, а затем еще и в карманы парки. Так-то лучше!

Эти шестьдесят километров Саша шел двадцать часов. К своей «избушке-промысловке», заледенелой палатке из старого брезента, подошел в самый разгар полярного рассвета, когда кажется, что солнце вот-вот появится из-за холмов.

Уф-ф! Наконец, можно прислониться к упругой стенке, расправить плечи и снять надоевшую, вросшую в спину двустолвку.

Саша хотел было показать тундре кукиш, как делал не раз, уйдя от беды, но вместо этого продолжал стоять и смотреть, как поёмок вылизывает бледные щёки сугробов, и, вытягиваясь на юго-восток, растут твёрдые пальцы застрогов.

Тундра дышала и двигалась вся в синем снежном дыму. Сто раз виденная и всегда колдовская картина.

Так! Обогреться и спать! На припечке, в полиэтиленовом мешочке, придавленный камешком коробок спичек.

Всего несколько минут, как снял рукавицы, а руки, и в прежние годы уже не раз прихваченные морозом, отказываются шевелить пальцами. Кулечек разорвал зубами. Но пальцы...

Напрасно дул Саша на пальцы, одну за другой роняя спички в снег, напрасно пытался согреть, запихивая в ледяную щель рта и прикусывая зубами. Для застывших, потерявших чувствительность пальцев, спичка - слишком мелкий предмет. «Эх, Таня, твои бы сюда рученьки, твои бы пальчики, твое бы дыхание.» Поняв, что разжечь огонь не удастся, Саша опустил на оленьи шкуры у стены и мгновенно заснул. Минуту или час продолжалось это забытьё, но проснулся Саша от ясного сознания, что замерзает.

Об угол печки разорвал парку на груди, так, что вылетела дужка, и брызнули пуговицы. Сунул руки подмышки. Сквозь лихорадочный озноб, сотрясавший все тело, радостно почувствовал покалывание в кончиках пальцев.

От капкана к капкану, медленно, как в воде, бредет по тундре рослый мужчина. И, если споткнется о заструг и упадет, то, так и быть, отдохает, а если нет, - идет дальше.

Так же дует в лицо безжалостный хиус, так же дымится поёмок, и так же сквозь тонкую облачность льется сияние. Но дужка от стула уже не топорщит парку на груди, дуло ружья не торчит над ухом, и целлофан букета давно рассыпался в прах. Но каждый раз мужчина поднимается и проходит еще немножко.

«...Ещё не вся черёмуха в твоё окошко брошена...».

В тысячный, наверное, раз за эту неделю выходила Таня на порог слушать тишину. Двадцать пятого декабря предчувствие беды стало невыносимым.

Все шесть собак лежали в пристройке, уткнув носы в лохматые животы.

Мороз.

Мельком глянула Таня на термометр.

Сорок два.

Ладно.

Сорок два не пятьдесят.

Неохотно встали псы в алыки, но потом разогрелись, ходко пошли знакомым путем вдоль капканов.

Часа через два вожак круто развернул упряжку так, что Таня чуть не выпала из саней, и завыл, вскинув голову к размытой облаками луне.

На склоне сугроба на коленях стоял человек и неловкими слепыми движениями старался поднять упавшую с головы шапку.

«Пьяный, что ли?.. Господи, да это же...»

- Саша?

Медленно поднял он голову. Толчком вылетел пар и белой пылью рассыпался в воздухе.

«...Заря моя вечерняя, любовь неугасимая...»

- Саша!!!

В ответ полувздых-полустон.

Таня уже рядом.

Руки! Что с руками у него? Где рукавицы? Шарфом заматал... И что это? Свитер что ли разрезал..? Ни «Бурана», ни ружья и пустая ножна на поясе...

- Больно тебе, миленький? Дай-ка руки сюда, дай их сюда, сейчас согреем под моей паркой..!

Долго ждут собаки прильнувших друг к другу посередине тундры мужчину и женщину.

- Домой! — Любимая команда. Домчали за час.

Какая благодать, зайти с мороза и ветра в жилую избу! Как хорошо вдохнуть запах свежее испеченного хлеба и увидеть красные угли сквозь щели печной заслонки! Первым делом — руки мужа в холодную воду. Ведерко угля — в печку, — чайник — на огонь.

- Ах, Саша, Саша... — медленно разламывает она ледяную корку на его лице, освобождая бороду от вмерзшего в нее воротника свитера, от которого, похоже, один лишь воротник и остался. Сняла с него парку и на пол выпали гвоздики. Мятые, ломкие, черные...

- Спасибо, милый!

Помаленьку начинает она плакать. Лицо мужа до неузнаваемости распухло. Вместо глаз - щелки, на шее толстые красные полосы и такие же красные вывернутые губы.

- И какой же ты стал страшный, губошлепистый... Пряма великий вождь Чака Зулу... Устроил праздник, змей шершавый!

Вождь зулусов Шершавый Змей, он же Лапушка, Касатик и Чучундра Моя Ненаглядная, что-то бубнит и качает головой, но чай пьет сам, неуверенно держа чашку сардельками пальцев цвета перезревшей малины.

- Будем жить, Саша!

Опять видит она его стоящим на коленях в сугробе. Все ловит и ловит упавшую с головы шапку. И слезы опять каплют в чашку с чаем, и она садится рядом и прижимается к его красной обмороженной щеке своей красной от печного жара щекой. Чашка выскальзывает у него из рук и падает на пол.

Саша заснул, и Таня укладывает его в постель. Выходит в сени накормить собак. Поднимает с пола мятые черные цветы. Оглаживает их, распрямляет и ставит на стол, в банку с водой. Может, отойдут. Гасит лампу, и ложится рядом с мужем. Уютно, тепло и тихо. Потрескивают дрова в печи, пляшут отсветы огня на стене, да ветер скользит по крыше.

Медленно проводит она рукой по буйной головушке и замечает еще один знак внимания: короткая стрижка, чисто выбритый затылок. Старался. Хотел понравиться. Лапушка.

«Господи, Царь небесный! Не умею я молиться. Не научили, не показали, не донесли. Но прими, Господи, бесконечную благодарность мою, что наполнил Ты мне сердце тревогой, что дал поспеть вовремя. Продли нам, Господи, медовый месяц, продли нам его надолго».

Пора оставить их одних. Могу лишь добавить, что один из цветков ожил. Нет, не красный. Белый. Мне Таня говорила.

«...Еду, еду, еду к ней, еду к любушке своей!...»

Александр ГамИ

Автор многих стихов, поэм и сказок. «Золотое перо Руси» в номинации «Поэзия» за создание новой формы поэзии «Однословный многорифм» (двухтомник «Однословных многорифмов» на конкурсе «Лучшая книга 2010» в Берлине в номинации «Альманахи и сборники» получил серебрянную медаль). Третий сборник Однословных многорифмов увидел свет в 2012 году.

В 1995 году издан поэтический сборник «Пушкин и Дантес», в 2007 году - на 2-х дисках роман «Призрак Щекатилова» («Говорящая книга» Москва). Первая версия романа «Отношение к желаниям» получила в Берлине на конкурсе «Лучшая книга 2010» золотую медаль в номинации «Детектив и фантастика». «Говорящая книга» выпустила также в 2005 программу «Клуб до 40», где Александр ГамИ озвучил биографии 40 русских поэтов XIX века, не доживших до 40 лет, и исполнил романсы на их стихи, а в 2006 вышла в свет музыкальная сказка «Про Пострела Ивановича», в которую вошёл цикл из 15 детских песен.

Первый музыкальный диск «Произведения Моцарта, Шумана, Чайковского и Рахманинова» выпущен в 1998 году в Германии. Как оперный певец работал в России, Франции, Германии.

Однословные многорифмы

БЛАГОСЛОВЕНИЕ

- 1 Пусть битьсяя
- 2 В дверь
- 3 Дикаря
- 4 Нет
- 5 Сил
- 6 И умения, -
- 2 Поверь:
- 4 Поэт
- 5 Получил
- 3 Не зря
- 1 Частицу
- 6 Благословения!

ЛЕГКОМЫСЛИЕ

- 1 В безукоризненном
- 2 Вечном
- 3 Экстазе,
- 4 Как перелётные
- 5 Птицы,
- 6 Наши
- 7 Желания
- 8 Неудержимы.
- 4 И в искромётном
- 7 Сиянии
- 3 Наземь
- 2 Беспечно
- 5 Сочится
- 6 Чаши
- 1 Жизненной
- 8 Содержимое.

ЭТАЖИ

- 1 Люди,
- 2 Как снег,
- 3 Парят
- 4 По наитию,
- 5 В изрядном
- 6 Количестве
- 7 Праздно
- 8 Кружа...
- 1 И из века
- 2 В век
- 5 В неравном
- 4 Развитии
- 3 Творят
- 7 На разных
- 6 Кармических
- 8 Этажах.

РОВЕСНИКИ

- 1 Уходят
- 2 Ровесники.
- 3 Ранняя
- 4 Осень.
- 5 Короток
- 6 Век.
- 7 Внутри,
- 8 Что ни день,
- 9 Пустота
- 10 На грани.
- 1 А годы
- 2 Не пестуют —
- 3 Ранят
- 4 И косят!..
- 5 Скоро твой
- 6 Бег —

7 Смотри! —

- 8 Слово тень
- 9 От листа
- 10 Увянет!

БЕЛЫЙ ВОРОН

- 1 Жить
- 2 Лечу
- 3 Смело
- 4 В сторону,
- 5 К терниям
- 6 Напрямки.
- 1 Быть
- 2 Хочу
- 3 Белым
- 4 Вороном,
- 5 Мнениям
- 6 Вопреки.

НОША

- 1 Сколь
- 2 Сложно
- 3 Век
- 4 В яре
- 5 Таскать
- 3 В снег,
- 6 В зной
- 1 Боль-
- 7 Ношу!
- 2 Но можно
- 4 И в дерьме
- 5 Сыскать
- 6 Порой
- 7 Хорошее.

МАРАФОН

- 1 Испокон
- 2 Веков
- 3 Стонет
- 4 Природа-
- 5 Мать:
- 6 То вдруг
- 7 Зной,
- 8 А то
- 9 Ветры
- 8 Потом
- 10 Со снегом...

- 1 Марафон
- 2 Суров:
- 6 Недосуг
- 5 Считать
- 7 За спиной
- 9 Километры
- 4 И годы
- 3 Пустого
- 10 Бега.

ОХЛАЖДЕНИЕ

- 1 Как грустно
- 2 Обнимать
- 3 Пустыми
- 4 Рукавами
- 5 Надежды
- 6 Тихой
- 7 Сникшую
- 8 Любовь.
- 1 Искусство
- 2 Ждать,
- 2 Прощать
- 3 Остыло
- 5 Между
- 4 Нами.
- 1 И чувства,
- 9 Нас
- 7 Томившие,
- 9 В сей час
- 6 Не вспыхнут
- 8 Вновь.

КУКУШАТА

- 1 Хуже
- 2 Войны
- 3 Любой
- 4 И пушек
- 5 На свете -
- 2 Для страны
- 3 Мой
- 1 Друге,
- 4 Кукушкины
- 5 Дети!

СОБЛАЗНЫ

- 1 Непотребные
- 1 В небе
- 2 Витаят
- 3 Угрюмые
- 3 Думы
- 4 Жадные.
- 5 Не пригреться,
- 6 Знать,
- 7 Богу
- 8 В пустой
- 9 Душе.
- 10 Только
- 10 Нисколько
- 11 Мне
- 11 Не
- 4 Повадно
- 6 Гнать
- 5 Из сердца
- 2 Их стаю

- 7 Строгим
- 8 Постом
- 9 Взащей.

ЛЕТНИЙ ДОЖДЬ

- 1 Устало
- 2 Светило
- 3 Зря
- 4 Грешных
- 5 Мучить
- 6 Огнём.
- 2 Поспешило
- 6 В туче
- 7 Укрыться.

- 8 Высвистан,
- 8 Выхлестан
- 3 Я

- 1 По сусалам
- 4 Слетевшим
- 6 Дождём,

- 9 Словно
- 9 Господней
- 7 Десницей.

ДОЖДЛИВЫЙ
ДЕКАБРЬ

- 1 На заре
- 2 Сходит
- 3 В грёзах

- 4 В кровать
- 5 Твою
- 6 Нега,

- 7 Без стыда
- 8 Касается

- 9 Тесных
- 10 Кружев
- 11 Сна.

- 1 В декабре
- 5 Я лью
- 3 Слёзы:

- 10 Вода
- 9 Вместо
- 6 Снега.

- 4 Знать,
- 2 Погода
- 8 Мается.

- 7 Видно,
- 11 Влюблена.

КАК?

- 1 Я
- 2 Прохожий

- 3 В коротком
- 4 Эфирном

- 5 Отрезке
- 6 Времени.

- 7 Что
- 8 Смогу я
- 9 В свете

- 10 И КАК
- 11 Свершить?

- 12 Просто
- 10 Так,

- 2 Лежа
- 3 В лодке
- 4 Смирно?
- 5 Иль с блеском
- 8 Гарцуя
- 6 В стремени?
- 1 За меня
- 7 Никто
- 13 Не
- 9 Ответит,
- 12 До погоста
- 10 Как
- 13 Мне
- 11 Прожить?

ТЩЕТНОСТЬ

- 1 Как зыбок
- 2 Быт!
- 3 Тревожат
- 4 Стресс
- 5 И планы...
- 6 Надежды
- 7 Безответны,
- 8 И хаотичен
- 9 Бег.
- 1 Что-либо
- 2 Быть
- 3 Не может
- 4 Без
- 5 Изъяна:
- 6 В промежность
- 7 Тщетно
- 8 Тычет
- 9 Человек.

КОНЕЦ ЛЕТА

- 1 И снова
- 2 Лето
- 3 Удалилось
- 4 Грустно.
- 5 Ненастный
- 6 Серый
- 7 Беспросвет.
- 8 Курлычит
- 8 Птичий
- 9 Клинь.
- 1 Свинцовым
- 2 Цветом
- 3 Отравились
- 4 Чувства.
- 5 И в счастье
- 6 Верить
- 7 Нет
- 9 Причин.

Израиль

Евгений Минин

Поэт, пародист, издатель, родился в г. Невель Псковской области. Стихи, пародии и проза печатаются в журналах и газетах, издаваемых в США, России, Израиле и Европе, «Литературная учёба», «Дети Ра», «Иерусалимский журнал», «Интерпоэзия», «День поэзии», «22», «Зарубежные записки», «Слово/Word», «День и Ночь» и т.д. Участник постоянных юмористических рубрик в «Литературной газете», «Литературной России», журналах «Флорида» и «Литературная учёба», в израильских газетах «Вести» и «Секрет». Издатель и редактор-составитель множества поэтических альманахов и литературных приложений. Автор семи поэтических сборников и книги прозы, председатель Иерусалимского отделения СП Израиль, член СП Москвы, издатель и главный редактор журнала «Литературный Иерусалим», ответственный секретарь «Иерусалимского журнала», член редколлегии журнала «Дети Ра». Лауреат Третьего поэтического фестиваля памяти Поэта – Израиль, лауреат премии журнала «Флорида». Живёт в Иерусалиме

КОГДА БЫ...

Под настойчивый рёв тепловоза,
Средь еловых теней и ольхи;
Как бы жили мы, если б не проза,
Кем бы стали, когда б не стихи?
Александр Кушнер

ИСКРЕННЕЕ

Корабль плывет, дельфины лают,
судьба — вместилище трухи:
как жаль, что нынче не ссылают,
не убивают за стихи.
Александр Кабанов

Неужто в небе, там,
Где космоса задворки,
У инопланетян
Прочли мои подборки?

ПО ЩУЧЬЕМУ ХОТЕНЬЮ

Щука сквозь ледяную дырку
спросит: — Что тебе, блохья сыть?..
Тут уж главное на бутылку,
на бутылку не попросить.
Юрий Ряшенцев.

Не ехидно, совсем добродушно
Приведу адекватный пример;
Что б читали мы, если б не Кушнер,
Что б писали, когда б не Гомер.
Сколько в мире пера виртуозов,
Написавших тома чепухи,
В нищете жило б, если б не проза,
И не спилось, когда б не стихи.

ВИШНЕВСКИЕ СТРАДАНИЯ

Я единственный не понимаю:
Что случилось — случилось со мной.
Владимир Вишневский

Наступили бессонные ночи
И безумие творческих дней.
Я стараюсь писать покороче,
А выходит длинней и длинней.
Может, стану известным пиитом,
Предсказаниям всех вопреки,
Ведь настолько я стал знаменитым,
Что уже не хватает строки...

Поэтов развелось повсюду —
куда ни плюнешь — рифмоплёт.
Лютует критик, бьёт посуду —
а караван себе идёт.
В литературу мы попали:
кто — от сохи, кто — от станка.
А так писать, чтоб убивали —
у нас ещё кишка тонка.

ИНОПЛАНЕТНОЕ

Вновь мимо просвистел
Космический булжжик.
Константин Ваншенкин

Домой неспешно шел,
Счастливейший на свете —
Стихи свои прочел
В сегодняшней газете.
Я многое сумел,
Поэзии подвижник!
Вдруг мимо просвистел
Космический булжжик.

Получилась такая штука,
шел по льду как-то раз напрямик —
вдруг из проруби вылезла щука: —
Дескать — что тебе надо, мужик?
Словно молотом «бац» — по затылку,
Сто желаний снуют в голове:
Нет, не буду просить на бутылку —
Пусть мне книжку издаст!
Или две!
Иль в кино роль какую сыграю —
на желанья возник аппетит,
только щука пропала — а с краю
вижу, братцы: бутылка стоит.
Не успел даже крикнуть: Спасибо!
Начал греться, поскольку — зима.
Щука — видимо, умная рыба —
если всё понимает сама!

ЖДИ МЕНЯ

*Лежал. Не как всегда, а наново
как будто было мне лежать.
Читал Георгия Иванова —
и ждал. И так хотелось ждать!*
Анатолий Найман

Свои стихи читал я заново,
и, перелистывая лист,
всё ждал Георгия Иванова —
пришёл Иванов-пародист.
Когда-то звал меня по имени,
а тут скривил улыбкой рот:
«Лежи и дожидайся Минина —
он обязательно придет!»

ИзТорическое

*И я, прибегнувший к перу,
Скуривший пачку «Беломору»,
Для рифмы пролиставший Тору,
Как Моисей,
народу — вру.*
Максим Жуков

От «Беломора» ставший бледным,
Я расскажу России всей
На что мацу евреям бедным
Когда-то вешал Моисей
А врать могу я без разбору —
Подняв себя на пьедестал,
Поскольку не читал я Тору,
А так, для рифмы пролистал.
Поклонник ямбов и хореев,
Я обо всем писать привык.
Но сторонюсь всегда евреев,
А то обрежут мне... язык.

ПАМЯТНИК ТИПА

*..пиши перо скрипи бумага
я типа памятник себе.*
Борис Панкин

и пусть не почитаем всеми
намечен перелом в судьбе
поскольку в нынешнее время
я типа памятник себе
и не нуждаясь в пьедестале,
я всем великим брат и сват
вот правда голуби достали
нагадить сверху норовят.

ЖЕНСКИЕ ТАЙНЫ

*Как пахнут морем и жасмином
Мои латышские духи!
И вот, чтоб нравиться мужчинам,
Я ими брызнула в стихи.*
Марина Бородинская

Тебя, читатель, знаю точно
Мои стихи не утомят.
Я придавать умею строчкам
Какой угодно аромат.
Порою брызгаю заразу
В них —
хлор и даже аммиак.
Такие вслух читаю сразу,
Когда привяжется маньяк.

РАЗГАДКА МИФА?

*Самсон, Самсон, спроси свою Далилу:
куда ты на ночь, сука, собралась?*
Лидия Григорьева

О чём я расскажу — для всех наука.
Сказал Самсон Далиле вгорячах:
«Куда же собралась
ты на ночь, сука» —
и тут же был острижен в пух и прах.
А как не вспомнить о похожем мифе.
Какие, догадаетесь ли вы,
словечки Олоферн сказал Юдифи,
за что лишился сразу головы?

ЮНОЕ ПЕНСИОНЕРСКОЕ

*Меня насильно в старость привели.
Я не хотел. Я упирался рогом.
Я был не тот. Меня не там нашли.
Неверно рассчитали по итогам...*
Геннадий Русаков

Я не давался запросто врагам,
Грипп обходил, не трогала простуда,
Мне годы надавали по рогам,
Хотя я был не тот и не оттуда.
Но паспорту не верьте, глупышу,
В душе мы не один десяток сбросим!
Вы почитайте — я ещё пишу,
Как в двадцать пять!
От силы — в двадцать восемь!

СОРТИРИЧЕСКОЕ

*Этот город внезапно-весенний,
Где Горбовского след не простыл,
Где ходил по Большому Есенин,
Где по Малому Бродский ходил...*
Вадим Куняев

Питер — город мечты и контраста,
Сколько строчек о нём сочинил,
Я гулял по Литейному часто,
И на Невский не раз заходил.
Но одно так набило оскому,
У меня к медицине вопрос:
Стоит только пойти по Большому —
Прошибает словесный понос.

Ирина Явчуновская

Родилась в Крыму в Симферополе. Живу в Израиле в пригороде Хайфы. Автор пяти сборников стихов и переводов. Перевела несколько книг стихов и прозы с английского и иврита, участвовала и занимала призовые места в международных литературных конкурсах. Посещаю лит. студию «Анахну» - Хайфа, член Союза писателей Израиля и Союза журналистов и литераторов АРІА

Танец мотыльков

В прожилках солнечного света
Струятся воды ручейков,
Играет день на флейтах лета
Под нежный танец мотыльков.

В одном порыве и круженье,
Мелькая, крылышки сплелись,
Танцует ветер в упоенье,
И птиц подбрасывает ввысь.

На тонких ножках пляшут маки, —
Нет ни печалей, ни оков, —
Их лепестки горят, как флаги
Во славу белых мотыльков.

Пусть мир не прочен и не вечен.
Любим напастям вопреки
Венцом создания и предтечей
Сольются в танце мотыльки.

Несётся время-колесница,
Но под колёсами веков
Всё не умрёт, покуда длится
Беспечный танец мотыльков.

Под крылом самолета

По огромной небесной равнине
Мчится лайнер, и словно на льдине
Иль в краю необъятных снегов,
Я витаю среди облаков.

Облака подо мной, они близко,
Словно в белых конвертах записки,
Всё плывут. Я приблизилась к ним,
Моим старым друзьям неземным.

Даль прозрачною льется рекою,
Облака-берега под рукою,
А в расщелинах облачных гор
Мой любимый бескрайний простор.

Я опять ворожу и летаю,
А они уплывают и, тая,
Будто просят коснуться слегка,
И уносят меня облака

В те края, где не давят оковы.
Где пушинки ловить я готова,

Платья жизни вязать из клубков -
Лебединых моих облаков.

* * *

Витая в облаках, плывут печали
Над крышами, над ливнем, над стволами,
Стоим и ждём отплыть на причале?
А может быть на якорь встали сами?

А нужно плыть, а плыть необходимо,
Но давит притяжение земное.
Как это странно и необъяснимо,
Как прежде ни полёта, ни покоя.

А струны зазвенели, зазвучали,
Нарушив и каноны и границы.
И снится, что веселый чёлн отчалил,
А может это вовсе и не снится?

У времени не стойте на распутье,
Оно всегда безжалостно и грозно.
Оно вас откровением разбудит.
Так оттолкните чёлн, пока не поздно!

Осень

Сквозь птичий гомон,
Давно знакомый,
Из дальней выси
Пророчит голос,
Далекий голос:
— Желтеют листья.

В канве зеленой
Сияют кроны,
А приглядишься —
На ветках дуба,
На ветках клена
Желтеют листья.
Погонит ветер
В края иные,
Во всю стараясь,
Клин журавлиный,
Листок осины
И белый парус.

Вдогонку крикну:
— Не дуй так сильно,
Дай попрощаюсь...
Где лист осины,
Клин журавлиный?
Где белый парус?

Но все спокойно
Под небом знойным.
А в дальней выси
Пророчит голос,
Что скоро, скоро
Наступит холод.

Желтеют листья...

Два удачливых неудачника

Дождик капает, небо мрачное,
Капли струйкой стекают с ворота.
Два удачливых неудачника
Ходят, бродят с зонтом по городу.

Никакими узами брачными
Их судьба не связала намертво.
Их не ждут Мерседесы с дачами,
Яхты, виллы, дворцы из мрамора.

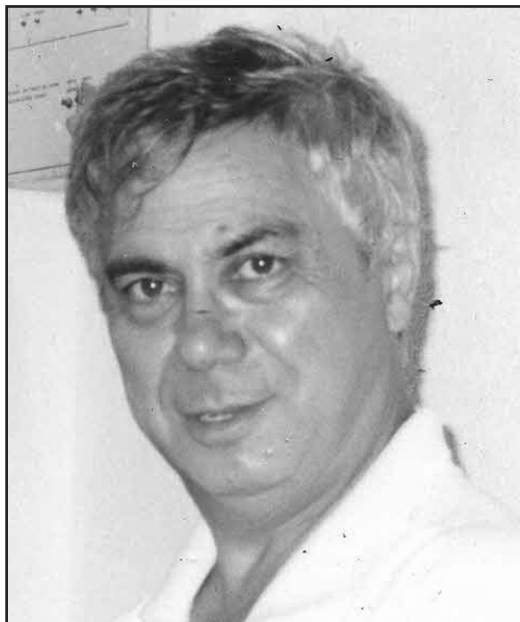
В дне сегодняшнем
и в дне завтрашнем
Ничего-то не обозначено.
Так бредут наугад, но рядышком
Два удачливых неудачника.

Что-то прячется солнце яркое —
Только небо седое мрачное
Стало чуть светлей, когда за руки
Взялись крепко два неудачника.

* * *

Улетая, тают стаи,
Стынет синь, цикады звон.
Сумерки с высот свисая,
Застилают небосклон.
Лунных льдинок отраженье
В ледящей глубине,
Ледяной тропы скольженье
По лоснящейся волне.
Стон струны, лица свеченье
В незашторенном окне.

Время падает на плечи.
Ночь не ждет, уходит год...
Вечер. Но ещё не вечер,
Потому что жизнь идет.

Михаил Левин

Михаил Левин – художник, поэт, журналист. Его жизнь насыщена как трагическими событиями, так и счастливыми встречами, повлиявшими на выбор жизненного пути.

Стихи начал писать в пятнадцать лет. В армии служил во флоте и печатался в Москве, Норильске, во флотской окружной газете «Страж Балтики». Тогда же вышел сборник «Песни, рожденные морем». Позднее его стихи публиковались в периодических изданиях России, Латвии, Израиля. В Израиле вышел его сборник стихов «Камень преткновения». Михаил состоит в хайфской литературной студии «Анахну», член союза литераторов и журналистов АПИА.

Заклинание

Когда, казалось, Смерть и Нищенство
Меня делили на двоих,
Явилась мне Её Величество
Поэзия – мой скромный стих.

Теперь она моё имущество,
Без украшений и одежд.
И нет у Смерти преимуществ,
И нет у Нищенства надежд.

Ночь победы

Томится холст, и мучает рассудок,
И рвётся в бой неведомый душа...
Так ждет меня сам господин рисунок —
Отчаянный бросок карандаша.

Позирует закат,
Застрав в оконной раме,
Чтоб золото к ногам моим стекло,
Как будто каясь и хвалясь дарами,
Выдавливая краски на стекло.

Но в этой сцене я лишь соглядатай.
Мой карандаш устроил праздник свой,
Изобразив безногого солдата
С подружкой на койке громовой.

Не до закатов...
Ночь пришла на помощь.
Солдатык расправылся не спеша.
Хоть инвалид, но всё же он не овощ.
Кому-то всё ж мила его душа,

Голодная, контуженная, злая,
Терзавшая солдатскую кровать...
Как жить в миру она ещё не знала.
И, видит Бог, ей лучше бы не знать.

Пружины пели с визгом гимн победе.
Свистел припев: вперед, солдат, вперед.
И в коммуналке сонные соседи
Подняли пальцы — во солдат даёт!

Гляжу на холст... «рука колоть устала».
А на стекле жужжит весенний шмель.
И женщина, как будто с пьедестала,
Ступает на солдатскую шинель.

Твой мир

Твой мир наивен, как лоза,
Обнявшая рассвет...
Во что распахнуты глаза,
Таким и видишь свет.

И пламя робкое свечи,
Впадающей в экстаз,
От сердца кроткого ключи
Выискивает в нас.

Как ни смеши, как ни греши,
Средь груди лживых фраз
Кусочек родственной души
Выискивает в нас.

И если даже не у дел,
И в горле волчий вой
Средь тел, погрязших в суете —
Отыщет облик свой.

И нет запрета на сюжет,
Хоть зачитай до дыр.
Какой в душе несёшь ты свет,
Таким и видишь мир.

* * *

Живу я, где ночи
Рассорились с днями,
Размолвку смакуя и празднуя,
Где ветер в заливе
Картавит камнями,
Как будто меня передразнивая.

Где звук отражается
От перламутра
Ракушек, предела не зная.
Где падает лето
В объятия утра,
Меня соблазняя.

А в доме моём,
Заточённые в раме
Под шорохи ночи,
Ожившие, словно
На киноэкране
О чём-то пророчат

Картины.

Там огненный кот загляделся
На парус неброский.
Где в раму упёрся
Летающий по рельсам
Трамвайчик московский.

Пророчат о чём-то
Неведомом даже,
О странствиях странных.
О странах,
Где вновь окажусь я однажды
Средь самых желанных.

Там звонкая стая
Цветастых мгновений
Меняет наряды.
Где выйдут на встречу мне
Из-под корней
Лесные Дриады.

И жизнь моя снова
Наполнится днями,
Размолвку не празднуя,
Где ветер в заливе
Картавит камнями,
Меня передразнивая.

Моя знакомая смеялась

Моя знакомая
смеялась
Так, что обиженно
ворча,
В тартарары сошла
усталость
В халате с моего плеча.

Искрились
Вымытые стёкла,
Ломилась в раму
бирюза,
И, хохоча,
Сползала чёлка
на хитроватые глаза.
И удивлённый этим вечер
В окне с улыбкою
возник.
И этот миг был бесконечен,
Увековеченный на миг.

Светлана Даниэль Дион

Поэт. Прозаик. Балерина. Президент Международной Ассоциации Граждан Искусства - М.А.Г.И. Член Союза писателей России и Союза писателей XXI века. Награждена литературной премией и памятной медалью им. А. П. Чехова «за верное служение русскому слову», памятной медалью им. А. С. Грибоедова «за расширение литературных границ» и дипломом, как лауреат конкурса «И помнит мир спасенный» (Мадрид, Россотрудничество). Лауреат международного турнира русских поэтов зарубежья «Пушкин в Британии-2004». Член Всемирного клуба петербуржцев. Лауреат премии газеты «Поэтоград» за 2010 год в номинации «Поэзия». Лауреат премии журнала «Футурум АРТ» в номинации «Лучшая публикация года - проза» за отрывки из романа «Записки ангела-хранителя». Вошла в список 50-ти прозаиков 21-го века (рейтинга/опрос нелитературного сообщества). Родилась в Ленинграде. Высшее образование получила в Колумбийском университете (Нью-Йорк) по специальности «международные отношения», с уклоном в филологию и астрономию. В «переломном» 1998 году профессиональная балерина С. Дион внезапно начала писать стихи и прозу. Пишет стихи на русском, английском и испанском языках. Стихи, написанные ею по-английски, были удостоены ряда наград и вошли в несколько антологий современной американской поэзии. Автор-составитель (совместно с Е. Ерофеевой-Литвинской) Антологии прозы и поэзии М.А.Г.И. «МАГИческое Слово». В 1999 году русская программа телевидения (RTN) выпустила документальный фильм о литературном и балетном творчестве С.Дион - «Поэтический полет русской Терпсихоры».

ПОЭМА ПОСЛЕДНЕЙ НОЧИ

(Обрывки стихов с посвящениями со
сбоями ритма и рифмы)

1

....Ирине, матери моей, посвящается...

Последняя ночь –
Мать и дочь.
Закричать бы...
Но не кричит.
Упасть бы...
Но некуда.
Остановить бы
Дождь
За окном.
Ночь
Уговорить бы сжалиться...

Имя Матери Божьей
У медсестры на халате –
Мария склонилась над
Моей матерью...
В палате
Мария в белом,
С глазами усталыми,

Отводит взгляд.
Сколько недель подряд?
Я рядом с мамой –
Тающей, причащённой,
Холодеющей.
Освобождённой.
Тусклый больничный свет.
Мама, сколько нам вместе лет?
Тишина не дышит...
Встретим ли вместе рассвет?
Памплонские спящие крыши...
Стынувшая рука в моей...
Родная самая.
Рука мамы.

Капли за окном – змейками вниз,
Становлюсь одной из них.
Тороплюсь, сбиваю соседку,
Вместе быстрее скользим,
Примкнули другие,
Ещё две, три, четыре...
Катимся, как дети с горки,
Увлекая такие же прозрачные
За собой...
Восторг.
Стоп.
В сугроб.
О лёд лоб.
Гроб?!

Коченеют руки...
Рама вниз. Обрыв.
Там не властны муки...
Скрип кровати.
Последняя капля воли.
Сброшена чешуя боли.
Отмена переливания крови...
Капельница.
Прозрачный пакет
С чудо-средством
От рака.
Вот он. – Но уже поздно.
И наложен запрет на слёзы.

Мама,
В телефон плакал
Минуту назад
Тот, кто любил тебя
Много лет подряд...
Не узнал мой голос.
Передал «Прощай»
В трубку...
Слышишь, мама,
Дай руку,
Согрею,
Мы попросту не успели.
Мой младенец тоже тебя спасал:
Делили моё молоко на двоих.
Но тщетно. Пирога – причал.
Ветер стих...

Бред ли всё, мама?
Этот стон и крик
Живого скелета
С твоими глазами
Небесного цвета,
Летнего неба...
Расцветет сирень,
Придёт день
Букет не тебе
Дарить, а... могиле?
Болезнь или рок?
Нас Ангелы позабыли?
Где сила любви?
Лава бессилья.
Капель из иглы в вену...
Кто-то бесшумно
Пройдёт сквозь стену,
Я знаю, мама... Вот-вот...

Я дважды уже проиграла битву
За тебя, за твою сестру! Что –
Читала не те молитвы?
Я знаю, я тоже умру,
Так все, но не все – так.
За что, мои девочки,
Вам агония,
Сгорание, рак...
У меня на руках...
Шепчу:
«Отпущу – Прощу – Прости.
Последняя попытка.
Мама, возьми с собою
Улыбку
Моего сына.
Детский смех внука
Пусть излечит раны,
Что не лечит вечность
В краю Нирваны...»

Голос тишины многоликой:
«Я узнаю вас по цвету улыбки, –
Из-под закрытых
Пергаментных век, –
Так борются далеко
Не за всех
Матерей,
Дочурка, поверь...
Не столько всем суждено
Потерь.
И перед миром теней
Не бывает любви сильнее,
Будь уверена в ней –
В дочерней любви твоей...
Отпусти – дай уйти...»

.....
Объятие.
Знаю: последнее.
Навсегда.
Руки матери –
Бессильные лоскуты
Сочатся любовью,
Замыкаются кругом
У меня на спине,
Сиделка им помогает,
Словно кукольник...
И что-то распорото
В ребёнке – во мне,
Склонённой над матерью, –
Вдали от жизни,
В чужой стране,
С дождливой ночью
наедине...

Все медленней бьётся сердце –
Наше – моё и мамы.
И капли гибнут,

достигнув рамы,
И новые – вниз повтором...
Сиделка
Не ушла после смены:
«Тебе впервые, а мне не ново.
Останусь. По эту сторону
Кровати.
Я знаю, как это – терять мать.
ЛЕГЧЕ САМОЙ УМИРАТЬ.

В палате –
Я, Мария и Мать.
Исчезает эхом
Щепотка минут...
Там свои уже ждут...
Но зов младенца, –
И ток материнства
В пружинах сердца,
Но лишь моего.
Ледяная ладонь мамы.
Общий ров. Яма.
И вспышка –
Открылись очи:
«Будь сильной,
Дай слово, доча,
Вырасти сына...
Всё хорошо.
Я жила не зря:
Ты светлая-светлая у меня...»

2

.....моему сыну....

«Виноградная гроздь – лоза»,
Папа – Парра,
На щеке – родинкою слеза...
Рукою милости или кармы?

Смысл имени сокровенный
Разгадан душой.
Мой единственный и мой
первый
Рождён на земле чужой...
Совпадений блики.
Мой сын Энрике,
Вдвоём с тобой я шла
(Нет – втроём с судьбой)
Босиком по осколкам стекла,
Я тебя на руках неслла
В то хмурое утро,
Когда выдавали урну,
С именем мамы...
Выбирала футляр (не яму),
Вас двоих прижимая к груди,
На плечах – вместо шали – тучи...
В тот день я стала могучей.
Или это ты – из завтра –
Шёл впереди,
А за тобою ребенком – я?
Спасенья карта...
Спирали пути...
Молитва отчаянья –
«Мама, прости...»

Энрике «Лоза»,
В ту ночь в вешем сне
Рыдала гроза.
В пустынной стране
Ты мечом рубил скалы,
Пролагая нам путь.
За тобой я едва поспевала,
(Тенью за нами Грусть),
Из глаз – капли дождя.
Я опиралась на два локтя,
Кто справа – и слева?
Ангелы Хранители –

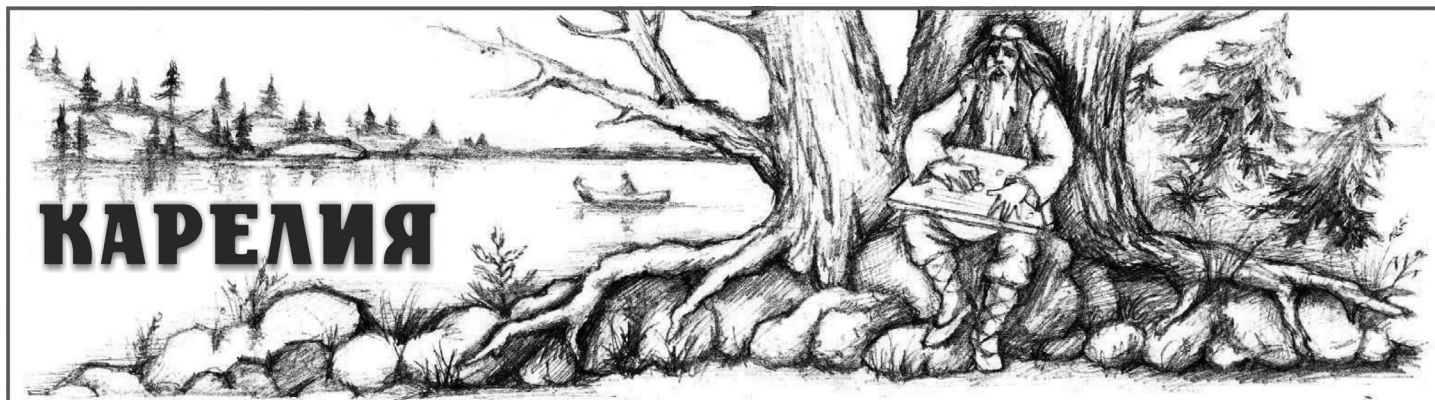
Мои небожители? –
Рассмотреть не посмела...
С того дня – за тобой
По тонкому льду,
Не касаясь земли,
Над бедой,
Над студёной водой,
Цепляясь за наше небо...
В то памплонское утро
Младенцем ты не был,
Знаю,
То крылья твои,
Мой ангел,
Шумели над нами,
Когда наше горе,
Словно цунами,
Покрыло землю
У нас под ногами...

Энрике,
Ты ещё не умел ходить,
И мы вместе учились жить –
Шаг за шагом.
Рассвет за рассветом.
Ночь за ночью.
Ответ за ответом.
Вместе, даже когда мы врозь,
О, моя Виноградная Гроздь!

3

.....Посвящено Н. Джину....

Времени – горсть.
В горле – гвоздь.
И между капель
В больничных окнах
Писал мне кто-то
Строки и ноты,
Родные стихи...
Скажи, мой друг,
Ты в тот миг был рядом?
Ты, кто при жизни
Звался Нодаром,
Ускользнул из снов?
Обрывки твоих стихов,
Забывшие много лет, –
О любви, о нас,
И в тот жуткий час
Твой ответ:
«Смерти нет».
Лишь синь...
И струящаяся
Световая мысль,
Словно ток:
У каждого цвет
Невидимый
И обет
Исполнить долг.
Мужайся.
Придёт рассвет,
Твой первый,
А мамы навеки нет.
Вынут иглу из вены –
Знаменье конца...
Чуть изменённый оттенок
Души и лица...
Но будет и свет...
Ещё – твой секрет –
Строчки гонца
В каплях дождя
В ту ночь для тебя
Пролитые свыше.
Исповедь сердца тише и тише,
Небо бездонное ниже и ниже,
И самое дальнее ближе и ближе...

КАРЕЛИЯ

Федор Паньшин

Живет в Карелии, публиковался в разных изданиях, входил в редакционный совет международной газеты «Провинциальный Интеллигент 1».

Пишет стихи, философскую публицистику, басни.

Медведь и выборы

Пока медведь тихонько жил в берлоге,
Народ лесной о нем почти забыл.
Лиса же с волком, на келейном сходе,
В него вселили президентский пыл.
«Ты, Мишенька, - плутовка поучала, -
До выборов про мясо позабудь.
С лихвою после нагуляешь сало.
Пока ж себя на постное понудь.
Веди себя без глупостей, примерно,
В огонь раздоров масло подливай,
Ври осторожно, мягко, достоверно
И лапам своим волю не давай».
Медведь освоил пламенные речи
И строгий, и смиренно-кроткий взгляд,
Как птицелов, в расставленные сети,
Наивный свой поймал электорат.
Снискав зверей доверие и веру,
Избранник тут же речи поменял.
Забыл про совесть, стыд забыл и меру,
Легко, как маску, добрый образ снял.
Когда бы в мире правила любовь!
Увы, народ в вождах нужду имеет.
И каждый раз вожди народ «имеют»,
И каждый раз народу это вновь...

Крот

Известный Крот, зимой, в своей норе,
Набивши брюшко от припасов,
Любил подчас, разнежившись в тепле,
О жизни размышлять и о судьбе,
Об улучшении норы, ходов и лазов.
Он слышал многое от близких и друзей,
Но так как был слепой от роду,
Он ошупью и нюхом знал природу,
Не всё понять он мог из их речей.
Он не был склонен к сказкам, к чудесам,

Но толковал, что слышал, очень вольно,
Поэтому, случилось, что невольно,
Однажды усомнился, кто он сам.
- А, может, я - медведь? -
Крота раздумья взяли,
- И шерсть, как у него, и лапы,
когти есть.
Да что там когти - схожих мест не счесть!
Однако в силе, думаю,

он ровня мне едва ли.
И в земляных работах - не бог весть.
А в остальном, скажу ему, пусть в лезть,
Когда б мы рядом вместе встали,
Нас, верно, спутали бы, если б увидали!
Ах, сколько этаких кротов
Нас учат, пишут, рассуждают
О том, что сами мало знают,
Или не знают ничего!..
Тут плакать надо б -
Мне ж смешно!

Петух и Лис

Петух закон прочел и, став смелей,
Забрался к Лису в нору,
Желая прямо в ней придать того укору
За нарушение лесных статей,
Не позволяющих душение курей
И прочие такие причитанья
Для назидания зарвавшихся зверей.
Опешил Лис: «Охота только в среду,
А этот хам приперся сам, к обеду.
Всю нору сходу истоптал,
И, как репей, к хвосту пристал...»
Лис мирен был - Петух же наседал:
С наскоку, безо всякой перемены,
Подвел к статье:
«Предательство, измена»,
Затем - «Гребёж». Опомниться не дал,

Кричал (пером по морде
тыча вурдалака):
«Ты - не лиса - ты хуже, чем собака!
Для леса первый изверг и злодей,
Друг мясника и прозелит его идей!».
Лис подскочил, шерсть дыбом встала,
Кровь злая в жилах застучала...
Петух, увы, того не замечал
И... слишком поздно замолчал...

Коль ты не облечен призываньем,
Душою черств и нравом хам,
Всё лишь испортишь назиданьем.
Захочешь блага - выйдет срам!

Пожар

Привычный жизни строй
медведю надоел,
И он решил ход изменить
своих привычных дел.
Ему обрыдло в поисках еды
По лесу мыкаться туды-сюды!
Он думать стал, искать такой приём,
Чтоб, не трудясь, все было бы при
нём.
Пришел он к мысли, что чужой запас
Его бы от хлопот излишних спас.
В лесу в то время был большой пере-
полох:
Пожар такой - Медведь
и сам едва не сдох!
Но отдадим мы должное ему:
Заветный план он не забыл в дыму.
Короче, скажем, что под шум такой
Все снес к себе, что было под рукой.
Пожар и мор - лишь повод красть
для тех,
кто в воровстве таком не хочет
видеть грех!

Татьяна Дунаф

Родилась 26 января 1992 года. Живу в Карелии. Всероссийский конкурс «Подрост» (литературная номинация), 2 место, 2004 год (Москва). Первый республиканский литературный конкурс имени Миши Гоккоева «Это было в моей жизни», лауреат, 2004 год, 2005 год. Экологический форум «Зелёная планета» 2004 год (Москва). Всероссийских конкурс детских творческих работ «Лесные богатства России», участник, 2004 год, 2005 год. Районный конкурс, посвященный 60-летию Победы, 1 место, 2005 год. Конкурс молодых поэтов Карелии «Віршина 2006», дипломант. Четвертый республиканский конкурс юных поэтов «Северная Лира», лауреат, 2007 год. Республиканский конкурс детских творческих работ «Парус Надежды», 2 место, 2008 год.

Тавтология

На земле стало места мало,
И как будто другая юность,
Но не та... И глядит устало
Неуютная неуютность...
Разбежались круги по небу,
От пера ускользнула строчка.
Кто я? (Стать бы другою мне бы!)
Одинокая одиночка.
Почему-то все чаще снится
Стая птиц над зеленым морем,
И глаза твои, и ресницы,
Обрамленные горьким горем.
Под ногами осколки грусти,
Зимний воздух на вкус, как пряность.
И тебя, и меня отпустит
Безымянная безымянность.
А январский рассвет багряный
Разгорается постепенно,
Постучалась (жаль, слишком рано)
К нам изменчивая измена.
Ветер выл, разгоняя искры,
Звонкий голос срывался хрипом...
Развернувшись, ушел (так быстро!)
Дверь вздыхала скрипучим скрипом,
Пал снег. И теперь повсюду –
Тишина и немая тщетность.
Непохожая на простуду,
Безответная безответность
Не излечится. Все правдиво
В этом мире чужом и пошлом!
Научись уходить красиво,
Оставляя все в прошлом, прошлом...

Письмо в прошлое

Разлил ноябрь оттепель по лужам,
Целуя грусть в усталые виски,
И ветер кашлял, холодом простужен,
И снежные летели мотыльки.

Художница... Ненужными штрихами
Марала холст из белых простыней.
Луна играла в прятки с облаками,
Смеялась. Знаешь, с неба все видней.

Вода в ладонях холодом сковалась,
Укрыла мыслей горькую полынь.

Истосковалась по тебе, истосковалась,
И выплакала глаз соленых синь.

Перелистала книжные страницы,
Лечила душу, глядя на огонь.
И вот теперь, я знаю, вновь приснится
В моей руке холодная ладонь.

Безумие! От вздоха и до крика,
Разрывом сердца в замкнутой груди,
Кричала, но, казалось, слишком тихо...
Безмолвием рыдая: «Уходи!»

Февраль... Мне снова холодно и тесно,
Болею и предчувствую беду.
Но для тебя останусь просто песней,
Что оборвать не смела на ходу.

Я для тебя останусь перезвоном,
Улыбкой... Знаю, фото ты хранишь,
Грустишь и помнишь номер телефона.
Жаль, не судьба.
Будь счастлив, мой малыш.

Ты

У меня еще есть терпенье,
Чтобы силу придать словам.
Потому я пойду по ступеням,
Ты – по головам.

Снова чувства в груди теснятся,
Разбиваются на мечты.
Черно-белые сны не снятся,
Снишься – ты.

Приоткрытые двери, тонкий
Лунный свет и письменный стол,
Все как прежде осталось, только
Ты – ушел.

Синеглазое счастье, фото,
Громкой музыки плен и дым.
И зовет меня снова кто-то
Голосом – не твоим.

А морозных ночей признанья,
Словно звезды, срывались с крыш.
В изголовье – воспоминанья,
Ты – не спишь.

Это слезы? Ах, нет.... Неважно!
Посреди зимы – это дождь.
И молчит телефон протяжно.
Ты – придешь.

Бесконечность

Одиноко... Однажды... Однако...
Разрывают полночную мглу
Беспокойные возгласы знака
Бесконечность на грязном полу.
Нескончаемо... Нежно... Неспешно...
В пыльном прошлом, затертом до дыр.
Настоящее – живы и грешны
Утром в холоде разных квартир.
Беспричинно... Безбрежно... Безвольно...
Вьется дым запылавших костров.
Не уснуть. И по-прежнему больно
Ноют раны на смену ветров.
Анальгетики... Ангел... Английский...
Растворяешься ниточкой сна,
Мой далекий, жестокий и близкий,
Ты придешь, и настанет весна.
Возвращенный... Возлюбленный... Возле...
Обещаньям и снам вопреки,
Лишь бы голос не выдал! А после
Ты моей не отпустишь руки.

Одиноко... Однажды... Однако...
Станут крепче меж нами мосты.
И секрет непонятного знака
Бесконечность расскажешь мне ты.

Океан

Твоя слеза – бездонный океан,
С невольной дрожью пасмурного лета,
Со сладкой каплей солнечного света,
В котором есть и радость и обман

Вздыхает, как в предчувствии беды,
И о зеленый берег бьется снова.
Размозет недосказанное слово
И на щеке от губ моих следы.

Я так и не сказала одного,
Оставив тень на изумрудном ложе.
Твоя слеза – на океан похожа,
Я никогда не видела его.

Наталья Ахонен

Живу в Карелии - крае безумно красивом и суровом. Никакими выдающимися достижениями похвастать не могу. Пишу с детства, всякий раз, как только мысли начинают проситься наружу.

Чешуйки серебристого сига

«На сегодня хватит, пожалуй», - кряхтя, попробовал распрямить занемевшую спину Ниило. Отложил в сторону только что оконченную работу – плетеную корзину - и вышел из-под навеса. Там возле низенькой скамейки возвышался маленький курган из разнокалиберных корзин, без которых не обходится ни одно хозяйство в карельской деревеньке. Каждая светилась нежным золотом, и горка из корзин казалась живым теплокровным существом. Потирая ноющую поясницу, Ниило заспешил к открытому в доме окошку, поблизости от которого он и устроил себе рабочее место. «Что-то старухи моей давно не слышать, - взволновалось и тревожно забухало вдруг сердце, - как бы она не того... упаси, Господь!»

- Айно! Айхоша! – позвал дед осипшим враз голосом и, задрав седую голову, стал вслушиваться в тишину избы, - старуха моя, да ты жива ли?!

- Ну, чего голосишь, старый? Покою нет от тебя, разбудил, - ворчливый голос, донесшийся из нутра избы, успокоил Ниило. Через миг он зазвучал уже с просящими нотками:

- Клюквы мне потолок, кисленького хочется...

- Сейчас, бабуля, я тебе и клюковки и...лимон с чаем! – полетел к крыльцу дед на всей скорости, которую позволяли ему развить щелкающие в суставах ноги.

Они с Айхошей разменяли уж седьмой десяток. За плечами целые эпохи – советско-финляндская и Отечественная войны в обрывках детских воспоминаний, послевоенная разруха, голод, бесконечные дни, месяцы, десятилетия, заполненные тяжелым трудом. Только выбирались из одних передраг, как родная страна, любительница кризисов, за-

брасывала в другие. Эх, Россия-матушка! Не про тебя ли поется: «Беспокойная я, успокой ты меня!» Только покой тебе не нужен, ищешь приключений...

Сбросив башмаки под лавку на просторной веранде, Ниило привычно огляделся и в сотый раз похвалил себя за то, что нашел-таки в себе силы отремонтировать хату. Не слушая протестов жены, которой жаль было расставаться с их скромными сбережениями, не надеясь на помощь детей, которые наезжали в каникулы и радостно ссыпали из автомобилей одуревших от мобильников и компьютеров внуков. И уж совершенно не считая нужным рассматривать заявки от местных алкашей-умельцев. Истинная причина их рвения была пожелавшему ремонту Ниило доподлинно известна. Может, когда-то их руки и слыли золотыми, да срок действия былой славы давно истек. Ошибается тот, кто говорит, что мастерства не пропьешь. Пропить можно все, даже жизнь. Нужен крепкий стержень, чтоб держаться, да немногие успевали ухватиться за него. А большинство и не давало себе труда – ах, опять какие-то трудности? Ну и чего дергаться, легче глаза залить и плыть по течению. Ниило это дело не уважал. То есть, ежели случилось в деревне или в семье торжество, от стопочки, конечно, не отказывался. Но меру свою знал четко. Как только ударит в голову жар, да начнет строгое лицо его Айно стремительно молодеть, так, значит, стопку горлом вниз и баста! Незаметно прикрывая ладонью ухо, кивал он в такт пронзительным песням карельских старух. Напьешься, лучше не будет, только позору не оберешься. Да рассолом дня два отпиваться будешь, желая легкой смерти, а вот работа встанет. Не жаловал Ниило таких работников, что с первых

дней клянчили аванс, а потом исчезали. Потому и решился сам дом обновлять.

Неторопко, с ранней весны начал и до самой осени сам возился. Зато теперь изба в терем превратилась, приятно посмотреть. И свои, деревенские, забегают вроде по делам, а сами головами крутят. И приезжие, особенно туристы, сразу внимание на их домик обращают: первый он сразу за железнодорожным полотном и стоит. Смотрит на мир новыми крепкими окнами. Категорически отказался Ниило от советов осквернить избу новомодным пластиком. Своими руками отстругал каждую раму, словно картину, вставлял в нее стекло. Картины и вышли, если из избы глядеть. А со стороны улицы – дом с чистыми глазами.

В комнатах мало, что сам менял, тут как раз невестки с дочерью расстарались: поклеили, побелили, покрасили. Против заграничных обоев Ниило не возражал. Раскатали бабы перед ним рулон – лишь ахнул про себя - красиво! А те, стараясь особо придирчивому критику не перечить, шестым чувством уловили, как ему угодить. Для залы, как сами старики называли горницу в три окна, что-то не броское, но такое подходящее выбрали, с золотыми ободками по благородным зеленым полосам, что, усевшись в любимое кресло новости посмотреть, ощущал Ниило некую торжественность. В спальне, по настоянию жены, любившей цветы, на стенах распустились целые сады, но опять же, без излишеств – не пестило в глазах. А уж в той комнатухе, где теперь хозяин дома почивал, и вовсе спартанская обстановка была: узкий лежак, стул, да шкаф со времен... и уж сам не помнил, каких. Воспользовавшись отсутствием Ниило, когда ушел тот в Ладогу на два дня, прихватив любимого пса Дика, родня приготовила ему сюрприз.

Поздним вечером вернулся рыбак. Пока растянул на просушку сети, пока выпил горячего крепкого чая, уж не чуял, как до постели добрался. Так и рухнул, не зажигая света, лишь порты уличные сбросив. А утром проснулся, глаза открыл, да так и застыл, не в силах подняться. Стены – такие же, как волны Ладоги в погожий день, но немного, словно дымкой подернуты, и потому не режет глаз ультрамарином. И пол какой-то золотой, непривычно ровный. Невестка объяснила потом – ламинат называется. И картины напротив постели висят в белых строгих рамках.

На одной – знакомое до последней коряги побережье, полоса ночного горизонта и лодка рыбацкая, как люлька на волнах. И лодка, и фигурка в ней, что распахнула руки с рыбацкой сетью, будто не серебряного сига, а саму луну поймать решила, показались Ниило тоже не чужими. Батюшки, свету, ну конечно, вон и остроухая башка Дика, на корме торчит! Ай, да зять, ай, молодец! Приезжал прошлой осенью погостить с семейством из Твери. Напросился с Ниило на ночной лов. Тот, чертыхаясь про себя (не любил, когда нарушали его раздумное одиночество), не решился отказать гостю. Не чужой, поди, человек, да и кто их знает, этих художников. Обидится еще, да не станут с дочкой приезжать. И жена тогда взгляд от печки метнула, как гранату – попробуй, мол, не возьми! И Ниило лишь мотнул согласно головой – собирайся. Смешно, тридцатипятилетний мужик, под метр девяносто, а поскакал, как малый телок сапоги искать. И внучок следом мячиком запрыгал: «Ну, папка, ну, дедуль, и я хочу!» Еле отговорили: мал еще, да на всю ночь, да городской, не дай Бог, расшалится в лодке. Это теперь уж поспокойней сделался, нет – нет, да и пристроится к Ниило, если тот рыбачит недалеко от берега.

А в тот раз старик не пожалел, что зять взял. Юрий не мешал, лишь очутились в Ладоге, затих, подолгу глядя, как казалось старику, в одну точку. Только когда пришло время дельную помощь оказать – бесшумно на веслах вдоль острова пройти, да сети вытащить, сильно удивил тестя, показав свою хватку и в том, и в другом. А точка та оказалась не простой – с нее Юрий весь мир, к которому Ниило уж давно привык, как к своей избе, по-своему увидел.

Теперь этот знакомый – новый мир прямо в комнате поселился.

Тут же и вторая картина – сад, да не та его часть, где Айно каждую весну свои цветики-семицветики высаживает, а другая – заросшая буйной зеленью, с крижистой старухой-яблоней, в тени которой плел поначалу свои корзинки Ниило. Вот и низенькая лавка, у подножия которой

лоза и прутья сложены. Даже ножик с резной рукояткой, который был неизменным помощником в этой работе, на лавке очутился.

В общем, хоть гостей Ниило в свою келью не допускал, но переменами в ней остался доволен. А за зятя – талантище, как он про себя опять-таки подумал, гордость распирала. И уж место рядом со стариком в лодке на много лет вперед ему было обеспечено.

Все остальное Ниило сам доделал. Даже веранду новую выстроил – считай, целый холл к избе приладил. И диванчик там поставили – кому жарко, летом на нем спал, и для сундука старинного, что в кладовке полвека ютился, место нашлось. И половики узорчатые, которые много лет ткала Айно, не хуже дорогих ковров све-

жий пол украсили. Не забыл дед и о жизненно важном – еще одну пристроечку к веранде пристукнул. Да все по уму и с утеплением, чтоб не бегала его Айхошка до ветру в морозы через двор. Чай, не молодые, комфорту заслужили. Так и обновил весь дом, по мере сил до ума довел. Слез с лестницы, последнее ведро краски, на стены положив, и приготовился со своей старухой спокойную старость проживать.

Но тут пришла беда. Нежданная гостья – болезнь – змеей вползла в их жизнь и стала изнутри пожирать его Айхошу. За зиму та превратилась в тень. Пришлось срезать остатки белокурых кос, от которых остался седой редкий пух. Жена стремительно теряла зрение. Телевизор, как раньше – хоть изредка, после трудов, вместе теперь не смотрели. Айно сердилась и терялась от немочи, и без того не легкий характер ее, стал портиться. Она

раздражалась, ворчала, и, боясь сделаться ненужной, к чему не привыкла, пыталась везде успеть со своими замечаниями. Понимая состояние жены, скрывая собственные страхи при виде того, какими темпами наступает недуг, Ниило только прерывисто вздыхал и молчал на старухины несвоевременные реплики.

Летом та никаких цветов уже не сажала. Так, что самосевом взошло, то и распустилось. Осторожно держась за свежеструганные косяки, выходила вечерами старая Айно на крыльцо, садилась на ступеньки и рассеянно смотрела вокруг. Пара пестрых куриц по привычке бросалась к ней, но, так и не дождавшись подачки от заботливой прежде хозяйки, разбредалась по кустам. Там куры беспрепятственно рылись, не боясь получить нагоняй. Старый Дик – верный сторож их хозяйства и почетный напарник Ниило на рыбаках, бряцая цепью, делал попытки приветствовать хозяйку. Убедившись, что та и его не замечает, обескураженно возвращался на место возле будки. Но, храня уважение, не хлопался на бок в примятую траву, как обычно, а оставался сидеть, чутко прядая ушами и следя за всеми, кто приближался к калитке. Лишь древняя, клокастая кошка Сара удостоивалась внимания старухи, начинающей видеть зыбкую грань между мирами. Стоило включиться кошачьему моторчику и послышаться его равномерному урчанию, как вздрагивала рука, обтянутая тонкой морщинистой кожей и тянувшаяся к животному. Погрузившись в тепло кошачьего бока, пальцы слабо шевелились, поглаживая мех.

Мотор работал все громче, а мысли уносили Айно далеко-далеко. Туда, где, смеясь, собирает Ниило ее растрепанные морским ветром шелковистые волосы, выбившиеся из кос. Где сам он – молодой, не то, чтобы красавец, но крепкий, сильный парень в тельняшке с ярко-синими полосками. Он – моторист на рыболовецком судне, а со временем и помощником капитана станет. И все подружки в деревне завидуют – вот ведь, Айхошка, зеленая еще, а жениха нашла первая! Тогда, в 1951 году ей всего шестнадцать было, а ее Ниило не многим-то и больше – восемнадцать годков стукнуло! Свадьбы, как таковой не было: некому было родней назваться, никого в живых у обоих после войны не осталось. Лишь раздался стук в дверь комнатки, где приютила бабка соседка осиротевшую Айхошу, да вошел в нее бравый моторист с бескозыркой на буйных кудрях и с охаживаемой в руках, перемешанных с оранжевыми купальницами. Это быющее в глаза веселое солнце из цветов врзалось в память Айно на всю жизнь. И потом, когда муж приносил ей на рождение их троих детей

модные гвоздики, и когда дарил, бывало, перед зоркими очами гостей, на юбилей их свадьбы – жемчужной, серебряной, золотой – роскошные розы и помпезные хризантемы, отмалчивалась она, памятью о желто-оранжевых брызгах жизни. Вот и сейчас, когда память отрывалась от разума и ускользала вместе со здоровьем, мысленно цеплялась седая Айно за видение солнца из кувшинок и цеплялась за него из последних сил.

Во время таких ее посиделок на крыльце и перебрался Ниило со своими корзинками и лавочкой из-под яблони за домом на другую сторону двора. Хоть и досаждало ему то, что всяк проходящий мимо задирает над калиткой любопытную голову. Зато за женой присмотреть можно, мало ли чего.

Как-то в один из вечеров старик почувствовал неладное. Мало того, что никак не ладилось привычное ремесло – то прут выскочит, больно хлестнув по щеке, то нож норовит вместо палочки палец отрезать, примешалось ко всему чувство неясной тоски. И стало расти, расти, пока не показалось Ниило, что остался он один во всей вселенной. Резко подняв голову, он уставился на пустое крыльцо. Как же сразу не заметил, что жены-то нет! Не сидела она, как обычно, невдалеке с отрешенным видом, не поглаживала невесомой рукой дряхлую кошку, не делила с ним, Ниило, их общее жизненное пространство.

Пулей, взлетев на крыльцо, забежал он в дом. Тишина испугала больше, чем оглушительные взрывы во время бомбежки фашистами Приладожья. Удивленно глядя в потолок, лежала Айно у порога в горнице. Трясущимися руками Ниило приподнял жену, осмотрел и, убедившись, что та не поранилась при падении, с трудом дотаскал ее до постели. И впервые схватился за мобильный телефон, подаренный детьми давным-давно. Уговаривали, не ходи в Ладогу без него: береженого, Бог бережет, будь всегда на связи! Но Ниило все время забывал непривычную штуковину в разных карманах, да и потерять боялся. И вот сейчас впервые обрадовался, что не надо к соседям бежать, к телефону проситься. Найдя бумажку, на которой были вписаны детьми все жизненно важные номера и подробный способ их набора, Ниило вызвал скорую помощь.

Жену увезли в больницу в райцентр. Старик сразу осунулся, стал еще нелюдимее. Из дому выходил только для того, чтобы успеть на автобус в город. Каждое утро туда, каждый вечер обратно. В палате у больной он проводил не более получаса: незачем было торчать среди полуодетых женщин разного возраста. Посидев у постели безмолвной жены, исподтишка поглажив ее руку, он выкладывал на тумбочку привезенные гостинцы. Знал, что они ей сейчас не нужны, да как же с пустыми руками-то? Угощал остальных. Выходил в гулкий больничный коридор и ждал докторов.

Те спешили по своим неотложным делам, но обязательно кто-то из них приглашал Ниило в ординаторскую, и следовали объяснения на непонятном медицинском языке. Но что такое диабет Ниило сразу понял. Это та беспощадная гадина, что превратила его статную, светившуюся тихой благородной красотой почтенного возраста Айхошу в развалину. Мало того, лишившая его возможности видеть ее хотя бы на ступенях крыльца.

Здесь, в райцентре, жили оба их сына. По вечерам, сменяя друг друга после работы, они с невестками дежурили возле больной. Упрямо отказываясь от приглашения заночевать у детей, с наступлением сумерек Ниило топал на остановку и уезжал домой.

Через две недели врач вызвал старика на личную беседу. К тому времени правая нога Айно опухла и приобрела зловещий оттенок. Оказалось – занозила, сидя на крыльце босиком. А болезнь только этого и дожидалась. Сначала Ниило упорно не соглашался на ампутацию. Представлял, как воспримет это известие его гордая старуха, когда очнется. С ужасом рисовал в мятущемся уме картины, в которых Айно пыталась привычно встать на обе ноги и падала, обнаружив, что одной из них нет. А время уходило. Ниило понимал, что нужно принять решение, но никак не находил в себе сил. Пока, наконец, младший сын, крепко сжав задрожавшие губы, не подписал одним махом все необходимые для операции бумаги.

Он же первым и вошел к матери, когда ее привезли из операционного блока. И встретил ее из забытья, и проводил в палату отца, который в первый раз на его памяти безутешно плакал.

Ко всему привыкает человек. Привыкла ли Айно к тому, что возле постели поблескивает спицами на больших колесах вечное теперь кресло? Что деревенский быт, к которому они давно приспособились, заставляет ее звать мужа в самые неудобные моменты, когда, будь все как прежде, она бы лучше умерла на месте, чем позволила ему вмешаться? К тому, что дети и внуки, которые теперь часто бывают рядом с ними, вкладывают ей в руки кусок хлеба, потому что она его не видит, даже поднося к самому лицу?

Об этом она ни с кем не говорила. Она даже реже стала плакать по ночам, хотя первое после того, как очнулась после операции время, ее подушка не просыхала. Сквозь замутившийся разум стали проникать ясные лучи. За окнами совсем ошалели от тепла синицы. Лежащая изголовьем к окну Айно не видит мелькания желтопузых стрелок, но слышит их радостное пение. Весна в разгаре, скоро смолистыми почками запахнет. А летом снова нагрянут внуки и маленькая внучка. В новогодние каникулы они все приезжали бабушку проводить, да не до того было после операции. Мелькну-

ли перед глазами их ошарашенные, испуганные мордашки и исчезли – махнула рукой, велела прочь увести. Но до самого отъезда слышала, как старшие приучали детей спокойно отнестись к несчастью и старались сохранить заведенные в доме традиции.

– Как, вы руки перед обедом не помыли? Так и сели, с грязными? А вот бабушка узнает, что скажет?! – строжила сыновей старшая дочь. И доносился торопливый топот в направлении умывальника.

– Маруся, что же ты капризничаешь? Вот бабуля поправится, спросит, как себя вела наша Марусенька? – непривычно многословно заливался Ниило, – и что, мы ей скажем – плохо?

Такой подход не давал Айно уйти в себя. То и дело из-за прикрытой двери раздавался то тоненький голосок внучки, то басовитые, как у деда, голоса внуков: «С добрым утром, бабулечка! Привет, бабуля, пока, бабуля, поправляйся, бабушка!»

Когда все разъехались, Айно уже мысленно строила зыбкие планы на лето. И вот, ей кажется – оно пришло...

Наступил тот долгожданный день, когда она воссела на своем нынешнем кожаном троне и с высоты крыльца обвела взглядом двор.

А двор их, как целая жизнь: ловко плетет свои корзинки Ниило, который не доставал лодку из сарая с прошлого года. Сейчас вот зятя поджидает, может, и решится еще разок с волнами побороться. Кошки Сары уж нет, она и так пережила на этом свете все годы, ее роду отведенные. Верный Дик брешет шепотом – голос пропал, отлаялся. Но при слове «рыбалка» так молотит хвостом, что только пыль столбом вокруг! Огород зарос сочной травой, да все, что нужно, теперь из магазина приносят. А им много и не надо... Зато под окнами избы невестки цветник разбили. И цветы там какие-то диковинные, не такие, как Айно когда-то разводила, привычные примулы, да бархатцы, да ноготки. Но эти тоже красивые, хоть и сливаются они у старухи в глазах в разноцветные пятна.

А вот и внуки – стайкой в калитку влезают и бегом к Айно: «Смотри, бабулечка! Это тебе!» И опрокидывается солнце к ней на колени. Слабыми руками собирает Айно что-то прохладное, свежее, родное до ужаса. Поднимает к глазам, зажмуривается и ... вдруг видит! Очень хорошо видит целый сноп из солнечных лучей, что бьет из чашечек кувшинок и купальниц и пускает зайчиков по всему двору! Один из бликов падает на склоненную над корзиной голову Ниило и, смешавшись с серебром запутавшихся в остатках его волос рыбьих чешуек, отражается обратно. Прижав цветы к груди, Айно встает, окруженная этим сиянием, и легко, не касаясь ступеней крыльца, идет навстречу мужу, его смеющемуся лицу, засиявшим, как в молодости, глазам цвета северного моря.

Анатолий Иванов

Родился в деревне Еськово Духовщинского района Смоленской области в 1947 году. Окончил историко-филологический факультет Смоленского пединститута. Работал учителем, журналистом, редактором художественной литературы Северо-Западного книжного издательства (г.Архангельск). Участник Всероссийского совещания молодых литераторов в Ленинграде и 8-го Всесоюзного совещания молодых писателей в Москве. Автор поэтических сборников «Возвратите подснежники», «Ностальгия», «Возраст любви», «Интимная лирика», «Годы-птицы», сборника песен «Любовь моя, Карелия»; автор более 300 песен, написанных в содружестве с композиторами Москвы, Смоленска, Костомукши, а также автор русских текстов к популярным песням зарубежных композиторов. Член Союза писателей России. Член Союза журналистов России. Заслуженный работник культуры Республики Карелия.

Стрелец

Я родился под музыку Хирона*.
В какой-то год, какого-то числа
Взлетела к облакам моя стрела.
Зеленый луг и чистый воздух детства,
Стрела, запущенная наугад,
Летит и попадает в Райн сад.
Он весь в цвету, он яблоней пропах.
А Рая в нашем городе в гостях,
Она приехала из Краснодара,
И у нее нездешний цвет загара.
Черемуха недавно отцвела.
Прочнее нет черемухового лука.
Я выгнул лук. Летит моя стрела
Через пространство лет быстрее звука
К той девочке на солнечном лугу,
Чье имя в своем сердце берегу.
Ее на нашей улице царевой
Завистницы дразнили в детской ревности.
Глаза ее – два чистых карих солнца –
Заглядывали в снах в мое оконце,
И раздавался мелодичный звон:
Играл на лире в небесах Хирон,
Забросив лук ради пера поэта,
И родилась любовь из тьмы и света.
Я заново рождаюсь, вспоминая
Зеленый луг, черты ее лица...
Моя душа – Вселенная без края:
Восходит в ней созвездие Стрельца,
Сияет в ней звезда из детства – Рая.

**Кентавр Хирон был учителем всех мифических героев Греции. Играя на золотой лире, своими песнями учил учеников. Был превращен богами в созвездие Стрельца.*

Гроза прошла. Осталась только свежесть
И радуга – в полнеба – над рекой.
И хочется, под мокрым небом нежась,
До сущего дотронуться рукой.

И ошутить прилив желаний новых,
И полной грудью воздуха вдохнуть,
Как будто жизнь тебе явила снова
Все то, чего не чаял ты вернуть.

Лира

После Орфея не было певца,
Которому могли бы без конца
Внимать завороченно горы, птицы,
Деревья, травы, серны и волчицы.

А вот и Лира – золотые струны.
Сними с небес, сыграй, поэт, на ней,
Поведай миру о любви своей,
Как пели до тебя еще баюны.

Из света звезд родятся пусть слова,
Из глубины земной, как и трава,
Из грома гроз и шепота ночного,
Из явного и тайного –

земного.

Дед столетний на крылечке
Выпускает дым колечком,
Курит крепкий самосад,
Молча смотрит на закат.

Разбежались дети, внуки,
Ослабели ноги, руки,
Только дедова душа,
Как и прежде, хороша.

Все на свете понимает,
Жизнь, как надо, принимает,
Понапрасну не хулит,
Лишь о бабе и болит.

А жена его Матрена
Спит давно уже под кленом,
Приходя к нему во сне
Почему-то по весне.

Ни зимою и ни летом,
Ни продутым и раздетым
Ноябрем, а точно в май.
Как тут хочешь понимать.

Впрочем, дед о том не шибко
Размышлял – нет ошибки:
В мае встретились они,
Аккурат после войны.

Хороша была Матрена,
Цветом маковым цвела.
Как берёзка возле клена,
Век свой с дедом прожила.

А потом вдруг в одночасье
Надломилась и зачахла.
И один остался дед
На закате своих лет.

И сидит он на крылечке,
Выпуская дым колечком,
Курит крепкий самосад,
Молча смотрит на закат...

Хочется куда-нибудь уехать,
Затеряться где-нибудь вдали,
Где гуляет только одно эхо
На краю небуженной земли.

А пока больничная палата
Мне дана судьбою до поры
Хризантемой белого халата
Миленкой курносой медсестры.

Она утром градусник поставит,
Улыбнется, спросит, как дела,
И на сердце легче сразу станет
От ее душевного тепла.

Подойду к окну и молча гляну
Я на мир, шумящий за окном,
И как будто ближе к нему стану,
И уйду, и растворюсь я в нем.

Две собаки за окном играют,
Солнце рассиялось в небесах.
А сосед мой тяжело умирает
С безысходной горечью в глазах.

Все пройдет: и горечь дней, и сладость,
И вернутся реки в берега.
Только жизнь, нечаянная радость,
С каждым днем все больше дорога.

* * *

Житель просторов нездешних,
Вот я пришел наконец.
Тот же над крышей скворечник,
Только другой в нем певец.

Он просвистит надо мною,
Сядет на ветку в саду.
К дому калитку открою,
В детство, волнуясь, войду.

Все здесь до боли знакомо,
Будто не знал я дорог,
Будто из этого дома
Не уходил за порог.

Воздухом отчего края
Дышится сладко, легко.
Что же ты плачешь, родная,
Слезы у глаз вытирая
Ситцевым белым платком?

Сказки детства

Мне снится детство долгими ночами,
Придет неожиданно, встанет у дверей
И смотрит на меня оно очами
Сорокалетней матери моей.

И вновь согреюсь я ее любовью,
Как мир лучами солнца по утрам.
И вновь она, склонившись к изголовью,
Читает сказки мне по вечерам.

Гудит зима и за окошком злится,
Рукой холодной шаря по стене.
Но сказки перевернута страница,
Чудесным миром открываясь мне.

Ах, эти сказки вечерами дома!
Залезть на печку, поудобней лечь,
И мне уже в какой-то полудреме
Звучит, звучит чарующая речь.

Так и усну я, не дослушав что-то.
А мама примется стирать и шить,
И снова старенький костюм мой штопать,
Суча в руках суровой прозы нить.

* * *

Во поле за околицей,
Стоит лишь бросить взгляд,
Синие колокольчики –
Слышите? – все звонят.

Звон этот неугасимый
За сердце так берет,
Словно душа России
Звонкая здесь поет.

* * *

Уж лужи тронуты морозом,
Уж крыши иней серебрят.
С землей моей суровой прозой
Ноябрь пришедший говорит.

Еще к полудню иней стает,
Но сердцу видеть все больней,
Как в роще молча облетает
Последний лист зеленых дней.

* * *

Какая ночь! Луна в окно сияет,
И соловей тревожит песней сад,
И сердце вновь тоскует и мечтает,
И любит так, как много лет назад.

И пусть уже не возвратит былого,
Не повернуть течение жизни вспять,
Я с легкой грустью вспоминаю снова
Все, что пришлось когда-то потерять.

Свиданий прежних уголок заветный,
Песнь соловья в примолкнувшем саду
И промелькнувшую так незаметно
Былого счастья раннюю звезду.

* * *

Жизни легкое дыханье,
Первых ландышей слова,
Речки сонное журчанье,
Белой ночи кружева.

Все сначала, все впервые.
Ты и сам заметишь, брат:
Будто годы молодые
Возвратились вдруг назад.

Голос дальний, голос милый
Сердцу слышится опять.
Снова роща поманила
Первых ландышей нарвать.

Речки сонное журчанье,
Белой ночи ворожба,
Жизни легкое дыханье –
Это ты, весна, судьба!

* * *

Людмила

Нынче день рожденья твой, Людмила,
День начала жизни на земле.
И глядишь ты и светло, и мило,
Ангел сероглазый мой, Людмила,
И свеча мерцает на столе.

Поздравленья, звон бокалов, лица,
Пожеланья счастья через край.
В вальсе шар земной с тобой кружится,
Это все не кажется, не снится,
Ты сейчас желание загадай.

Может, завтра будет все иначе,
По-другому все произойдет:
Ясный лик свой солнце в тучах спрячет,
Или дождь о ком-нибудь заплачет,
Или осень снова в дом войдет.

Дни пойдут привычной чередой:
Служба, дружба, книжка для души...
И не будет пусть того с тобою,
Кто бы звал тебя своей судьбой,
Ты грустить и плакать не спеши.

Наша песня, милая, не спета,
Жизнь, она по-своему права.
И дарю тебе я это лето
В красках радуг, в половодье света
И свои, чуть грустные, слова.

* * *

Маленькие северные речки
С чистою и звонкою водой,
Будто бы в серебряной уздечке
Конь бежит веселый, молодой.

Вплетены им в волосы купавы,
Незабудки светятся в глазах,
И свежо и пряно пахнут травы,
И щебечут птицы на ветвях.

Маленькие северные речки –
Вага, Пуя, Ваймуга, Юла...
Иван-чая розовые свечки
Им тайга вдоль берега зажгла.

Вижу кружевные их извивы,
И хочу я в памяти сберечь
Говорка речного переливы,
С северной особенкою речь,

Что во всей прозрачности душевно
В давний день она открылась мне,
Радужна, округла и напевна,
Как речные камушки на дне.

Посвящение

Есть в имени твоём дыханье
Лесного озера в тиши,
И звездной ночи полыханье,
И свет доверчивой души.
И стаи птиц по небосводу
Летят печальной чередой,
И поздний лист летит на воду
Холодной красною звездой.
И осень серебром по черни
Рисует свой автопортрет.
Но ясен он, твой свет вечерний,
Неугасимый свет.

* * *

Остановиться, оглянуться
В мельканьи судеб, лиц и дней,
Неспешно к жизни прикоснуться
Всем существом души своей.

Не быть свидетелем случайным
Тревог и радостей мирских,
Принять душой и взгляд печальный,
И взгляд счастливый глаз других.

Мы дорожим подчас минутой,
Все суетясь и мельтеша,
И чью-то боль, и радость чью-то
Все реже чувствует душа.

И уплывают встречных лица
Куда-то мимо и назад,
И трудно нам остановиться.
Спешим. А где наш адресат?

И часто не туда приходим,
Куда бы надо приходиться,
И часто мы не тех находим,
Кого бы надо находить.

Остановиться, оглянуться,
Не мчать, как спринтер, по прямой.
От жизни суетной очнуться,
Увидеть жизнь совсем иной.

Увидеть, как цветет подснежник,
Глаз от него не отвести,
Как будто тот цветок – последний
На нашем жизненном пути.

Как будто все, чему есть имя –
Река ли, женщина, звезда –
Единственны, неповторимы,
Таких не будет никогда.

Дина Лебедева

Родилась и живу в республике Карелия – красивейшем крае, воспетом не одним поэтом. Стихи и прозу начала писать еще в школе. С появлением интернета открыла свои странички на сайтах stihi.ru и proza.ru. Вхожу в редакторский состав медийной группы международных литературно-публицистических изданий «Интеллигент».

На кончике сигареты

Щи пахли кислой тряпкой. Вовка повозил в них ложкой, попробовал на вкус, сморщился, и отложил ложку в сторону.

- Чё нос то воротишь, - набросилась мать. - Чай не в городе, к Магдональсам не приучены. - И зашмыгала, и зашмыгала обиженно носом.

Загрели кастрюли на печурке, упала на пол кочерга. А мать продолжала:

- Дал же Бог людям детей... Вон, наемни, к Митрохиным Колька с Маньшей с городу приезжали. А к Самойловым....»

Дослушивать Вовка не стал. Тяжело поднялся из-за стола, привычно наклонил голову, чтобы не стукнуться о притолок, и вышел в сени. Зачерпнул ковшиком воды колодезной из ведра, выпил почти половину залпом. От холода заломило зубы, но кислый вкус щей во рту все же пропал. Уже на крыльце закурил сигарету, прикрывая ладонью огонек спички. Было ветрено. Конец осени – затяжные дожди и сырость, и заморозков вроде пока не предвидится.

Вовка сел на крыльцо, бросив на ступеньки старую куртку. В щеку уткнулся прохладный, влажный нос собаки.

- Здорово, Малыш! Что же ты приезд хозяина-то проворонил? Все носишься и носишься где-то. И ошейника, смотрю, на тебе нет. Мать сняла, аль помог кто? – Вовка потрепал пса по мокрому загривку. - Старый ты, брат, стал. Дом не сторожишь. За хозяйством не смотришь - Вовка обвел глазами двор.

Да какое уж там хозяйство... Кур, и тех мать извела. Небольшой огорожок под картошку, несколько гряд, тепличка с оборванной ветром пленкой, - вот и все богатство.

Свою мать Вовка любил. Любил тихой сыновней любовью, жалел ее. Отца он не знал, потому с детства рос мужиком, не гнушаясь никакой работы. Дрова, вода, плотницкие работы по дому – все было на нем. Мог и в хате прибраться, и белье, если надо, постирать. В выпускном классе, готовясь к экзаменам на крыше сарая, мечтал, как закончит он школу, уедет в далекий город, получит профессию, и их жизнь с матерью изменится к лучшему.

Вовка криво усмехнулся. Город встретил его непривычной суетой, шумом и толкотней, гудением и визгом машин. Он поступил в училище, получил место в общежитии. И началась другая жизнь: необычная, яркая, насыщенная...

Вовка стряхнул пепел с сигареты. Малыш преданно зако-

лотил хвостом. Ветер стал стихать. В избах засветились окна. Из труб к небу поднялись столбы дыма. Подмораживало.

С Катериной они поженились, когда он уже работал на заводе. Первые годы жили на съемной квартире. Молодая жена ни в какую не захотела идти жить в общежитие, где им предложили комнату. «Знаем мы ваши общежития, - заявила она, - пьянки, да гулянки одни. А мне к сессиям готовиться надо». Матери невестка почему-то не приглянулась. Поджала губы, когда Катерина, впервые приехав в деревню, умудрилась ногой в босоножке ступить в коровью лепешку, устроив потом по этому поводу настоящий скандал. «Делов то, - ворчала тогда мать, - ноги ополоснуть...» Так и пошло дальше. Катерину в деревню пряником не заманишь, а мать тем же пряником в их однокомнатную городскую квартиру. Да и с детьми не сложилось. Вначале Катерина получила образование, делала карьеру, а потом уже как-то и не получалось.

Скрипнула дверь в сенях. На крыльцо, зябко кутаясь в вязаный платок, вышла мать. Вынесла миску с едой, поставила перед Малышом.

- Пошли, что ли, в дом, сынок. Что сидишь тут на сквозняках. Простыть захотел? - Мать положила шершавую руку Вовке на голову, провела по непослушным волосам.

- Седой, смотрю, весь уже стал. Не рановато ли. Ох-охоньки мои... Пойдем, сынок. Я картохи сварила. Грибков соленых с подпола подняла. Огурчики есть соленые, помидоры...

- Сейчас, мам, - ответил Вовка. - Докурю вот...

Мать ушла, а Вовка выбросив искуренную до фильтра сигарету, потянулся за другой...

Малыш уже давно гремел пустой миской, а Вовка все сидел на крыльце. Мать больше не выходила. А он прикидывал, с чего начать завтрашний день. Подлатать сарай, нарубить дров. Починить прохудившуюся крышу над сенями. Да не забыть на ночь вылить воду из ржавой, железной бочки, перевернуть ее. Мороз стукнет, поздно будет. Посмотреть крыльцо. Одна из ступенек совсем прогнила, ходуном ходит. Не дай Бог, мать оступится. Да и в избе дел полным-полно...

Было уже совсем темно, когда Вовка поднялся, расправил плечи и поднял лицо к небу. На лицо сначала упала одна снежинка, затем другая... И пошел снег.... Чистый.... Пушистый. Первый...

Ольга Бурьгина

Проживает в п. Чупа, Республика Карелия. Пишет короткую прозу, стихи. Публиковалась неоднократно в районной газете. Представитель газеты «ПИ1». Публикации в литературно-художественной газете «Горцы» (2010г.), «Современная литература» (2010г.) в изданиях медийной группы «Интеллигент». Принимала участие в различных литературных конкурсах, где были отмечены такие произведения: рассказы «Как дед Ани-кей медведя лаптем убил», «Мужики» и стихи «Белые ночи», «Верный друг».

Мужики

Александра ходила из угла в угол:
– Господи! Да когда же это кончится?!
За стеной, в соседней квартире, надрывно визжала гармонь и громыхал голос Петьки Жукова:

– Эх, полным-полна коробушка!....

А время уже за полночь. Александра подошла к дивану, где, как ни в чем не бывало, похрапывал Виктор.

– Витюша, а, Витюша, – она потормошила мужа за плечо.

– Чего тебе, Шура? – спросонья спросил Виктор и повернулся на другой бок.

– Да проснись же! – уже с недовольными нотками в голосе произнесла Александра.

– Ну что случилось? Такой сон снился, а ты...

– Да брось ты со своим сном. Лучше утомни соседа. Опять, видно, налился и теперь вот гармонь свою тискает.

Виктор почесал затылок и с усмешкой произнес:

– Ну, а ежели ему тискать больше некого, вот и отводит мужик душу.

– Да ну тебя. Ведь голова трещит, ночь на дворе, а он развел тут шумиху. Пошел бы ты, утомил его, что ли...

– Да-а-а, попади сейчас кто Петьке под руку, так потом и мама родная не узнает...

Александра с презрением взглянула на мужа.

– Ну, ладно, ладно, придумаю что-нибудь, – пошел он на попятный, – Только не смотри на меня так.

Виктор не любил, когда жена вот так принижала его. Петьку он не боялся, да и сосед был парень неплохой, только, правда, как выпьет, становился дурным и без разбору раскидывал свои пудовые кулачищи, если кто предьявлял претензии к его персоне.

Петька был из той категории мужчин, про которых говорят одним словом – «вышибала». Поэтому Витька и не собирался идти сейчас к соседу разбираться. Но все же стал думать, как ему выйти из положения, чтоб Александра успокоилась. А из-за стены тем временем неслось:

– Раскинулось море широко-о-о-ко...

И тут Виктор осенило. Да как же он позабыл! Вот голова садовая! Александра с любопытством глянула на мужа: «Интересно, что это он удумал?» А когда поняла, ахнула:

– Батюшки, и ты туда же....

Виктор же, довольный, вынимал из футляра свой баян. Поставив табурет у стены, за которой басил Петька, он сел, приладил инструмент поудобнее на коленях, провел пальцами по кнопкам, развернул меха и затянул свою любимую:

– Эх, дороги, пыль да туман...

Сосед за стеной притих.

– Шур, видишь! Во как я его...

И только Виктор произнес это, как Петька вновь, еще громче забасил:

– Распрягайте, хлопцы, коней!

– Врешь, не возьмешь, – сквозь зубы процедил Витька и рванул баян.

– Эх, яблочко, да на тарелочке!

А сосед еще громче завел:

– Очи черные, очи жгучие...

Витька стал заводиться.

– Ну, я ему покажу!

И загорланил:

– Как родная меня мать провожала, эх!!

Александра была уже не рада, что разбудила мужа. Голова у нее шла кругом от этой музыкальной какофонии. Но она понимала, что Виктора теперь не остановить...

А Петька уже кричал через стенку, что Витька не умеет играть, что руки у него не в то место вставлены, на что тот в ответ ему орал:

– Да сам ты! Всего две ноты знаешь!

В противоположную стену вдруг стала стучать бабка Ани-сья, причитая:

– Что же вы, ироды окаянные, делаете...

Мужики же вошли в раж. Они ругались, горланили невольно одну за другой песни. Надрывались гармонь и баян.

Виктор решил больше не слушать, что кричит ему Петька и играл все подряд, что приходило на ум.

...Шел уже третий час ночи. Витька, склонив голову на корпус баяна, с закрытыми глазами дергал инструмент и мычал себе под нос (голос охрип, орать он больше уже не мог):

– Живет моя отрада...

Александра ходила, держась за голову руками. По щекам ее текли слезы, она ругала мужа, но тот ничего не слышал. Тут в дверь постучали. Отворив ее, Александра, ойкнула.

На пороге стоял участковый, из-за его спины выглядывала старая Ани-сья.

– Вот он, ирод, спать людям не дает, – показывала она на Виктора.

До Витьки как-то не сразу дошло, что участковый пришел за ним. Он недоуменно взглянул на жену:

– А что же Петька?

Та сквозь слезы простонала:

– Да он-то уже давно молчит. Уснул видимо.

– Ладно, ласы точить, – участковый Самоваров не любил долго ждать.

– Одевайтесь Виктор Андреевич, пройдемте.

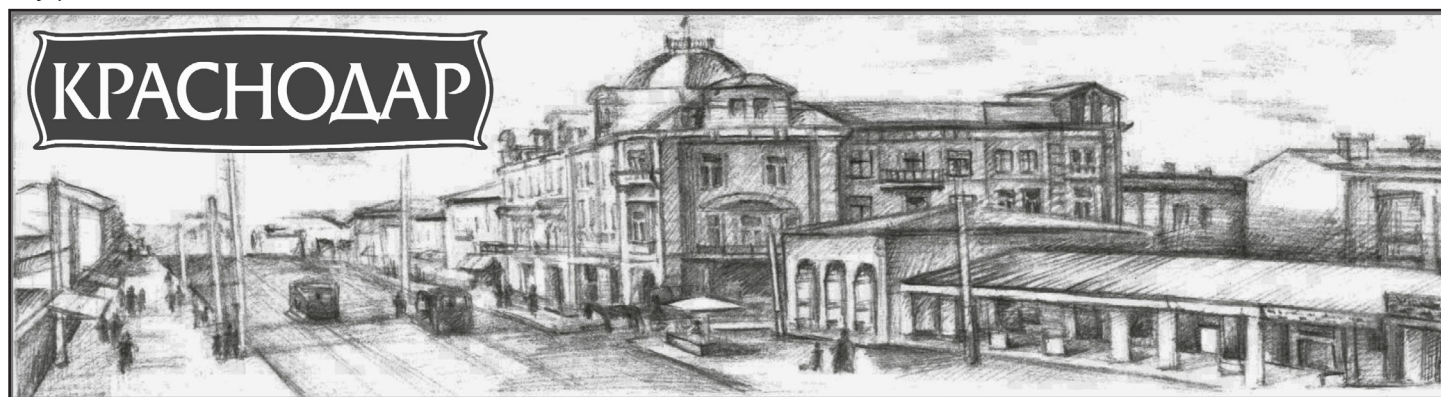
– Куда это? – встрепенулся Витька.

– Куда, куда... Туда, где за хулиганку сидят, – буркнул участковый.

...Остаток ночи Виктор провел в «холодной», размышляя о том, как все несправедливо в этой жизни. Сплошь и рядом страдают невинные. А ведь это все Александра виновата, зачем его будила.

– Приду домой, прибуду!

Рассуждая так, Витька мысленно оправдывал себя, а заодно и соседа Петьку, обвинив во всем свою жену. И ему даже легче стало, что когда отпустят – будет на ком отыграться.

Анна Мамаенко

Родилась в г.Краснодаре в 1982 году. В 2005 году закончила очное отделение Литературного института им. А.М.Горького. Публиковалась в «Юности», «Литературной газете», «Нашем современнике», «Литературной учебе», «Осколках», «Дне поэзии», международных антологиях «Между весной и вечностью», «Возвращение», энциклопедической антологии «Душа России: пятнадцать веков русской поэзии» и других изданиях. Участник I Форума молодых писателей России.

*Ёлки-палки, лес густой.
Кончен творческий простой!
А. Т. Твардовский*

Что тебе снится,
бедный избранник азбуки?
Под казённым небом бессмертия –
новый путч?

Но серафим шестикрылый
приходит и руки связывает,
и в скважину рта
забывает холодный ключ.

Пуля твоя в смету уже заложена.
Расстрел бесконечный
потом назовут судьбой.
Но даже свинец бессилен,
и ты плетёшься в кафе-мороженое
коротать бессрочный
творческий выходной...
Мечтая уйти в кабаки и уплыть в запой.

Уплыть в запой под парусом паранойи,
кусая локти и сгрызая карандаши.
Подавая надежды тем, кто гроша не стоит.
Не чувствуя рядом
мало-мальски живой души.

Вот так безнадежно
поезду под откосом.
Вот так исповедует
ветер печной трубе.

Вот так еженощно
сдаются писать доносы
на самого себя
самому себе.

* * *

Где небо окраин становилось
на наши плечи
и толпы садов
сотрясала зеленая дрожь –
мы видели, как громовое эхо
неведомой речи
потайными чернилами августа
стенографировал дождь.

Он был свидетелем
наших раскидистых снов,
когда чешуя полнолуния
заполночь перетекала
в длинные тени
письменных наших столов,
где одна бесконечная книга
себя создавала.

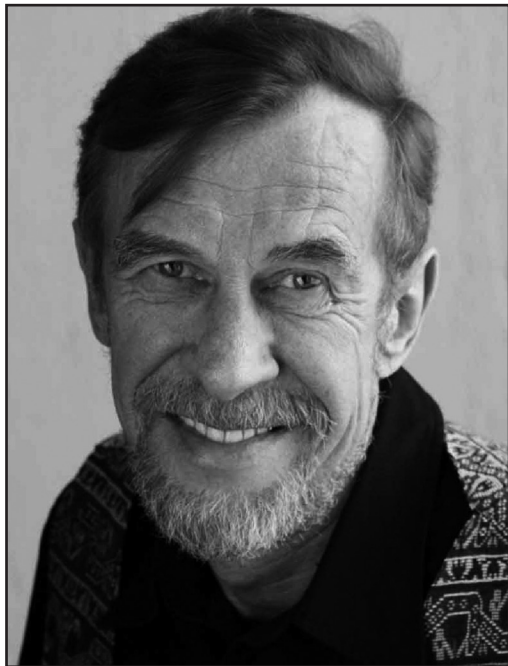
Мы забыли её,
когда родились на просвет,
чтобы в тихом шуршанье земли
узнавать ее почерк.

И под пение пепельных гимнов
в жертву принял рассвет
листья, струящиеся
из подземных источников.

Одиночество приговорит
к высшей мере дождя.
Каждый сам по себе
пройдет, ничего не заметив.
Потому что мы жили,
в сознание не приходя.
Потому что выросли
в нас игравшие дети.

Бесконечная книга
не скажет о нас ничего.
Значит – ранних шагов
переводные картинки
Белый Цензор засыпал
седой из своих рукавов.
И окончилась нить,
выводящая из лабиринта.

Но горят еще в небе
сигнальные наши костры.
Острова, окруженные
темнотою околплодной.
И набухшие завязи ламп
в окружении книжной коры
узнаём, подплывая доверчиво
к прорубям окон...

Сергей Аболмазов

Родился в 1948 году в г. Орле. В 1974 окончил художественно-графический факультет Орловского государственного педагогического института. С 1976 г. участник выставок профессиональных художников. Работал художником-постановщиком в театре кукол, ТЮЗе, драматическом театре в г. Орле. Затем в драматических театрах г.г. Пскова, Грозного, Выборга и др., где оформил более ста спектаклей. С 1993 года работает главным художником Краснодарского академического театра драмы. Неоднократный лауреат первых премий в разделе театрально-декорационного искусства.

Зал ожидания

Я на вокзале уходящих поездов
Сажу смиренно в зале ожидания,
Где нет ни мест, ни касс, ни расписания,
Лишь горы скарба, чемоданов и узлов.
Я здесь давно, уже который год,
С нехитрыми пожитками своими,
В костюме черном и печальном гриме,
Тоскую дни и ночи напролет.
О, как обрыдли суета и кривотолки,
И бесполезных ожиданий гнет.
Где проводник, который подмигнет
И место даст на самой верхней полке?

Памяти отца

Ко мне приходят сны военных лет...
Излучина реки по-над широкой поймой,
В руке моей армейский пистолет
И мне никак не справиться с обоймой.
Жму на курок, но пуля не летит,
И смертный ужас подступает к сердцу.
Меня то в пот бросает, то знобит,
В окопе стылом не могу согреться.
Я вижу сны фронтовика-отца,
Его глазами вижу ад кромешный.
Войне проклятой нет и нет конца,
Кругом враги и пулеметы СМЕРШа.
Мы с ним в окопе на высоком берегу,
Над нами облака разорваны шрапнелью.
Я юного отца от пули берегу
И укрываю собственной шинелью.
О, как страшны и тягостны те сны,
Они отцу до самой смерти снились.
Теперь же я, не видевший войны,
Сдаюсь смиренно снам его на милость.

Нить ариадны

Когда в руках Божественная нить,
Стараюсь быть, а не казаться.
И лучше миру удивляться,
Чем мир пытаться удивить!

На исходе ночи

Склон горы в тумане тонет,
Предрассветный полумрак.
Тихо плещет на балконе
Простыня, как белый флаг.
Черный кофе, сигарета,
Сизой нитью дым в окно...
Хорошо ли быть поэтом,
Если Богом не дано?
И плести из рифм банальных,
Флагу белому молясь,
Пошлых строк исповедальных
Незатейливую вязь?
Тишина, и нет ответа.
Над горой полоска света
Взгляд зовет в иную даль,
На исходе ночь и лето,
Догорает сигарета,
Кофе кончился, а жаль.

На посошок

Когда мир разлетится на тысячи брызг,
Я спрошу у Судьбы – не угодно Вам?
Сесть со мною за стол
и наклюкаться вдрызг
На поминках бродяги безродного?
Я наполню высокий хрустальный бокал
Злым и терпким вином сожаления:
Мол, пожить не успел и от жизни устал
За короткое это мгновение.
Ну, а после и водки в граненый стакан!
И теперь уж ничем не рискуя,
Разберу на душе залежавшийся хлам,
Помянув имя Божие всуе.
Будем слушать вдвоем паровозов гудки,
Посылая вдогонку проклятия,
А напившись, друг друга возьмем
за грудки,
И помиримся в пьяных объятиях.
С посеревшим лицом,
с горькой складкой у рта,
С пьяных глаз обнимаясь и чмокаясь,
Со своею Судьбой буду пить до утра,
А потом, по последней, не чокаясь!

Моим знаменитым землякам

Потянулись птицы к югу,
Обнажились тополя,
Обезлюдили округу
Опустевшие поля.
Осень, рыжая подруга,
Бунин, Тютчев или Фет...
Бродят образы по кругу
Среди горестных примет.
И все так же безутешно,
Как и сотню лет назад,
Плачет осень, и неспешно
Облетает старый сад.

Предчувствие осени

Где-то дальний паровоз...
Вот уехать с ним бы!
Где горят вокруг берез
Золотые нимбы,
Где, вступив в свои права,
Золотая осень,
Как печальная вдова,
Бродит среди сосен,
Где прозрачна неба синь,
Где потоки света,
Где под кружевом осин
Схоронилось лето,
Где шелкову мураву
С вечностью венчали,
Где от счастья я умру,
Утолив печали.

Линия жизни

В позабытом вагоне,
На земле праотцов,
В нашей Богом забытой Отчизне,
Я зароюсь в ладони,
Исцарапав лицо,
Неудавшейся линией жизни.

Андрей Насонов

Родился 1978 г. в п. Уташ, Краснодарского края. В 2000 г. закончил Биологический факультет КубГУ. Работает научным сотрудником в Краснодарском НИИ сельского хозяйства. Член литературно-театральной группы «Пункт Приёма». Участник V и VII Форумом молодых писателей России. Публиковался в журналах: «Арион», «Юность», «Дети Ра», «Слово», «Российский Колокол», в издания медийной группы «Интеллигент» и др.

Анапа

Приближаясь к тебе, я вижу,
как набухают соски твоих метео-обсерваторий,
а на загорелом от заката море,
тает лодочный след очередных лав-стори.

Сиденья твоих маршруток
зацелофанены,
защищены
от вечномокротрусовых отдыхающих,
от тех
у которых мои древнейшие карефаны,
в прислуге, школьные ещё товарищи...

Они наполнили город, словно инопланетные зомби.
Счастливые, белокожие,
плавательные шлемы,
дыхательные трубки,
перед самым приземлением
успевшие раскрыть зонтик
и упокоить
у живой воды
белые трупники.

А ты всё ширишь
Вавилон свой пляжный,
крутой замес
языков, телес и полотенец.
И неважно кто они
все придут и лягут,
среди них исчезнет,
краснокнижный, твой
туземец.

* * *

Всё-таки ты ухватил поэзии кус
на цветастом развесистом древе жизни.
А может то был только куст
жизни. Личный маленький кустик,
слегка украшенный не хитрым искусством
слова.
И ветром не сломан.

Зеленел листвой, цвёл,
увешивался плодами,
вытягивался, ветви плёл
и прозревал дали.

И дошёл до конца...
До следующего кольца...

Илья

Снова небо сыпется белою крошкой.
Лишь бы сбылось и судьбоносные странники не околели.
Ты лежишь, который уж век и в окошко
пялишься, а в нём всё дымка и дорожные колеи.

Вместе с тобой лежит твоя распластанейшая Родина,
лежат железнейшие её дороги,
лежат заводы, стоят заводы, плакаты содраны,
не ходят ноги.

Или печь поедет или всё же ты слезешь с печи,
доползёшь до ведра, достанешь до ковшика.
Некому больше по храмам затеплить свечи,
небо божится крестиком коршуна.

Сломано всё, что только можно было сломать.
Господи, что же может быть ещё впереди!
А он улыбнётся и скажет загадочные слова:
«Встань и иди!»

Ночной пейзаж с рассветом

Здесь тополь стоит – Афродита Милосская,
лишённый ветвей, отбитых ветрами
и море ночное, прошито полоской
от двери открытой, не видимой нами.

Ты слышишь, шипит под ногами змеистый
прибой, не знавший камней и рифов,
бросается в берег, злой и неистовый,
но катится вниз, ибо труд сизифов.

Шелест песка под носом триремы,
уткнувшейся в берег, и раковин хруст.
Холод испуга и веточки тремор,
но ветер приходит, свободен и пуст.

И вновь тишина, всплеск далёких звёзд.
Греки ушли с головою в землю.
Ловишь ускользящей тайны хвост,
но вода успокоилась и мерно дремлет.

Вода успокоилась и прибывает.
Непотопляемо только луны пятно.
Так и с тобой иногда бывает:
переполняешь и тянешь на дно.

Ночь коротка, прибоя каскад.
Время уходит, через море махнув.
Кто-то, так и не закончив рассказ,
ушёл, настежь дверь распахнув.

Николай Гранкин

Родился 27 сентября 1964 года в г.Туапсе. С 1988 года живет в Краснодаре. Искусством написания хайку занимается около двух лет. Призёр IV и V Международного конкурса поэзии хайку на русском языке, организованного редакцией альманаха «Хайкумена» и отделом японской культуры «Japan Foundation» Его работы также можно увидеть в интернет-журнале «Улитка» 4-й и 5-й номера, альманахе «Микролит», и на сайте haiku-do.com, где он публикуется под псевдонимом «Николай В.»

Хайку

летний вечер дети кричат догоняй! *** смотрим с жабой друг на друга ну не красавцы *** похороны... у ребёнка в руках конфета *** оттепель проваливаюсь в чужие следы *** детская площадка спотыкаюсь о корни деревьев *** вечерний дождь оставляю дела на потом *** мошка в глазу смотрю на всё иначе *** пустой цех на ржавом верстаке тополиный пух *** парк аттракционов весёлые глаза сфинкса *** солнце в окно с детских книжек пыль вытираю *** летняя гроза между раскатами грома пение птиц	*** старые вещи и чучела нет доносить *** зимняя ночь только и светлого цифры на часах *** предновогодний рынок долго выбирает календарь старушка *** первый снег обсуждают дворники вчерашние новости *** никуда не тороплюсь осенний дождь *** летом на лавочке тут чешусь там хлопаю всюду жизнь *** в гостях не слушаются чужие тапочки *** снимаю шляпу весенний ветер *** полнолуние... пыль на дороге и та серебрится *** распогодилось... детский стульчик красит старик *** зимний причал все ветра непопутные *** глубокая ночь между окном и дверью лунная дорожка	*** заброшенный дом у сломанной куклы синие глаза *** дачный автобус на пыльном боку весёлая рожица *** ночной туман прижимается свет к фонарю *** багровый закат никак не обгону женщину в чёрном *** одеваюсь потеплей за окном голые деревья *** недостроенный дом видно небо с другой стороны *** подъезжаем к городу взлетающий самолёт в перспективе *** зона WI-FI за окном кафе ловлю чужие взгляды *** туман... любуюсь отсутствием пейзажа *** то ли от солнца то ли сам собой первый сияет листок *** трещины на асфальте и такой могла быть карта мира	*** осенний ветер жёлтые листья летят впереди воробьёв *** погожий денёк костры во дворах дымами кверху *** коробка из-под апельсинов дворник везёт опавшие листья *** солнечное утро потягиваются малыш и кошка *** мороз за окном в кружке с чаем солнечный зайчик *** дождь со снегом подставляю ладонь снежинкам *** снегопад - отряхивается ворона *** весна! прорастают глазки на картофелине *** снегопад... долгая дорога к дому *** заморозки... мальчик рисует домик на запотевшем стекле *** дорога к маме... светает потихоньку
---	--	---	--

КРАСНОЯРСК

Ольга Чинякова

Редактор молодёжного альманаха «Росток», филолог по образованию, поэт по призванию. По совместительству руководитель молодого рекламного агентства. Публикуется в газетах и журналах. Любит активный отдых, экстрим, романтику и интересных, творческих людей «с тараканами в голове». Не представляет своей жизни без хороших книг и музыки.

Человек, поймавший небо

Человек, поймавший небо,
Великаном вовсе не был,
Ни отчаянным героем,
Ни задиристым ковбоем,
Ни накачанным спортсменом,
Ни киношным суперменом —

Просто шёл своей дорогой,
Труженик, один из многих.

Просто шёл домой с работы,
Строил планы на субботу,
Вдруг над головою небо
Повело себя нелепо:
Заскрипело, закачалось
И... как дверь с петель, сорвалось,

Понеслось со свистом вниз,
Оборвать грозя всю жизнь...

Кто-то в страхе заметался,
Кто в слезах к земле прижался,
Кто молился, кто свихнулся,
Ну, а он к горе метнулся
И, вскарабкавшись наверх,
Мало веря в свой успех,

Руки выставил вперёд,
Принимая небосвод.

И — поймал. Набухли вены,
Ноги — в землю по колено,
По спине струится пот,
Очень тяжёк небосвод...
Как огромный блок бетонный,
Держит он его со стоном.

Стиснув зубы, ждёт: «Помогут
Скоро мне... ещё немного...» —

Сам себя надеждой тешит,
Что его сейчас поддержат,
Что надёжных рук союз
С ним разделит этот груз,

И они сумеют вместе
Небосвод вернуть на место.

Только люди проходили
И на помощь не спешили.

Кто-то издали глазел,
Кто-то даже не смотрел —
Мол, к чертям бы это небо,
Когда в доме нету хлеба...

Кто жалел (но сам не брался),
Кто советовать пытался,
Кто-то не скрывал цинизма,
Пессимизма, фатализма:

«Всё уже предreshено —
Он не сможет всё равно...»

А один сказал: «Герой!
Эх... не то, что мы с тобой...»

Потрясённый, он воскликнул:
«Люди, слышите ли скрип вы?
То скрежешут мои кости —
Небосвод держать непросто!
Мои раны кровоточат,
И терпеть уж нету мочи...
Я — как все, и ждёт семья...
Неба груз не для меня!»

Но в ответ слышал: «Милый,
Раз поймал, значит — по силам!»
Ведь никто не заставлял —
Этот груз ты сам принял.
Будешь ты теперь Атлантом,
Силачом, супергигантом.

Не уронишь небосвод —
Будет слава и почёт».

«Я держу не для почёта —
Я бы предпочёл свободу! —
А хотел спасти планету,
Чтобы жизнь была, и свет был».
«Захотел спасти — спасай!
На других же не пеняй —

Кроме тебя, никто не сможет...
Лишь ты один земле поможешь.

Поверь в себя — начнёшь расти.
Пусть ждут преграды на пути,
Страх, боль... но должен ты идти,
И сможешь небо донести
Туда, где надо ему быть,
Чтобы спокойно людям жить.

Пусть сбываются мечты —
Это можешь только ты!..»

Как узнать, чем там кончается?
Выдержит или сломается?..

*Атлант (АтлАс) — в древнегреческой мифологии — титан, восставший против олимпийских богов, за что был приговорён держать на своих плечах небесный свод. Однажды к Атланту пришёл Геракл, который был послан в сад Гесперида, дочерей Атланта, за золотыми яблоками, дающими молодость. Яблоки эти охранял стоголовый дракон. Титан захотел помочь Гераклу, но ещё больше он хотел хоть на какое-то время освободиться от своей ноши. «Поддержи небесный свод за меня, а я схожу за яблоками к своим дочерям», — предлагает Атлант Гераклу. Герой согласился, но вернувшийся с яблоками Атлант не захотел вновь взвалить на себя небесный свод. Тогда Геракл его обманул, сказав, что не против держать небо сам, но попросил Атланта взять ношу на пару минут, пока он не подложит себе на плечи львиную шкуру для удобства. Атлант опять взвалил небо себе на спину, а Геракл забрал яблоки и ушёл. Так Атлант и продолжал держать на своих могучих плечах невыносимо тяжёлый небесный свод, пока боги и титаны окончательно не примирились.

Другой миф сообщает, что Персей превратил Атланта в скалу, показав ему голову горгоны Медузы (гора Атлас на северо-западе Африки). По одному варианту — в наказание за то, что Атлант отказался приютить его в своём доме, по другому — Атлант сам попросил Персея превратить его в камень, потому что устал...

Эльдар Ахадов

Обладатель Национальной литературной премии «Серебряное перо Руси» (2007 г.), индивидуального губернаторского гранта Красноярского края за 2008 год и литературной премии «Золотой листопад» за произведения для детей (Восточная Сибирь, 2008 г.), лауреат Всероссийского литературного конкурса имени В. М. Шукшина «Светлые души» (2006 г.) и Национальной литературной премии «Золотое перо Руси» (2007 г.). В 2009 году Ахадов стал соавтором книги «Путешествие по Красноярскому краю» - уникального школьного пособия по национально-региональному компоненту. Член Союза писателей России, Международного литфонда и множества других литературных организаций, делегат 4-го съезда писателей Сибири. Центр национальной славы России в 2010 г. объявил его победителем всероссийского литературного конкурса «Святость материнства».

Счастье

Счастье где-то очень рядом.
Ну, буквально, за углом.
За ближайшим снегопадом,
У соседей за столом.
Или в парке на прогулке
Посредине сентября,
Или мёрзнет в переулке
Оттого, что – без тебя...
Или бегает по лужам
От восторга босиком,
Или ждёт тебя на ужин,
Ждёт и мокнет под дождём.
И не важно – дождь ли, снег ли
Или солнечный покой:
Пригласи его немедленно,
Позови, махни рукой!
И оно войдёт сияя,
И не спросит «как дела?»,
Просто скажет: - Здравствуй, зая!
Хорошо, что позвала!

Возвращение

И хлынет ночь по всей небесной тверди,
Роняя тьму, вздымая брызги звёзд
Туда, где нет ни времени, ни смерти,
Но всё вокруг – знакомое до слёз.

И грянет свет у самого порога,
И сердце вдруг занает от любви...
И ни о чём не спросишь ты у Бога,
Когда к тебе вернутся все свои...

Я не левый и не правый
И дружу не за маржу,
Ни со мздою, ни за славой
В кабинеты не хожу.
Всё в порядке с головою:
Не ширяюсь, не торчу,
И не лаю, и не вою,
И на ближних не стучу,

И не тырю чью-то сдачу,
И не падок на понты...
На семью свою ишачу
Точно так же, как и ты.
Знаю всё про наши враки,
И что мир несправим...
Я и сам - не «иже, паки»...
Как там дальше? «Херувим».
Но, без дрожи подколенной, -
Если спросит «ваша честь»
«Есть ли правда во Вселенной?»,
Я опять отвечу : «Есть».
Ты взорвёшься: «Ну-ка, выйдем!
Недоумок ты иль Бог?
Правды нет! Никто не видел
Этот «каменный цветок»!
Всё! Забудь про ересь эту!
Отрекись – сейчас и здесь!
Нету правды! Слышишь! Нету!!
Нету!
Нету!!
Нету!!!
Нету!!!!

.....
Ладно.
Хрен с тобою...
Есть. »

Вращение земли

Я чувствую вращение Земли,
Когда гляжу, прижавшись к ней спиной,
На небо совершенно неземное
И облаков текущих ковьяли...
Перемещения запахов и звёзд,
И пляски вьюг, и цапель танец брачный –
Живёт во мне, как будто я прозрачный,
Всё, без чего и мне бы не жилось...
Как будто продолжаясь вниз и вверх
Я стал и тьмой, и светом, и покоем,
И, растворяясь в небе колокольном,
Живу во всём, со всеми, ради всех.

Неправильный

Ты доказал легко и бойко,
Теперь понятно и ежу:
Я весь неправильный какой-то,
Не так дышу, не там хожу
И поступаю нелогично,
И рассуждаю вкривь и вкось...
Ты изучил меня отлично -
На триста лет вперёд, насквозь!
Пусть так, и я умён не шибко:
Ты прозорливей, ты мудрей.
Но для меня моя ошибка
Дороже мудрости твоей.

Бисмиллахи-рахмани-рахим...

Бисмиллахи-рахмани-рахим...
На земле со времён Мухаммада
Этих слов не смолкает триада,
Как живое сиянье над ним.
И доньше молитвой храним
Средь толпы и в пути одиноком -
Восклицающий вслед за Пророком
Бисмиллахи-рахмани-рахим...
Бисмиллахи-рахмани-рахим...
Мир тому, кто восславил Аллаха,
Кто надежду для горсточка праха
Дал молитвенным словом своим!

Помню, близким моим и родным
Войн и горя досталось немало.
Только бабушка всё повторяла:
Бисмиллахи-рахмани-рахим...

Бисмиллахи-рахмани-рахим...
Что бы в мире ещё ни случилось:
Верю в Бога Единого милость,
Верю слову Пророка пред Ним.

Мухаммад, был рождением твоим,
Мир спасен, словно солнечным светом...
Вслед шепчу за отцом и за дедом:
Бисмиллахи-рахмани-рахим...

Анатолий Буйлов

Поэт и прозаик, служил офицером в Военно-Морском Флоте; капитан 1 ранга в отставке, живёт под Ригой. Печатается с 1957 года. Автор книг стихов, в том числе: «Запас прочности»; «Стою над океаном»; «Нежность»; «Тревога»; «Русь распятая»; «Прикосновение к таинству» и др. Является секретарём правления Союза писателей России, председатель Русской писательской организации Латвии, руководитель творческой мастерской «РУСЛО» (Русское слово в Латвии), лауреат международных премий им. В. С. Пикуля и Ф. М. Достоевского.

Хлеб

Здесь что опять ни говори,
Неповторимый запах хлеба
Исходит от земли, и неба,
От яркой утренней зари.
В нём - сгусток славы и тревог,
В нём – жаркий труд и капли пота,
О том чрезмерная забота,
Что человек вновь сделать смог.
Хоть в годы новый смысл проник,
Устроен мир светло и мудро.
А над селом восходит утро,
И славен этот вечный миг.

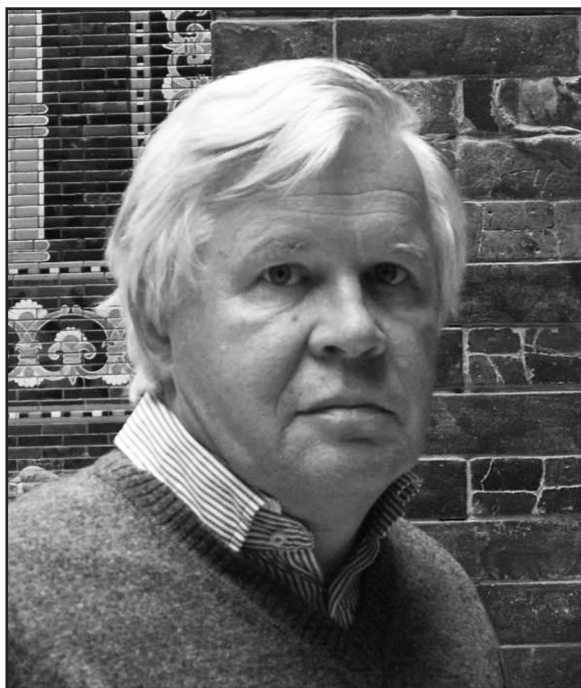
Здесь мнятся светлые былины,
И давние мои года,
И путь неугомонно длинный
Всегда манил меня сюда.
Судьбы тревожной повороты
Вокруг невидимой оси,
Вот строятся в былые роты
Святые воины Руси.
И в трудный час в решение важном
Есть старой жизни правота,
В воображении отважном
Всегда загадочней мечта.
И сила тайною безликой
Смущает новые дела...
И видится мне Русь великой,
Какою исстари была.

Как тихо и спокойно в доме,
И нет привычной суеты,
И фотокарточки в альбоме
От долголетия желты.
Когда-то были молодыми,
И жаль до слёз ушедших лет,
Представить всех теперь седыми
Ни силы нет, ни духа нет.
В почти неведомом волненье
Находится моя душа,
И разрушается сомненье,
Что жизнь лишь в прошлом хороша.
Но нет у старого порога
Мной не оплаканной земли,
Хоть прежняя опять дорога
В звенящей корчится пыли.

Мне кажется, что я замкну
Безумье адового круга,
Умершего так рано друга
Я к жизни снова не верну.
Ушёл он тихо в мир иной,
А я остался на пороге,
Нечасто радуясь в дороге
Неровной колее земной.
Мечтаю за двоих здесь я
Скромнее лишь предвосхищенье,
И за двоих здесь ощущение
Несовершенства бытия.

Ветер будто правда ласки
Из долины,
Вспоминаю детства сказки,
И былины.
Тронут душу снова строки
Древней дрожью,
Отвечают мне пророки
Снова ложью.
И колдует жизнь иная,
Сердцу плохо,
А вокруг как неземная
Суматоха.
День сегодня упрощённый,
Мало сини,
Но предвижу освящённый
Путь России.

На острие карандаша,
Сошёлся круг,
Кричит сейчас моя душа
От боли вдруг.
Полегче будет мне весной,
Трудна зима,
И сходит медленно со мной
Судьба с ума.
Смещаюсь странно в новизну,
Хоть робок свет,
И сердцем чую тишину,
Которой нет.

Никита Брагин

Родился в 1956 г., москвич, доктор геолого-минералогических наук, член Союза писателей России. Печатался в журналах «Российский колокол», «Лит-э-Лит», «Природа и свет» (Москва), «Чайка» (Балтимор, США). Победитель литературных конкурсов: «Серебро слова – 2008», «Вся королевская рать – 2008», «Сонет – 2010 (памяти В.Резниченко)», «Лира Боспора – 2011», «Пишущая Украина – 2011», Межрегионального конкурса к 190-летию Н. А. Некрасова. Автор-участник Московского Салона Литераторов.

Херсонесская элегия

*«От римских блях и эллинских монет
До пуговицы русского солдата»
Максимилиан Волошин*

Товарищ главный старшина,
одни мы выжили, очнитесь, –
кругом такая тишина,
что слышно ангела в зените...
В его слезе любовь и власть,
и столько света и полета,
что замолчали пулеметы,
и в небо хочется упасть.
И время смерти подоспело,
но держит горькая земля,
поникший мак нагого тела
огнем антоновым паля.

Ушел к Тамани «Красный Крым»,
на дне «Червона Украина»,
и мы, последние, сгорим,
и кровью породнимся с глиной,
горячим камнем и золой,
костями, кирпичами, пылью, –
с любимой, вековой, могильной,
все принимающей землей.
Шурша скелетами столетий,
в окопы сыпется она, –
теперь мы ей родные дети,
товарищ главный старшина.

Все, похороненное в ней, –
керамики сухие гроздьи,
нагие острия кремней,
тяжелые отливы бронзы, –
все перемешано войной,
иссечено железным ливнем, –
Боспора золотые гривны,
и черный лом брони стальной,
и хоботы противогазов,
и мраморный девичий лик,
и нимфа в нежном хризопразе,
и молнией – трехгранный штык!

Товарищ главный старшина,
мы доиграли наши роли,
и тишина уже страшна
предчувствием последней боли...
Финал трагедии – затих
громоподобный хор орудий,
кровавой головой на блюде
наш Севастополь... Мерный стих
волны оплакивает город
в багровом трауре огня,
и землю грешную, которой
мы станем на закате дня.

На берегу

На руках Посейдона – покой...
Что-то нежное шепчет волна,
набегая.

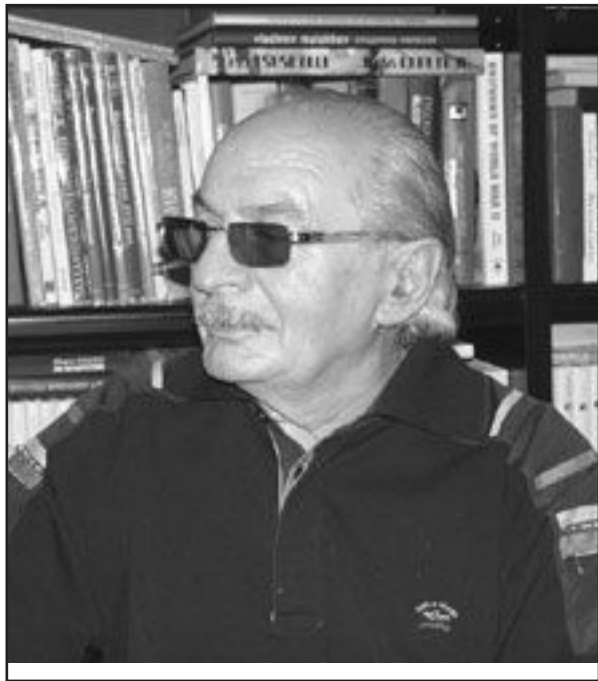
Из далекого детского сна
ты выходишь на берег морской,
Навсикая.

Я пишу телеграфной строкой, –
ты прости, я опять нездоров,
запятая,
и опять непослушной рукой
шепот моря косичками строф
заплетаю.

И мечтаются буквы любви
не на жарком сыпучем песке,
а на камне,
а цикада поет вдалеке, –
улетевшую рифму лови
в анаграмме.

Слишком поздно учить языки, –
на чужом обрывается нить
золотая...
Мне бы только напев сохранить,
я цитатой прорехи тоски
залатаю.

Словно соло ведет на трубе
равнодушная бойкая речь
телегида...
Мне уже не вернуться к тебе,
на песок золотой не прилечь,
Феакида.

Ян Кауфман

Прозаик, поэт, публицист. Родился в Москве. Публикации: сборник стихов «В любом из нас спит где-то гений...», Нью-Йорк, 2003 г.; сборник рассказов «Вид на жительство» Москва, 2008 г. Многочисленные публикации в периодике США, России, Германии, Австралии, Израиля. Член Союза писателей Северной Америки, Председатель Правления Московского РО МСП «Новый Современник», куратор проекта «Московский Салон Литераторов».

Проделки чёрта

Чёрт, чертовщину обожая, сумел за стол один собрать
Муллу, священника, рабая – на деньги в покер поиграть.

Один вознёс хвалу Христу, другой – Аллаху, третий – Богу,
Забыв мирскую суету, банкуют карты понемногу.

Священник басом, как с амвона, поведал всем про время оно,
Ещё про прошлогодний снег, про то, как грешен человек.

Мулла дискантом пел про зной, оазис, пальмы, караваны,
Песчаный южный ветер злой, мечеть, гаремы и барханы.

Рабай сказал: «А мы везде, и где жара, и холод где,
И потребляем лишь кошер, не как другие, например».

Игра уж шла который час, и выпал флеш рояль* не раз.
Так за игрой текла беседа, сосед подначивал соседа.
И, наконец, наперебой, сошлись все в истине одной
(Ну кто же этого не знает!) – Всегда молитва помогает.

Священник молвил: «Как-то раз меня Христос от смерти спас.
Был шторм, корабль шёл ко дну. Что было делать? Я ему
Вознёс молитву. В тот же миг, где был корабль, штиль возник,
Кругом темно, волна до неба, а там, где я, шторм вовсе не был».

«Я заблудился раз в пустыне, - пропел мулла. - В моей корзине
Ни крошки не было еды, который день уж без воды.
Кругом темно, песок кружился, я пал ничком и так молился!
Не видя ничего от страха, просил я помощь у Аллаха!
И в тот же миг, где я молился, оазис дивный появился,
И плов бараний оказался. Вот почему я жив остался».

Рабай сказал: «А я, ей-богу, в субботу утром в синагогу
Шёл сам, ведя жену, детей. Глядь... Кошелёк лежит ничей!
Но я не мог его поднять – субботу ж надо соблюдать.
Взмолился я, мне очень худо, Господь, ну сотвори же чудо!
И вот Господня щедрота, я оценил её всю –
Везде вокруг меня суббота, но пятница, где я стою...»

Чёрт от души повеселился, услышав, кто и как молился.
И, чтоб напакостить потом, дверь приоткрыл своим хвостом.

И в тот же миг, ему на смену, вошли два строгих полисмена.

«Ответьте мне, отец святой, я вас за карточной игрой

Застал азартной, но она законом здесь запрещена!»

Целуя крест на свой манер, священник молвил: «Что вы, сэр!
Законы штата уважая, я в эти игры не играю.
Прости, Господь, меня!» Притом он осенил себя перстом.

«Наидостойнейший имам, теперь и вы откройтесь нам,
Как на духу прошу ответить – а вы играли в игры эти?»

В ответ мулла вскричал в сердцах: «Накажет пусть меня Аллах!
Исламом ведь запрещено азарт картёжный и вино».

«Но, впрочем, было бы не худо и вас спросить, знаток Талмуда.
Рабай, ведь этой ночью в карты играли вы с большим азартом?»

Рабай сказал, надев очки: «Вы, полисмены, - остряки.
Но помогите мне понять – как можно одному играть?»

Тут полицейский чертыхнулся. В ответ чёрт хитро улыбнулся,
Копытом стукнул зло об пол, махнул хвостом и сел на стол
При пейзах, рясе и тюрбане. «Так вот, скажу вам без обмана –
Играл я в карты сам с собой, недаром чёрт я козырной.
Прощай мулла, рабай и поп!» – махнул хвостом и деньги сгрёб.
И вмиг исчез, как не бывало. Кончалась ночь. Уже светало.

*ФЛЕШ РОЯЛЬ - наивысшая комбинация в покере - 5 старших карт одной и той же масти (Туз, король, дама, валет, 10).

Ольга Моисеева

Родилась и живёт в Москве, окончила Московский Авиационный Институт. Литературным творчеством занимается с 1997 года, пишет стихи и прозу. Печаталась в журналах «Если», РБЖ «Азимут», «Знание - сила. Фантастика», «Уральский следопыт», «Шалтай-Болтай», «Очевидное и Невероятное», «Лауреат»; сборниках «Звёзды ВнеЗемелья», «Московский Дом». Автор-участник Московского Салона Литераторов, редактор и корректор.

Чудовище в шкафу

- Эй, парень, подожди! Да, успокойся, я не собираюсь читать тебе нотации или что-то выяснять, просто хочу помочь. Да стой ты! Посмотри на меня внимательно. Вот так, без тёмных очков и шляпы. Ну? Теперь-то сможешь уделить мне минутку?... Автограф? Ну, разумеется. Давай присядем вон туда.

Что, прямо на этюде? Да нет, просто жаль портить твою картину моими каракулями. Вовсе нет - мне правда нравится. Талантливая вещь. Ладно. Как тебя зовут? Ага. Тимофею... Вот, держи.

Послушай, Тим, можно мне так тебя называть? Отлично.

Так вот, Тим, ты знаешь, почему я здесь? Я жил тут, когда был таким же, как ты. Этот двор, скажу я тебе - преинтересное место, я всегда прихожу сюда, когда оказываюсь в нашем городе. А жил я вон в том доме. Угу. Там я сочинил свою первую песню. «Глаза монстра» называется. Думаешь, это метафора? Нет, парень, это реальность. Я заглянул в глаза настоящему чудовищу. Нет, Тим, если я так говорю, то имею в виду именно чудовище, а не что-то другое. Да, видел. И написал об этом песню. Хочешь услышать, как это было?

В то время я учился в школе, ходил в музыкалку, и меня вот в этом самом дворе точно так же, как и тебя, жутко доставала компания отвязных парней. Зря ты кривишься, я не вру. Я ведь не родился известным музыкантом. Ха-ха. Ну, раз ты так считаешь, значит, и впрямь рок-звезда. Но это сейчас, а тогда... Тогда я хотел жить как обычный пацан, но с этим у меня были большие проблемы.

Видишь это ухо - бессменного лидера всех «лопухов» планеты? А в сочетании с пятном в пол-лица? Что? Круто? Ну, да... - сегодня это действительно выглядит лихо, как часть моего неповторимого имиджа, так сказать, но в те годы... м-м-м... в общем, меня просто считали уродом... Да уж поверь.

Я был не таким как все и за это непрерывно полу-

чал пинки и издёвки. А то и что-нибудь похуже. И особенно упорно меня изводила компания парней во главе с Гариком. Никакими талантами они не блистали, а о глубине их интеллекта нетрудно догадаться хотя бы по тому случаю, когда один из них измазал соплями мой портфель, а остальные ржали над этим, как безумные. И надо сказать, то была одна из самых безобидных шуточек. А? О, ну конечно! Постоянно. Только вся беда в том, что мы явно принадлежали к разным весовым категориям. Кроме того, их было четверо, а я один.

Друзья? Нет. Кое-кто из ребят вроде относился ко мне нормально, но так, чтобы друзья... Увы, не сложилось. Никто не хотел из-за меня связываться с Гариком и его приятелями. Делать этим отморозкам было нечего, и они всё время болтались во дворе, сидели вон там за гаражами или тут, на лавке. И прохода мне не давали...

Короче, дошло до того, что однажды я взял иголку с ниткой и воткнул её в ухо, чтобы пришить его к черепу. А потом я намеревался приступить к уничтожению этого ужасного пятна. Собирался выжечь его. Думал, может, повезёт и на лице вырастет новая кожа, а нет, так уж лучше шрамы, чем это безобразие.

Наверное, я бы на такое не решился, если бы не Ленка Говоркова. Эх, красивая девчонка, просто супер! Она тогда только-только в наш дом переехала и чуть ли не в первый раз вышла во двор погулять со своей собачкой. А собачка-то - смешная до ужаса - мелкая, почти лысая, с тонкими, кривыми, постоянно трясущимися ножками. Глазёнки на всех пучит и визгливо так тявкает. Ну и дотряскалась. Разозлила нашего Бидона. Бидон - это пёс, здоровый бездомный кобель, во дворе у нас жил. Не-е, кличка на самом деле не странная. Просто он тут появился, катя перед собой старый бидон. Чёрт знает почему, но любил он играть с этой посудиною и никому не позволял к ней приблизиться. Вот его так и прозвали.

Меня Бидон хорошо знал, потому что я его частенько подкармливал. Один раз даже целый, только что

купленный беляш ему отдал. После этого Бидон меня сильно зауважал. Клокастый и страшноватый с виду, по характеру он был вообще-то спокойным и незлобивым. Но в тот раз в него словно бес вселился! Чем уж там Ленкина моська ему не угодила, неизвестно, а только разъярился он на неё не по-детски. Хорошо, я вовремя подоспел, а то бы моське – хана. Под Ленкины вопли сумел я пса от шавки оттащить и урезонить. В конце концов, гавкнув напоследок для острастки, Бидон удалился по своим делам, а я остался с Ленкой.

Она меня благодарила, а я стоял и смотрел, как солнце золотит светлые кончики её пушистых ресниц, и ветер пытается приподнять тяжёлые пряди каштановых волос. Я не вникал, что именно она говорила, только наслаждался переливами её голоса, словно она была не девчонкой, а певчей птицей, и, наверное, улыбался при этом, как полный дурак. Вряд ли я тогда понимал, что именно чувствую, мне просто было хорошо и всё...

Идиллия продолжалась недолго. Думаю, ты догадываешься, кто её разрушил. Ага. Их появление ознаменовалось ударом по моей спине такой силы, что с меня слетела глубоко надвинутая кепка, и моё ухо вырвалось на свободу, как неоспоримое доказательство, что Чебурашка – вовсе не вымысел. Ленка прыснула.

«Что, красавчик, опять сбежал из цирка уродов?» – заржал Гарик.

Дальше последовала короткая потасовка, и меня скрутили.

«Гюльчатай, открой личико!» – вскричал никогда не отличавшийся оригинальностью Гарик и комком грязи прилизал назад мою не в меру длинную чёлку, которую я носил, рискуя окосеть, чтобы хоть как-то прикрыть своё омерзительное родимое пятно.

В общем, они ещё долго издевались надо мной, и Гарик, как мог, выделялся перед Ленкой, а она, похоже, ничего не имела против.

Измазанный грязью и униженный до полного к себе отвращения, я ввалился домой и сразу направился в душ. И пока мылся, в голове у меня созрело решение раз и навсегда разобраться со своими проблемами. Мать, слава Богу, должна была придти с работы поздно, и это оказалось как нельзя кстати.

Я достал ножницы, открыл дверцу шкафа, на которой висело зеркало, и одним махом отрезал чёлку. Чтоб не мешалась. В этот момент из окна упал луч солнца и выпуклая темно-бордовая середина пятна на миг вспыхнула красным светом. Отразившись от зеркала, свет ушёл в недра шкафа и оттуда вдруг послышался странный звук – то ли вздох, то ли стон. Я не понял, что это такое, но мне внезапно стало страшно, и спина тут же покрылась мурашками. Вспомнилось время, когда я был совсем маленьким мальчиком.

Вот ты, Тим, когда-нибудь в детстве боялся чудовища в шкафу? Ты его не видел, но иногда, по ночам, слышал, как оно шевелится в темноте. Может быть, ты даже жаловался маме. А она улыбалась, и без всякого страха широко распахивала дверцы, и говорила, что в шкафу никого нет, но ты-то знал, что оно там, правда?..

Ну, да, я тоже так подумал. Действительно, что за глупость эти детские страхи? Я взял иголку, продел в неё толстую длинную нитку и вонзил в ухо. Было ужасно неприятно, но не так больно, как я ожидал. По-настоящему больно стало, когда я проткнул кожу черепа, чтобы сделать первый стежок. Стиснув зубы, я тащил нитку и отчаянно боролся со стремительно нарастав-

шим желанием бросить эту затею. Чтобы не поддаться слабости, я принялся вспоминать самые гадкие и неприятные ситуации, в которые попадал из-за своих физических изъянов. Стараясь не упустить ни одной подробности, я буквально провалился в воспоминания как в иную реальность. Никогда бы не подумал, что такое возможно, но за несколько минут я умудрился заново в полной мере пережить сразу все свои мучения. В ушах зашумело, правда, как-то странно, словно этот шум рождался из глубины шкафа, но при этом каким-то непостижимым образом оказывался в моих ушах. Не успел я опомниться, как что-то гулко бухнуло, шум внезапно оборвался, и наступила тишина.

И в этой тишине я вдруг услышал музыку. Нет, вот тут я могу сказать точно: музыка звучала именно в моей голове, а не где-то ещё. Музыка рождалась нота за нотой, она звучала уверенно и сильно и рвалась наружу так, что кружилась голова. Это было обалденно прекрасно, волнуящее и упоительно, и я понял, что если сейчас же не сыграю эту мелодию, то просто умру.

Я схватил гитару и прямо так, с болтавшейся на черепе иглой, стал играть. Легко и страстно. Я сидел с закрытыми глазами на полу, перебирал струны и чувствовал: во мне поднимается неведомая ранее сила, способная изменить не только меня, но и вообще всё вокруг, весь мир!

Думаю, Тим, я осознал тогда одну важную вещь: то, что я считал своими недостатками – на самом деле дар, способный дать настоящее вдохновение.

Вот тогда я и увидел чудовище. То самое, что много лет жило в моём шкафу, питаюсь моими муками. Прозвучал последний аккорд, я открыл глаза и увидел прямо перед собой монстра. Он больше не мог прятаться там, в темноте, и вышел наружу, потому что всю свою боль я выжал до капли и влил в музыку, тем самым лишив его пищи. Отныне и навсегда.

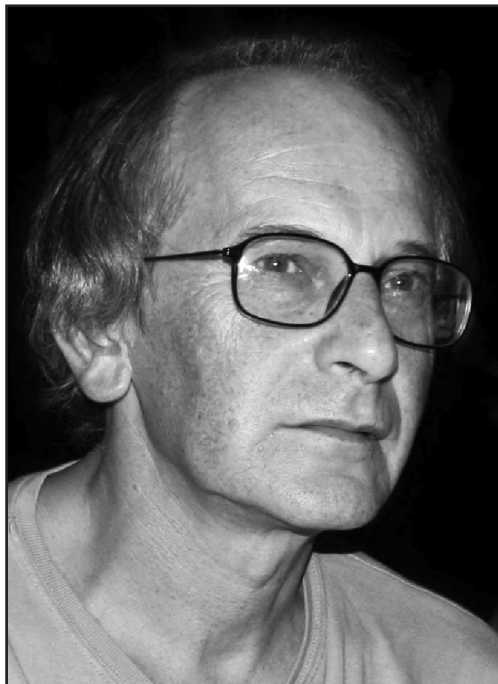
Замирая от ужаса, я заглянул в его голодные глаза и поймал в них своё отражение. Но оно не было таким, как в зеркале. Оно менялось, и я чувствовал, что действительно становлюсь другим. Страх исчез, и в голове моей начали складываться стихи. Да, те, что стали текстом песни «Глаза монстра». Чуть позже она принесла мне первый успех.

На следующий день я сделал себе татуировку по краю пятна и вставил в ухо металл. Я больше не хотел быть как все. То, что раньше делало меня слабым, теперь стало силой, настолько реальной и ясно видимой, что даже Гарик от меня отцепился...

Чудовище? О, когда я посмотрел ему в глаза, оно взревело и выпрыгнуло в окно. И с тех пор кочует по нашему двору в поисках нового хозяина, того, кто будет его кормить. И сегодня я увидел его тень за твоей спиной, Тим. Она была там, когда эти парни пинали твой этюдник ногами и давили тюбики с краской...

Нарисуй его, Тим. Нарисуй чудовище так же, как я в своё время его спел. Оно привязалось к тебе из-за твоих заморочек, но парадокс в том, что именно эти жуткие заморочки и позволят тебе встретиться с ним лицом к лицу. Не бойся своей боли, вытащи её наружу, всю, без остатка, и ты увидишь, как из неё родится вдохновение. Да, так и будет, я знаю. Мы с тобой из одного теста, иначе я никогда не рассказал бы тебе всего этого...

Вот тебе пригласительный. Приходи завтра на концерт, я всегда начинаю выступление с песни «Глаза монстра».

Игорь Бурдонов

«Как отличить стихи от прозы? Математически граница невычислима. Но в той же математике самые загадочные и необычные явления происходят как раз на границе. В фильме «Закон есть закон» Фернандель идёт по разделительной линии, потому что его не признают ни французом, ни итальянцем. Это 1958 год, а теперь – Шенген, ходи, где хочешь. Чистоту жанра чту как ритуал, но люблю – безграничье ветра и потока».

Липовский альбом для эскизов

В мае две тыщи двенадцать
в деревне с названием Липовка
я этот альбом рисовал.
Сейчас я его пропою.

Видишь-видишь или нет,
как на правом берегу
яблонево-розовое облако плывёт.
Речка Панинка бежит по весне
из весёлой разливающейся Мокши
в нашу Старицу.
А по осени – в обратную сторону,
из нашей Старицы в задумчивую Мокшу.

Этот домик выпечен из зимних ожиданий,
из весенне-летних красок и цветов.
Этот столик нужен для воспоминаний.
А завтракать меня зовут в избу,
где нету комаров.

Слышишь-слышишь или нет,
как несётся, как летит
над пустынной водой твоего мотора шум,
лодочник.

В нашем лесу есть такая сосна
по дороге на Шевали-Майдан.
На этой дороге есть такой путник,
будто из дальних стран.

Если долго смотреть с моего крыльца
на соседний дом, на берёзу клонящуюся,
увидишь, как зарастает весенней травой
дорога песчаная и время отчаянное.

Каждый раз, когда мы идём умываться,
мы слышим в плеске воды
всё ту же песню
бутылки со свежей водой на земле,
умывальника на столбе
и вазы для летних цветов,
но с разбитым дном.

Что за черёмуха, ах!
Что за черёмуха этой весной!

В дурмане мой стол, в дурмане крыльцо,
тюльпаны в дурмане и дом соседский,
и вся наша улица, вся деревня.
И весь этот край.

Ну, как же можно не рисовать ночь!
Когда деревья чёрные,
когда горизонт в огне,
когда одинокая Венера
мне освещает путь.

Вы знаете, что такое весенний разлив?
Это когда небо упало на воду.
Это когда деревья растут
из своих отражений.

Вот она, вот она, вот она сон-травы!
Как много в этом году этой травы,
как много этих снов.

Лесные фиалки.
Макросъёмка со вспышкой.
Или просто лесные фиалки, лесные
фиалки, лесные фиалки
у самой земли.

Сухое дерево похоже
на маленькое неизвестное
науче насекомое,
которое похоже на огромный
неизвестный науче скелет
какой-то древней вымершей рептилии,
которая похожа на сухое дерево.
Все они идут куда-то, идут куда-то,
и никак не дойдут.

Спишь и видишь-видишь сны.
Спишь и слышишь-слышишь звуки.
Из земли растут цветы.
Кто-то ходит по тропинке.
В небе прячутся две птицы.
За оградой буйволица.
В норке рыжая лисица.
В доме красная девица.
Дом под красной черепицей.
Кто там спит?

Если в лес пойдёшь один,
ты один в лесу не будешь.

Окружат тебя деревья,
все с морщинистыми лбами
и седыми бородами.
И тебе нашепчут в уши небылицы
и страшилки,
и прабабушкины сказки,
и нелепые рассказы –
всё, что ловится ветвями,
и корнями, и стволами
из последних радио- и телепередач.

Как прелестна, как прелестна
пастораль моей деревни,
когда смотришь через сети,
что раскинул на крылечке
этот юный и весенний,
этот нежный и зелёный,
этот девичий виноград.

Вот пообщаешься с ними,
и сам таким же станешь, –
с этими деревьями, травами, цветами,
листьями звенящими
и трухлявыми пнями.

Растопил бы баньку я, да она уж старая.
Уж больно скособочена,
забыта и заброшена.
Растопил бы баньку я,
да она по-чёрному.

Уезжаю-уезжаю, за столом сижу,
прощаюсь
и смотрю в окно.
Только вишня расцветает,
и берёза забелела,
только тикают и тикают
на полочке часы.
Уезжаю.

Это дело было в мае,
я в Москву домой уехал.
А в деревне, а в деревне,
на Кутке, в закутке
под луною и под солнцем
на стволе сухого дуба
бородатый старикашка
сам собой нарисовался.

Ольга Грушевская

Прозаик, переводчик. Родилась и живу в Москве. Окончила Московский Государственный Педагогический Университет (МГПУ) им. В. И. Ленина, ф-т английского языка; Московский Гуманитарный Университет (МосГУ), ф-т психологии и социологии. Писать начала рано и не случайно, так как выросла в творческой среде. Моим читателем и ценителем была бабушка Зиновия Маркина, первая женщина кинодраматурга, чл. СК и СП СССР. В 1983-85 г.г. я жила в Африке - в НР Мозамбик, там же работала в корпункте «Известий», где приобрела большой опыт художественного перевода и журналистской работы. В 2006 году вышел авторский сборник рассказов и повестей «Лента Мёбиуса». Печатаюсь в российских периодических изданиях, литературных альманахах, сборниках московской прозы. Ряд произведений опубликован за рубежом (Израиль, США, Армения). В 2008-2011гг. возглавляла Редакционную и Судейскую Коллегии МСП «Новый Современник». Руководитель проекта «Моссалит». Основные жанры – психологическая проза, прозаическая миниатюра.

ГОРОД

Нигде не чувствуешь так свое одиночество, как среди людей.

Т. Ребрик

А ВДРУГ?

Кто-то сказал: «Жить в большом городе – большая жертва».

«Да бросьте», – возразят те, кто сочтет за удачу оказаться в центре огромного мегаполиса. Для них слово «жертва» – наигранное. Для них город – шанс. Не задумываются: Бог не живет в городе.

А город... сверкает неоновыми огнями – огнями надежд на успех, на благополучие, на волшебную любовь, на тот самый случай, который один на тысячу, о котором рассказывают фильмы в центральных кинотеатрах с DDS, о котором написаны тонны книг – веселые картинки, пасьянсом разложенные на прилавках с печатной продукцией. А вдруг?

ЖИЗНЬ – ДЕНЬ

С какого часа город начинается? С утра ли, с ночи ли?

Город живет круглосуточно, дышит прерывисто, бежит без усталости. Все в городе движется стремительно: и автомобили, и пешеходы, и наружная реклама одна другую сменяет. Бегущая неоновая строка обещает райские кущи – ты ей не веришь, усмехаешься: «Меня не проведешь!», но нет времени задуматься, натыкаешься – замираешь: «Надо попробовать, не зря рекламируют». А только купишь, новое появляется – не успеваешь! А успеть хочется: за временем, за модой, за тенденцией – за всеми! А как же? Успеть надо. Быстро. Быстро родиться, быстро вырасти, пожить и быстро умереть, без боли – надо успеть заслужить. Бабки-няньки, детский сад, школа, институт, а как без него? Связи – обязательно, работа, деньги. Работы много, денег – не всегда. Семья, дети, дом, дерево... Нет времени на остановку, на паузу, время спрессовано до секунды – только голову повернуть, увидеть, что торопишься не в ту сторону, и, ловко сменив траекторию, устремиться в другую, временно правильную, – может, повезет?

Автомобили нетерпеливо гудят, подрезают друг друга, с крутого виража устремляются в точку по городским хайвеям.

Бежишь по городу-улицам, опережаешь прохожих: на работу, с работы, на встречи, в больницу, в театр, за ребенком, к любимому, к родителям, на прием... Что там дальше? Что в органайзере? Ведешь автомобиль (эх, вечером успеть бы на сервис), вовремя отвлекаешься от мобильного, вскидываешь глаза, видишь «зеленый», вдавливаешь педаль в пол – оставляешь всех позади.

А иногда бросаешь машину – нет времени в пробках простаивать – и торопишься в метро затолкаться со всеми в вагон, а тот несется по узким подземным туннелям, грохоча колесами. Никто не страдает клаустрофобией? Да что клаустрофобия! Не взорвал бы кто михомодом, посланческую миссию выполняя и обеспечивая себе безбилетный проход в рай.

Поздно, за окном ночь. Щелк-щелк по пульту телевизора – способ отдыха. Скачешь по программам механически, слушаешь урывками, о своем думаешь: ты уже в дне завтрашнем.

Это твой день, твоя жизнь.

Засыпаешь.

ТИШИНА

Город – он разный...

Город может быть тихим.

Выходишь из подъезда утром – тихо, чисто и свежо – утренняя улыбка ребенка. Проходишь гулко по двору-колодцу – шаги слышны. Уличная кошка беззвучно проскальзывает черной тенью мимо. Дворник головой кивает. «Доброе утро», – считаешь с губ. сосед-собачник, ежась, молчаливо покуривает первую сигарету.

Да и днем в городе наступает момент – все звуки замирают: в летнем ли мареве, в зимнем ли снегопаде, в дождливом межсезонье в какую-то минуту воздух насыщается городским шумом, дрожит и, доведя громкость до максимума, застывает в пространстве, как в немом кино – одни титры на рекламных вывесках. Люди открывают рты, как рыбы, губы быстро что-то произносят, потом улыбаются или сердятся на молчаливом городском экране. Все объединено в один безмолвный диалог суетливой жизни.

«Как дела?» – спрашивают губы.

«Дела-дела, суета...» – произносят другие.

«А что не суета?»

«Ты».

Дыхание перехватывает от неожиданности, и кто-то сверху рукой невидимой нажимает кнопку «Пауза» – ты на секунду погружаешься в тишину своего сердца: «Неужели?».

Проходит день, приходит вечер, тишину подлавливаешь ночью. Не спишь. Встаешь и проходишь на кухню, заглядываешь в холодильник, открываешь окно, закуливаешь. Город спит. Черные глазницы окон смотрят на тебя равнодушно, им наплевать на твои мысли-тревоги, там в этих окнах-пещерах тебе не помогут – сами запутались. Но вот замечаешь – еще одно окно светится, и там кому-то не до сна. Тоже вслушиваются в тишину, пытаюсь жить здесь и сейчас, ни к кому не привязываясь, не рефлексирюя – сложно. Свобода есть одиночество.

Эх, куда бы запечатать свои мысли под семь замков и печатей, чтобы остановить свой болтливый беспокойный ум-эго, вечно расставляющий всему оценки «хорошо-плохо»? Вот проходит одинокий прохожий – торопится, идет быстро в темноту своего дома, в свою постель, чтобы забыться тревожным сном и войти в следующий день с галочкой «прожито».

Тишину ночи нарушает телефонный звонок, сердце сжимается, так долго ты этого ждал – напряжение, доведенное до оцепенения. Нарочито медленно идешь к телефону, словно проверяешь на стойкость звонящего. Но тут понимаешь, что твой телефон молчит, звонок за стеной или с улицы – из окна открытого. Вновь вопросы твои висят в недрах квартиры, и кажется, что ты близок к отчаянию. Но делать нечего – таковы правила, надо довериться жизни. Постепенно отпускаешь боль, заворачиваешься с головой в одеяло как в кокон, поджимаешь ноги, закрываешь глаза, делаешь вид, что спишь. Спишь-прячешься до утра без снов и сожалений, цепляясь в душе за своего Бога. Тишина.

Город – он разный...

НА ИГЛЕ

Город владеет тобой полностью, город – собственник.

«Денёк бы взять, выспаться, – думаешь. – Закрыться, чтоб никого не видеть, не слышать – нет меня. Погрузиться в покой и гармонию...»

Но город – вечный зов, как ни прячься у реки в ухоженном доме с вазильками на кружевной скатерти, с развевающимися занавесками и родниковой водой в ведре у входа, с ночными запахами влажной земли и мыльного корня, с мотыльками под абажуром над столом на террасе – вечером, с книгой на коленях, в подушках в гамаке... Как ни создавай иллюзию спокойной жизни, для горожанина она искусственна – паутина на истине. Город предательски нарушает магическую тишину вождельного загорода и, как капризная любовница, «К ноге!» – командует, требуя сверхурочного свидания в семейный уикенд. И как ни отключай мобильный, как ни закрывай двери и ни предавайся медитации, нет тебе покоя: не спрятаться, не скрыться – от себя не убежишь.

И вот ты уже места себе не находишь, словно кто-то зовет тебя голосом насмешливым, уверенным – никуда ты не денешься. «Я быстро: туда и обратно», – говоришь зомбировано, хлопаешь дверцей автомобиля, давишь на газ и с волнением первого свидания летишь в запутанный лабиринт стрессов и разочарований – почему? Нет ответа.

Не можешь жить вне города.

На игле.

ВЫХОЛОЩЕННОСТЬ

Шумный город, спрессованный временем, не терпящий сентиментальностей. Город многоликий, многосудьбинный – смесь взрывоопасная, нет здесь приюта Богу, как бы его не славили.

«Я не здесь!» – припилил он записку на клочке бумаги к воротам главного храма и ушел пить чай в одиночестве – среди людей оно чувствуется особенно.

А вокруг горожане и приезжие. Горожане – изящный флакон с ярко-рубиновым содержанием, утаивающий о примесях, – улыбку светскую на лицо натягивают. Приезжие – разноцветная палитра цветов и красок, терпимости и агрессии – с горожанами перемешиваются, жирной линией разделяя свою жизнь на «до» и «после». «Уж десять лет в городе!» – говорит кто-то весело, всеми силами адаптируясь ко всему новомодному.

«Горожане – приезжие» – антагонизм по умолчанию бежит волнами, претензии взаимные, но в мегаполисе выживает сильнейший, дойдя до иступления и человеческое сердце сменив на андроидное, – у каждого ведь своя история.

А история общая трансформируется, держится за край черной пропасти, изо всех сил цепляется, дабы не кануть в безвестность, в забвение. Нет, конечно, кто-то ее удерживает, старается, ногами упирается: одни – тушью выводят семейное древо с внуками, другие – предлагают версии, авторские расследования в книго-фильмовых формах, цвета слегка желтоватого. Да и какая разница, какого что цвета? Главное, чтобы хоть что-то от старухи-истории выжило.

А рядом паренек присоседился, не по убеждениям, а так, от голода-одиночества. Выбрит наголо, весь в черном, на ногах ботинки тяжелые на шнуровке, глаза стеклянные, флагом паучьим в воздухе машет, и не один он, а много таких, наполненных национальным самосознанием из-за собственной ущербности.

Корни утеряны.

Выхолощенность.

ЛЮБОВЬ – ОПУСТОШЕНИЕ

Город – всеядный Казанова – дарует свою любовь, не задумываясь. Как и великий любовник, он принимает тебя всякого: умного – глупого, худого и толстого, богатого – бедного, открытого – скрытного, праведника и подлеца. В этом секрет любви: можешь быть всяким – ты будешь принят! И веришь этой иллюзии безоговорочно, как хозяину верит собака, не подозревающая о человеческой подлости. Город манит и завлекает белозубой улыбкой алмазных огней-брекетов, элегантными костюмами от Botelli с живым гламурным горностаем на плече, разноголосой речью с милой путаницей «с» и «из», очарованием игры в недоступность и благопорядок, искрящимся юмором и снисходительной иронией. Он приглашает тебя на бизнес-ланчи и ужины в модные заведения, где царит приятный гомон, пахнет корицей, теплыми булочками и ароматом от Annick Goutal – Mandragore; где обсуждают одновременно дела и любовь, а за чашкой кофе привычно шелкают по клавишам ноутбука. Город шепчет тебе на ухо сладкие речи – глянцево-истории из «Esquire», «L'Optimum» и «Априори»... Он рисует многоярусные замки успеха и благополучия – искрящийся коктейль: дом в Барвихе, отдых от «Sodis», диплом MBA и саквояж от Bruno Magli. Он катает тебя на Mini Cabrio, а хочешь «новую концепция мышления» – бери LexusGS!

Но городская любовь – скоротечна. Она лишь насмешка, лицедейская и сценически выверенная.

«Ах, – возразит кто-то, прищуриваясь от сигаретного дыма и попивая Jack Daniels, – если роза теряет красоту, значит, была настоящей. Ничто не вечно под луной, и глупо просить «любви до гроба»!

Но еще глупее не наслаждаться этим сейчас!»

Все так. И ты отдаешься этой страсти полностью – страсти, перерастающей в зависимость. Твой город-любовник лишь улыбается, он – вечно юный вампир, дерзкими губами высасывающий все силы и чувства и, власть насладившись, отбрасывающий твою усталую душу в сторону как кожуру от банана.

Любовь – опустошение.

АСТМА

Город выставляет счета. Всем и всегда – это правило. Ты не веришь цифрам и пальцами закрываешь три последних нуля. Тебе неловко, не выпался, силы на исходе, апельсиновый сок кажется кислым, стакан – грязным, кофе – растворимым. Оглядываешь свой дом – гнездо, которое так долго и упрямо вьешь. Приглядываешься к тем, с кем спишь, и к тем, с кем живешь, и не понимаешь, где ты и кто эти люди. Берешь телефон и набираешь номер – тихо: «друзья превратились в других». Ты покидаешь свой дом, идешь по городу, стремясь подключиться к его кровотоку в надежде себя реанимировать. Но нет, и ему ты уже не нужен. Ночь обнажает язвы, ночь обнажает боль. Ловишь руками пустоту – все кончено: карета превращается в тыкву, а кучер – в крысу. Элегантный костюм плавится и скручивается на ступеньках подземного перехода в отрепья уличного попрошайки – тот лежит щекой на холодном бетоне, поджав к подбородку коленки, он – эмбрион. Ухоженная рука с маникюром, с Longines на запястье, небрежно бросает на мостовую смятую пачку «Calume». В робкой надежде на милость, дворняга бездомная, голодная, с отвисшими сосками, незаметно втягивает воздух. Она тоскливо заглядывает в глаза встречным людям, торопливо снующим мимо, пытаясь поймать равноценный взгляд и вычислить возможное количество теплоты. Эти «минуты добытого за день тепла складываются в медленно остывающий час, который ночью греет её одиночество на... крышке канализационного люка».

Изящный бумажник из крокодиловой кожи с наработанной ловкостью исчезает в рукаве грязной куртки с чужого плеча – семилетний ребенок с лицом падшего ангела виртуальной тенью скрывается в подворотне.

Круглые столики летних террас с язычками свечей и букетами сливочных роз пластилиновыми комками летят в переполненные баки с мусором – пристанище крыс и бомжей. Бегущие неоновые строки, извещающие о Фотобиенале и светских тусовках, фейерверически взлетают в воздух мятыми обрывками газет с новостями о погромах скинхедов и убийствах чернокожих студентов. Сквозь «Trans» и «House»-музыку ночных клубов звучит сирена «скорой помощи» и синие мигалки смешиваются с красно-зелеными отсветами ночных заведений. Коктейльное платье от Guchi превращается в полночь в бумажные блестки, бриллианты – в стекляшки, а сама хозяйка с облегчением закрывает глаза от передозы, сжимая в руке, как волшебную палочку, шприц. Сквозь заворачивающие звуки музыкальных хитов рвутся крики о помощи и хрипы отчаяния.

Ты не выдержишь, кричишь: «Мне б антиударное сердце, мне б солнцезащитный взгляд!..» Но крик тонет в ночном небе в грохоте праздничного салюта – день рождения народного фавна!

Город – это боль.

– Почему ты такая грустная?

– Я была у врача...

– Неприятности?

– Нет... но то, что мы с тобой пять лет считали оргазмом, называется астмой.

Астма.

CAM

Но ты не хочешь быть кожей от банана. Встаешь и идешь. Ключом открываешь дверь дома – возвращение. Тишина, все уже спят, в холле у лестницы горит желтый свет, на кухне оставлен ужин – ждали.

В детскую дверь приоткрыв, ты заново смотришь на чудо – ребенок. Кто он? Надежда или отдельный свой путь? Дальше – спальня: смесь одиночества и запахов ночи, любви и шелка. Нет, не придумал ты эту любовь, тебе повезло, она – здесь, живая и теплая, и у нее есть имя. В ней ты черпаешь силы.

Потом ты проходишь в гостиную, залпом глотаешь плеснутый в стакан виски и набираешь номер мобильного – звонишь сам себе.

«Если не я за себя, то кто за меня? Но если я лишь за себя – за чем я?»

Надо найти стержень, чтоб за него зацепиться. Надо не вылететь, не допустить, чтоб центробежная сила вынесла тебя на обочину... со сверкающего диска, стремительно вращающегося.

Ты думаешь: хватит ли сил? Устоишь ли? Сохранишь ли в душе принят своему Богу – твоему единственному собеседнику?

Нет, никто тебе не ответит: ни любимые, ни друзья, ни близкие – только ты сам.

Ты – CAM в своем городе.

Александра Крючкова

Поэт, прозаик, член Союза Литераторов РФ, Союза Писателей РФ, Союза Писателей XXI Века, Международной Ассоциации Граждан Искусства (Испания), Международной Гильдии Писателей (Германия), Русского Литературного Клуба, Открытого Литературного Клуба «ОТ-КЛИК», Регионального Общественного Фонда содействия развитию современной поэзии «СВЕТОЧ». Гос.стипендиат 2012 в номинации «выдающийся деятель искусства и культуры РФ», лауреат международных премий в области литературы, среди которых: 1-ое место в Школе Букеровских Лауреатов по курсу поэзии у Евгения Борисовича Рейна (Милан, март 2012), победитель I международного конкурса «Новые Плеяды» (Венгрия, 2012), III Международного Фестиваля Поэзии (Венгрия, 2011), I международного конкурса «Литературный Олимп». Награждена орденом Г.Р. Державина, орденом им. В.Маяковского, медалями им. А.П. Чехова, им. А.С. Грибоедова, дипломами «Лучшая Книга 2008-2011», «участника Парижского книжного салона-2012», им. М.И. Цветаевой, им. О.Э. Мандельштама, им. С.Есенина и другими. Вошла в шорт-лист российской национальной литературной премии «Поэт года» 2011.

Не отдавай меня другим...

(романс)

Не отдавай меня другим...
Оставь себе, как лучик света,
Любовь не требует ответа –
Пусть тот, кто любит, не любим...
Не отдавай меня другим...
Я шла к тебе почти с рожденья,
Где каждый шаг – стихотворенье,
Ведущее в искомый Рим...
Не отдавай меня другим...
Пройдя сквозь смерти и гоненье,
Я научилась жить мгновеньем,
Не пряча чувства в жалкий грим...
Не отдавай меня другим...
И в путь, начертанный судьбою,
Как оберег, возьми с собою
Мой филигранный пилигрим...
Не отдавай меня другим...

Путь

Здесь за сцены из Камасутры
Вожделеют земных наград...
Я приду к тебе, словно утро,
В час, похожий на твой закат...

В пору жгучего листопада
Здесь копают бездонный ров...
Я вдохну в тебя жизнь... Не надо
Благодарностей и даров...

Здесь, как птицы, свободны воры,
Допиши за меня главу...
В Путь тернистый в иные горы
За собою не позову...

Здесь так много нечистой силы,
И распахнута зверя пасть...
Слишком сложно в дороге, милый,
Не споткнуться и не упасть...

Не считая давно недели,
Тихо плачет о детях Русь...
Если вдруг ты мой Путь разделишь,
До земли тебе поклонюсь...

Никто, как ты

Никто, как ты, не будет близок мне...
Им здесь общаться только лишь речами,
Им не открыты святых небес ключами,
И не пропасть в душевной глубине...

Никто, как ты... Их жизнь проходит сном,
Они считают встречи и разлуки,
Им лень расти, и от внезапной скуки
Их пустота заполнится вином...

Никто, как ты... Им сложно не дышать,
Им важен бег сомнительный по кругу,
Им так легко назвать любого другом
И тут же с той же лёгкостью предать...

А нам с тобой не надобно давно
Ни слов, ни снов, ни встречи, ни разлуки, –
Так много лет твои глаза и руки,
Твоя душа – во мне и надо мной...

Поцелуй меня

Поцелуй меня в губы безоблачным небом,
Океанским дыханьем, парением птицы,
Вся земная любовь – очевидная небыль.
Из шкатулки, где спрятаны все небылицы.

Поцелуй ароматом цветков эдельвейсов
В час заката индиго,
нежданным рассветом,
Я затеряна где-то – дрейфующий крейсер
В окружении льдин, унесённая ветром.

Поцелуй меня лаской немых снегопадов,
Грустной песней дождя,
миражами пустыни,
Появлением радуги на водопадах,
Звонким эхом в горах и
Местами Святыми.

Поцелуй меня звуками нежных прелюдий
Вечной Музыки Сфер,
перекрестьем – в дороге...
Я когда-то любила, как здесь любят люди,
Я не знала, как сладко целуют нас боги.

Что такое Счастье?

Писать безголосые строчки,
Стучать в Небеса осторожно
И не получать ответа...
Но это не повод для точки,
Знаешь, счастье – это возможность
Знать, что ты есть где-то...

Рисовать на асфальте мелом,
Быть собой до конца и... дольше,
И с тобой – иногда – рядом...
Я сказать тебе только хотела:
Знаешь, счастье – это когда больше
Говорить ничего не надо...

Любить... А любовь – безусловность,
Отчего же тогда ты горюешь?
Любимый мой, ты меня слышишь?
Знаешь, счастье – это возможность
Дышать, потому что – любишь,
И жить, потому что – дышишь...

Не просить для врагов наказания,
Босиком по траве и лужам,
Лишь помнить – душа нетленна...
Знаешь, счастье – это сознание
Того, что ты всё-таки нужен
Огромной такой Вселенной...

Отдавать без остатка, без «если»,
Ведь за что-то – отдать несложно!
И в других разжигать пламя...
Знаешь, я пишу стихи и сочиняю
песни,
А счастье – это когда ты можешь
Оставить свой след на память...

Поверить, что жизнь – это чудо,
Божественное творенье,
Подарком принять многогранным...
Знаешь, не думай о том, что будет,
Ведь счастье – это умение
Быть каждый миг благодарным...

Алексей Борычев

Член Союза писателей России. Кандидат технических наук, лауреат медали «А.С. Грибоедов». Автор четырёх книг стихотворений: «Иду на восток» (Москва, 2004 г.), «Снежное полнолуние» (Москва, 2006 г.), «Солнечные слёзы» (Москва, 2008 г.), «Сонеты» (Москва, 2008 г.), журнально-газетных публикаций стихов: «Юность» (Москва), «Нева» (Санкт-Петербург), «Наш современник» (Москва), «Московский вестник» (Москва), «Вестник российской литературы» (Магнитогорск), «Вокзал» (Санкт-Петербург), «Окна» (Германия), «EDITA» (Германия), «Семь искусств» (Германия), «Лава» (Украина), «Литературный меридиан» (Владивосток), «Союз писателей» (Новокузнецк), «ЛитОгранка» (Новокузнецк), в газетах: «Российский писатель» (Москва), «Московский литератор» (Москва), «День литературы» (Москва), «Литературная газета» (Москва), «Культура» (Москва), «Провинциальный интеллигент 1», альманахах «Истоки» (Москва), «День поэзии. 2011 г.» (Москва), «Сияние лиры» (Москва), «Муза» (Москва), «Останкино» (Москва) и др.

Осенние вариации

Песком золотым сквозь небесное сито
На Землю осыпалась осень,
И небо — до звона покоем разбито —
Ударами гулками оземь.

Оно, рассыпаясь на тысячи лужиц,
Пронзило уснувшие чащи
Острейшей стрелой ноябрьской стужи
И снегом, печалью блестящим.

Избушка лесничего, старая, ветхая,
Неспешно отправилась в вечность.
Никто в этом странствии ей не мешает.
Скребутся лишь мыши за печкой...

Блуждая по первому снегу, по бликам —
По огненным пятнам — увидишь:
Гуляет былого двойник бледнолицый.
К нему не захочешь, да выйдешь...

Леса и сады улыбаются грустно
Багряной густой тишиною.
Молчание — это, конечно, искусство —
Почувствовать осень живую.

Осенний фрегат

Небесным лоцманом ведомый
В цветную бухту сентября,
Корабль осенних окоёмов
В туманы бросил якоря.

На мачтах корабельных сосен
Качнулся парус облаков
Фрегата под названием «Осень»,
Плывущего в простор веков.

...А утром якоря подняли,
И, разрезая гладь времён,
Поплыл в тоскующие дали,
Сливаясь с призраками, он,

Пройдя все зимы и все вёсны,
Вернётся в гавань сентября,
И эти мачты, эти сосны —
Спалит прощальная зоря...

Свет ноября

Отражённый стеною скучающих дней
И пропитанный дрожью иных измерений,
Горний свет ноября — ты, как память, во мне
Сфокусирован зеркалом ярких мгновений.

Угасанье твоё — не прошедшего тьма
И не сумрак грядущего времени злого.
Просто скоро на окнах узором зима...
Просто кем-то забыто заветное слово...

На устах тишина, и на сердце — вина.
Золотая обитель давно опустела.
Бесконечность, и та — бесконечно одна.
Для другой — декабри расставляют пределы.

Ни судьбы, ни страны...

Холода обжигают лицо.
Блики солнца упали на снег.
Закатилось судьбы колесо.
Воет ветер, а слышится - смех!

Догорает рубиновый день.
Голубая ложится вуаль
На просторы лесов, где везде
Розовела закатная даль,

Где берёзы, осины, дубы
Тщетно тянутся ветками вверх.
Ни зимы, ни страны, ни судьбы...
И прозрение разум отверг.

Холода обжигают лицо.
В синеве утопая, иду.
Замыкается снова кольцо.
Снова мир в одноцветном бреду.

Открывается медленно глаз -
Равнодушной к земному - луны...
Ни покоя, ни жестов, ни фраз.
Ни любви, ни судьбы, ни страны.

Осенний вечер

Ложась на грусть трамвайных звонов,
Осенний вечер проплывал
Над клумбой вянущих пионов...
Дышала влажная листва

Аквамариновым настоем
Свеченья тусклых фонарей
На усыпляющем покое
Московских блёклых сентябрей.

И ветер серую дворнягой
Метался в парках, по дворам,
Хмелея дождиком и влагой,
Стремясь устроить та-ра-рам!

И тучи, словно чьи-то мысли,
Которых время не прочтёт,
Над миром тяжестью повисли,
Наполнив страхом небосвод.

Но сладкой музыкой забвенья
Осенний город был пленён,
И звонко падали мгновенья,
И был как музыка их звон.

Цветная мозаика прожитых дней...

Цветная мозаика прожитых дней
Огнями мерцает твоими,
И в зареве странном я вижу над ней
Твоё позабытое имя.

И будущность, будто кропя мне уста,
Стекает с креста всепрощенья,
А даль без тебя - и светла, и чиста,
И ждёт твоего воплощенья,

И в утренних росах, и в блеске дневном,
И в сумраке леса и ночи...
Но ты воплощаема только в одном:
В напевах рифмованных строчек.

А мир без тебя - задремавший октябрь,
Опившийся браги закатов.
Он тоже бесплотен, бездушен, хотя
Апрелем рождался когда-то...

Во мне и вне меня...

В лесу предчувствий - там, где сны
приобретают привкус яви,
Мне показалось, что простор тебя из прошлого вернул,
И я попал тропой лесной в давно отцветшую весну,
Где ветер будущего лишь судьбою правил...

Ты квантом памяти во мне, почти забытая, живёшь,
Не уменьшаясь до потерь, на белой кромке тьмы и света,
И гулом истовых времён даёшь нелепые ответы
На сто вопросов о себе, скрывая ложь.

По лабиринтам снов моих блуждаешь яркою секундой,
Осколком прошлого, пока прощанья порох не погас,
Пока в огне его горят поленья бесполезных фраз -
Сгорают терем наших клятв печалью скудной.

А вне меня - острее тьмы - ты прорываешь темноту,
И дней цветных карандаши мечтой обтачиваешь ловко.
На облаках твоих чудес нужны терпенье и сноровка,
Чтоб не принять цветную ложь за доброту.

Просьба

Забыв о раздельности высших миров,
Земное пространство измерив
Размеренной музыкой строчек и строф,
Открыв невозможному двери,

Скрепив непонятной для нас простотой
В единое сотни осколков
Истраченных лет и столетий на то,
Чего незаметно нисколько,

Довольный, неспешно он вытер со лба
Кровавые капельки пота.
И тихо сказал: моя воля слаба.
Доделайте эту работу.

Осталось немного. Осталось чуть-чуть.
Раздайте, раздайте, раздайте:
Просторам - по тьме, ну а тьме - по лучу,
И будет доволен Создатель!

Небесные силы забыли меня,
В зеркальных пределах блуждая. -
С тех пор ничего не могу я менять,
И, видно, таким навсегда я

Останусь в полоне печалей чужих,
В жестокой тоске у кого-то...
Прошу я последним порывом души:
Доделайте эту работу!

Осталось немного. Осталось чуть-чуть.
Раздайте, раздайте, раздайте:
Просторам - по тьме, ну а тьме - по лучу,
И будет доволен Создатель!

ТРИОЛЕТ 1

И тьма, и свет - равновелики
В судьбе, теснимой пустотой.
Таков закон, совсем простой:
И тьма, и свет - равновелики...

Так говорят цветные блики,
К теням пришедши на постой:
И тьма, и свет равновелики
В судьбе, теснимой пустотой.

ТРИОЛЕТ 2

Что может быть страшнее боли? -
Другая боль! Другая боль!
Когда — ни духа нет, ни воли —
Что может быть страшнее боли?

Судьба играет злые роли,
И мир играет злую роль:
Что может быть страшнее боли? -
Другая боль! Другая боль!

ТРИОЛЕТ 3

Кто часто ошибается в простом,
Тому порой легко бывает в сложном.
Вне категорий — истинно ли, ложно —
Кто часто ошибается в простом.

Судьба научит времени кнутом,
Что и подчас ошибку сделать должно!
Кто часто ошибается в простом,
Тому порой легко бывает в сложном.

Новая Зеландия

Ирина Кушнерова

Родилась 1 июля 1980 года во Владивостоке. Окончила институт массовых коммуникаций Дальневосточного Государственного университета в 2002 году. Работала редактором спецпроектов в Тихоокеанской государственной телерадиокомпании «Владивосток» и корреспондентом на Общественном телевидении Приморья. С декабря 2005 года проживает в Новой Зеландии (г. Окленд). Стихи публиковались в различных интернет-изданиях.

Неяпонское танго

Чёрный винил выпускает пар,
сталью по нервам скрипит иголка.
Я покажу вам,
расслабьтесь только,
несколько лёгких
па.

Помните свадебный первый вальс?
В каждом движении зов природы!
Что говорите?
Совсем свободны?
Выпьем тогда
за нас!

Танец -
не лыжи и не бобслей!
Что же вы, сударь, так неуклюжи?
Хватит ногами паркет утюжить!
Будьте со мной
смелей!

Ах!
Какой милый любовный бред!
Чувственно-дерзкий, как *paso doble*!
Мы ведь над пропастью...
рухнем оба!
Лонжи в комплекте
нет.

Ночь так божественна!
сердце в такт...

Что?
Вы уходите?
Песня спета?
Вы же клялись, что свободней
ветра!

Ах...
Поняла не так?

Танго...
Споткнувшись в который раз,
я не танцую
Пас...

Чуже-странное

Карта судьбы целиком из крестиков.
Не проползти, как по полю минному.
Чёрт! Кто придумал искать библейское
в странных блокбастерах тарантиновых?

Время не каменное, скользкое,
Может, увидимся вновь... до скорого!
Будешь терзать меня ненавязчиво
В сказочных снах крейсер-авроровых.

Птицы и те всё за море косятся.
Знаешь, в пути нам придется туго
но
математически
синусу - косинус,
географически
северу -
югово...

Дельтапланы

Осень всегда рано,
сколько ни верь в лето,
сколько ни ставь свечи
щедрому богу солнца.
Снова тонуть в листьях,
в шерсти цветных пледов,
губкой смывать в душе
теплый загар-бронзу.
Страшно играть в руны,

сложно менять планы,
глупо хранить на пленках
чей-то родной голос.
Чаще смотри в небо,
верь в мои дельтапланы,
я им чиню крылья,
я долечу
скоро

Морская баллада

Расскажи мне, любимый,
куда они держат свой путь,
распустив паруса,
как огромные белые крылья?
С верой в щедрость ветров,
с пожеланьем "семь футов
под килем",
вдоль по лунной дорожке, с которой уже
не свернуть...

Расскажи мне легенды,
которые вторит прибой,
разбиваясь об острые скалы,
срываясь на шёпот.
редактируя мир в гениальном
"эдоб фотошоппе",
мы живём в своей сказке,
не зная, что там
за чертой...

А ещё расскажи,
как достигнуть своей широты?
И что делать тому,
у кого нет ни лодки, ни вёсел?
Расскажи мне, любимый...
Мы будем сидеть на утёсе
и считать, сколько звёзд отражает
поверхность
воды...

Сергей Киреев

В память другу.

Лунная рыбалка

Мы выехали из Крайчерча около четырёх часов дня. Около тридцати минут потребовалось, чтобы выехать за пределы города и, наконец, освободиться от надоедливых светофоров и перекрёстков. Я свернул на трассу, ведущую в небольшой курортный городок Акароа, расположенный к югу от Крайчерча на берегу живописной, до невозможности голубой, одноимённой бухты. Когда-то именно там первые французские поселенцы, открывшие для себя этот уголок рая, охотились на китов. Кстати, чаны, в которых они топили китовый жир, стоят там и поныне, но теперь под навесом небольших, деревянных грибков, дабы со-хранить их для многочисленных туристов и потомков. О бывших поселенцах сами за себя говорят названия улиц в городке, на восемьдесят процентов состоящих из французских слов.

Была середина февраля. Февраль в Новой Зеландии - это разгар лета. Тот, кто приехал сюда недавно, плавно смиритсЯ с этим не может, и упоминание о том, что это всё-таки лето, у них всегда вызывает улыбку. А тот факт, что Санта Клаусы разгуливают, выполняя свою миссию на Кристимас, и на Новый год по улицам в красных шортах и нередко во Вьетнамках, у многих вообще просто вызывало смех. Погода в этом году, в феврале месяце, стояла прекрасная. Огромное, ярко-оранжевое новозеландское солнце находилось ещё высоко над линией горизонта и отражалось в гладких зеркалах мелководных лиманов яркими рефлекторными тарелками. Вечерело. Февраль - сезон рыбалки на угря, вот именно потому мы и отправились на озеро «Лителрива». Я не знаю его оригинального названия по-английски, но, кажется, это озеро все местные русские окрестили по названию впадающей в него реки. В общем, её-то и рекой назвать не совсем удобно, так, арык какой-то, шириной, может, метров в пять-шесть. Иногда здесь можно увидеть рыбаков не столько ловящих рыбу, сколько убивающих здесь своё личное время, поскольку, кроме поднимающейся с лиманов по речке вверх тощей селёдки, ничего не ловилось, да и та шла на крючок исключительно только под влиянием чувства долга. Нам нужно было обязательно попасть на озеро перед закатом. Почему? К этому я вернусь позже. Времени у нас было предостаточно, поэтому я вёл машину не торопясь, давая возможность моему единственному пассажиру насладиться открывающимися видами. Света сидела молча и непрерывно вертела головой во все стороны, восхищенно разглядывая непривычные причудливые пейзажи неизвестной ещё ей страны и, наверное, думала о том, что никогда не привыкнет к ним, ну и, конечно, родными они ей

наверняка не станут. Хотя, как сказать — поживём, увидим. Справа тянулись нескончаемые, серебряные блюда лиманов, а слева глиняные, с редкой растительностью, холмы с причудливыми обрывами, сложащимися, словно куски разрезанного, но недоеденного пирога. Вокруг хаотично были разбросаны огромные валуны, обросшие тёмно-зелёными лишаями мха. Местами они были нагромождены один на другой и создавали впечатления некоторого осмысленного строения. Совершенно не верилось в то, что они вылезли из-под земли, а не были сброшены с неба некой неведомой силой. Редкие, похожие на пальмы деревья, разбросанные по склонам холмов или одиноко стоящие у их подножья, придавали этой картине какой-то не совсем земной вид.

— Смотри, смотри!! Что за птицы? Какие необычные, и клювы у них такие здоровенные и красные! - прокричала почти мне в самое ухо Светка.

По лиману действительно расхаживали чёрные, довольно крупные, наверное, с курицу, птицы пухека с массивными красными клювами. Название это, по всей видимости, придумали маори. Для тех, кто не знает, маори — коренное население Новой Зеландии, в общем, абorigены. Птицы осторожно ступали длинными тонкими ногами по топкому илу, отыскивая мелких крабов, ракушки и всякую другую живность. Я встречал их везде на берегах водоёмов, вот так же расхаживающих на неестественно тонких ножках-палочках.

— Это птицы пухека. Их здесь много, Света, берега лиманов испещрены тысячами маленьких норок, в них живут мелкие, как жучки, крабы, вот они и охотятся на них. Если подойти ближе к берегу, ты увидишь, что берег просто кишит крабами, безразлично бросил я, поглядывая в зеркало заднего вида, уж слишком я медленно плёлся и не хотел причинять неудобства следующим за нами машинам.

— Слушай, ну как ты так спокойно обо всём этом можешь говорить, здесь так всё не-обычно. У тебя нет чувства романтики!

Я громко рассмеялся в ответ:

— Ну, ты даёшь, Светка!! У меня-то и нет?! Ещё вчера вечером оно у меня присутствовало, если верить твоим вчерашним словам, или ты мне льстила? Кстати, по достоинству оценил твоё чувство юмора.

— Да ну тебя, ты всегда найдёшь, что сказать.

— Находчивость- черта гениев и великих авантюристов, — парировал я в ответ.

— Ну а ты, конечно, гений, я так понимаю,- Света саркастически улыбнулась.

— Без всяких сомнений, иначе я могу заподозрить тебя в плохом вкусе, ведь в авантюриста ты бы не влюбилась! Верно?

Света залилась звонким смехом:

— Ты очень самоуверенный и самовлюблённый гений, в такого могла влюбиться только такая неискушенная и доверчивая девушка, как я...

— Ты перечислила не все свои достоинства, Светка, я знаю, у тебя их гораздо больше.

— Ага... Кстати, одно из них - это скромность, а у тебя оно полностью дефрагментировалось в недостаток.

— Чего, чего оно сделало?

— Дефрагментиривалось. Да ну тебя, я уже запуталась совсем, с тобой это легко...

— Это потому, что ты всегда пререкаешься, Кнотёнок!

— Ну, посмотрите только на него. Гений во всей красе и пререкается с ним невозможно!

— Ещё немного, Светка, и я отгрызу тебе ухо, — мне было так смешно от её слов, что стало трудно вести машину. - Вместо того, чтобы ёрничать, лучше бы местные виды разглядывала, а то ведь потом скажешь, что я тебе всю дорогу мешал. Не забывай, обратно мы уже ночью двинемся, ничего, кроме звёзд, не увидишь...

— А мне и звёзд будет достаточно, они здесь тоже необычные и светят не так, как в России. И потом такой Гений рядом... — она обхватила мою шею и чмокнула в щёку. - Слушай, на склонах холмов так много овец, но я не видела, чтобы они выходили на дорогу.

— А ты приглядиись повнимательней, вдоль всей дороги идёт изгородь из тонкой проволоки, а по ней слабый электрический ток, вот они и не выходят за неё...

— Вот как?! — она прищурила глаза и тут же заметила редкие столбики в небольшом отдалении от дороги:

— Точно!

До озера оставалось уже немного, километров пятнадцать. Вскоре ландшафт справа начал приобретать другие формы. Лиманы оставались позади, а на смену их отвоёвывала пространство скучная, поросшая высокой рыжей травой, необычная степь. Слева всё тоже постепенно менялось - глиняные, холмы-пироги отдалялись от дороги, уступая место такой же скучной степи.

— Скоро будем на месте, Кнотик...

– Озеро, по какому борту ждать, капитан?
– Справа по курсу, как только скалы появятся, считай, что приехали...

– Здорово!

Я свернул вправо от шоссе, и шины внедорожника зашелестели по гальке. Метров через двадцать я остановил машину и вышел, чтобы открыть низкие, сваренные из труб ворота. Неизвестно, что и от чего они отделяли и кому преграждали путь, поскольку ни справа, ни слева от них никакого забора или проволочной изгороди не было. Похоже, эти ворота отделяли один мир от другого. Мир реальный от мира вымышленного. Мы выехали на скучный пустырь, которому словно во все стороны нет конца и края - он был поросший высокой выцветшей, казалось, неживой высокой травой. Я часто видел здесь людей с ружьями, охотящихся на зайцев, оби-тающих здесь в изрядном множестве. Метрах в двухстах паслись лохматые, похожие на стожки сена, овцы. Через несколько минут сплошная заросль превратилась в редкие островки и плеша, а потом и вовсе исчезла, и мы, наконец, выехали на берег озера. Дул небольшой, но довольно прохладный ветер, странно, почему на берегах водоёмов всегда чего-то дует? Озеро это, по меркам Новой Зеландии, довольно большое. С левого до правого берега оно тянулось, видимо, на полтора, два километра, с нашего берега до противоположного, наверное, метров пятьсот, шестьсот. Берег, на котором мы находились, был покатым и плавно уходил в воду в грязно-жёлтых пузырях пены у кромки прибоя. Другая сторона была полной противоположностью. Отвесный срез скалы высотой в добрую полусотню метров с вертикально-наклонными разломами напоминал непреступный берег необитаемого острова. К краям озера скала, постепенно снижаясь, переходила в такой же скучный пустырь, покрытый галькой и высокой травой. Я остановил машину на небольшой чистой прогалине между двумя одиночными плешинами травянистых зарослей:

– Приехали, выгружаемся! – скомандовал я, исподтишка наблюдая за Светкиной реакцией. Надо сказать, что открывшаяся скучная, совсем не экзотическая панорама нисколько не воодушевила её. Светкины уголки губ съехали книзу, а глаза, обманутые ожиданием, погрузнели. Я же, глядя на нее, напротив, еле сдерживал улыбку:

– Ну, что же ты, давай помогай! Давеча кто-то заснуть не мог от предвкушений романтики, а теперь из машины вылезать не хочет...

– Ты куда меня завёз? Это что, то самое место, куда мы битых два часа добирались? Я так не играю, мы так не договаривались! Это всё выглядит, как, к счастью, недосмотренный неприятный сон: ни зелени, ни пальм обещанных, ни оранжевых попугаев...

– Ну, с пальмами я, положим, пошутил, а вот оранжевых попугаев ты сама придумала. И потом мы на рыбалку собирались, а не в ботанический сад, а здесь, смею заметить, угорь идёт, как оглашенный...

Света вышла из машины, осмотрелась, поёжилась после тёплого салона автомобиля на прохладном ветру:

– Угорь глупый, и тот понимает: ему с таких-то красот всё равно куда иммигрировать, даже на сковородку согласен, вот и клюёт, как ты там говоришь, как оглашенный.... Брр и холодина такая, – она застегнула замок лёгкой куртки до самого верха и плотней обернула вокруг шеи короткий лёгкий шарфик.

О первопричинах иммиграции угря мне, откровенно, Светкина версия довольно понравилась:

– Слушай, Кнотик, Дарвин по сравнению с тобой, первокласска сопливый...

– Согласна, не дотягивает, ну не тебе же одному лавры примерять, в конце концов, дай мне хоть одной веточкой покрыться! Ладно, ты делом заниматься думаешь?

– Подожди немного, сейчас всё устроим, вот разожжем огонь, зажарим шашлыки, «Шардоне» откроем, и всё твоё первое впечатление забудется. Правда, попугав я тебе всё-таки не обещаю, но вот копченого угря гарантирую...

– Да я не ворчу, просто с ожидаемым не сошлось. Копчёный угорь - это просто здорово, я обожаю копчёного угря да ещё в таком живописном месте - пальмы, попугаи! – Света смешливо огляделась по сторонам. – Давай помогу, чего ты его один тянешь, мангал ведь тяжелый, – с этими словами Светка подбежала ко мне.

Я уступил ей один край, и через минуту мы водрузили его в десятке метров от берега. Потом выгрузили снасти, продукты и дрова, я подключил к электрическому насосу надувную лодку. Когда в мангале разгорелось пламя, я набросал туда побольше дров и предложил Светке прогуляться:

– Пошли по берегу побродим, я разбужу в тебе вкус к романтике, поверь, она здесь повсюду...

– Хорошо, идём, с пальмами ты меня обманул, вот так мне, наивной, и надо, но сейчас я тебе верю.

Мы медленно пошли вдоль берега. Я обнял её за плечи, а она сунула свою тонкую ладонь в задний карман моих брюк:

– Кнотик, у тебя волосы до сих пор душем пахнут.

Светка вопросительно подняла голову:

– Я забыла перевод. Кнотик, это что? Звучит вкусно, это, слушаем, не съестное?

– Кнот - это морской верёвочный узел по-английски, хотя это же приме-нимо и к скорости.

– Ладно, буду Кнотиком. – И, помолчав, добавила: – Всё не привнесишься кнотик, кротик, зайчик...

Было ещё довольно светло, но солнце уже перевалило за пограничную черту, отделявшую день от вечера, ветер стих, и наступило предзакатное затишье. На гребне возвышающейся скалы полыхало оранжевое пламя заката, отражаясь в редких перьевых облаках и гладком зеркале озера. В зарослях травы иногда, перебегая с места на место, кто-то шумел, возможно, птицы, а, возможно, и зайцы, а может быть и опоссумы. Немного поодаль от того места, где мы разбили лагерь, стоял старый заброшенный дом. Он сейчас как раз был у нас на пути, только чуть в глубь от берега. Штукатурка с его стен местами осыпалась и обнажила каменную кладку, давно не крашенные стены хранили отпечатки и автографы бывших обитателей. То там, то здесь можно было увидеть остатки каких-то надписей, обрывки слов.

– Давай зайдём, Светка? – предложил я.

– Я боюсь, этот дом такой старый, что в нем, наверное, ещё живут привидения...

– Брось, трусиха, ты же со мной и, к тому же, с привидениями у меня негласный договор о творческом сотрудничестве, они мне души по-ставляют, причём, заметь, самые лучшие!

Мы подошли ближе. Когда-то в этом доме, как оказалось, находился лодочный клуб, а теперь всё было в полнейшем запустении. Это мне показалось довольно необычным фактом для Новой Зеландии. На берегу такого большого озера когда-то находился клуб, а теперь его не стало. Озеро стоит, а клуб развалился? Хотя это, наверное, потому, что до ближайшего жилья отсюда довольно далеко. Внутри мы заходим всё-таки не стали. Ну, что там можно было увидеть интересного, кроме, может быть, забредшего и умершего там барана? Напротив домика, на берегу, ещё были видны остатки некогда существовавшего здесь деревянного моста. Я живо представил и даже услышал топот мокрых босых ног, бречание уключин, стук вставляемых вёсел.

– Димка, смотри, дыма не видно, может, уже дрова прогорели? – Светка приподнялась на цыпочки, пытаясь разглядеть пламя мангала.

– Ладно, поворачиваем назад. Как раз время и сеть ставить, солнце к закату движется.

Угорь - рыба очень необычная и интересная, мне иногда очень трудно свыкнуться с мыслью, что это всё-таки рыба. Будь моя воля, то я, наверное, придумал какой-нибудь новый подраздел для этого вида земноводных. Сезон рыбалки на него начинается в конце января, в начале февраля. Что интересно, угорь ловится только на закате солнца и после него ещё два, два с половиной часа. На удочку он клюёт просто по-трясающе, это - настоящий азарт, игра, если хотите, даже охота. Угорь - рыба очень сильная, чтобы выгнать её, нужно приложить кучу усилия, но ещё тяжелее, наконец, вытащить её на сушу, снять с крючка. Вот тут начинается настоящее шоу. Поговорка: «скользкий, как угорь» оправдывает здесь себя полностью, в сово-

купности с силой и скоростью его вращения на суше превращает это действие в «увлекательное» единоборство, родео.

Если вам попалась большой угорь, вероятность снять его с крючка живым очень мала. Конечно, опытные рыбаки на угря делают это за считанные секунды, но новичкам приходится туго. Лично я для ловли угря всегда использую специальную сеть. Это металлическая рамка, точнее, полуокружность диаметром около полутора метров, обтянутая сеткой-«хамсаросом» с воронкообразным входом. Чулок или мотня (в простонародии) делается длиной до трёх метров. В неё обычно кладут куски тухлой рыбы, хлеб, ненужное или испорченное мясо. Примерно такой же конструкции плетут так называемые «морды», но только из лозы, у нас на родине, в России. Как всегда на закате сетку заносят или завозят на глубину около полутора метров, глубже не требуется, и оставляют на два, два с половиной часа. Ну, а потом с помощью верёвки-подборы её выбирают на берег. Ну, вот это, пожалуй, вполне полное описание всего процесса. Для глубины впечатления о рыбалке на угря я всё-таки прихватил с собой спиннинг, весь азарт рыбалки можно испытать только с удочкой.

Я стащил лодку в воду, бросил в неё наживленную сеть.

— Светлик, потравливай конец, я отплыл метров на десять, а ты держи его крепче!

— Какой такой конец, Димка?

— Ну, верёвку эту, что у тебя в руках...

Через полчаса сеть была уже в воде, конец верёвки обмотан вокруг вбитого на берегу штыря, лодка на берегу, я занял шашлыком, закат догорал тёмно — алым цветом, а Светка топталась вокруг вне себя от нетерпения. Милая моя, смешная Светка!

— Ты всё не так делаешь, подожди, я помидоры нарежу! И куда ты дел лук? — Она нашла в куче пакетов спасшуюся во время сборов от моей сортировки разделочную доску, — Вот видишь, а ты говорил, не нужна!

— Каюсь и снимаю перед твоей прозорливостью свою набитую соломой голову!

Вскоре в мангале зашипели вспышками огня капли жира, и в воздух поднялся аромат маринованного по моему рецепту мяса, поджаренного лука и помидоров.

— Димка, пахнет-то как здорово! Первый раз буду есть новозеландский шашлык из самого настоящего новозеландского барашка!.. Туши!!! Туши!!! Димка, ну куда ты смотришь?! Нет, ну что ты без меня делаешь? — Светка жужжала вокруг мангала с брызгалкой, спешно туша появляющиеся то там, то сям языки пламени. — Ну, вот теперь не загорится... — она удовлетворённо посмотрела на результаты своего тушения.

Начало смеркаться, последние всполохи заката ещё виднелись у линии горизонта, но уже чувствовалась тихая поступь приходящей ночи. Дикие утки шумно переговаривались в зарослях камыша, устраиваясь гурьбой на ночлег. И вдруг ниоткуда, словно из-под воды, появились два лебедя... Черный и белый — он и она. Они медленно плыли в каком-то десятке метров от берега, величественно подняв головы на длинных шеях, не было видно ни малейшего движения воды под ними, они действительно плыли, плыли над стеклянной гладью озера. Он был горд ею, а она была горда им, они, наверное, любили друг друга, иначе их движение не было бы столь торжественным. Любить — это, наверное, и торжество тоже, торжество великого чувства, чувства не подвластного времени и эпохам, войнам и бедствиям, временам года и катаклизмам, всё это лишь во много крат усиливает её.

— Света, лебеди!!!

Но она уже смотрела на них, молча теребя кончик шарфа, забыв обо всём на свете: шашлыке, рыбалке, времени и стране Новой Зеландии:

— Димка, какие они красивые, правда? Такие гордые, посмотри, сколько в них достоинства, его столько наверное не найдёшь в человеке. Черный и белая...

Я подошел к ней совсем близко, обнял за плечи, коснулся губами её волос... Света подняла на меня глаза и положила голову на моё плечо:

— Скажи, это правда, что они никогда не расстанутся? Говорят, оставаясь в одиночестве, без любимой или любимого, они умирают от тоски... Это так?

— Не знаю, Светка, наверное, правда... Это должно быть правдой.

— Тогда держи меня крепче и никогда не отпускай, если не хочешь, чтобы мы умерли с тобой от тоски друг по другу, Димка... — она поймала мою руку и крепко сжала в своих маленьких ладошках. — Никогда, слышишь, никогда не отпускай меня, Димка... — Её глаза наполнились слезами.

— Никогда, Светка, никогда я не отпущу тебя...

— Спасибо тебе, ты у меня самый замечательный, я верю тебе...

Мы стояли у самой кромки воды, тихо провожая лебедей восхищенным и завистливым взглядом, а они, тихо скользя над поверхностью озера, медленно растворялись в вечернем, зыбком бытии. Эти два лебедя появились из ниоткуда и туда же уходили, словно картинка на вращающемся ночнике. Я стоял и ждал, когда же Светка спросит меня о реальности того, что мы только, что видели.

— Слушай, Димка, я не могу отделаться от ощущения, что всё это было во сне. А ты?

— И я, Светка... Знаешь, а я ждал, что ты спросишь меня об этом...

— Вот и дождался... Странно, но мне кажется, что всё то, что со мной сейчас происходит тоже нереально, что это только лишь сон, я боюсь просыпаться, хотя совершенно уверена, что проснусь в приподнятом настроении.

— Я знаю, почему, Кнотик...

— Почему, Димка?

— Потому, что мы очень долго этого ждали, нам, наверное, это даже снилось, ну пусть не совсем так, но вот ощущения, которые мы сейчас испытываем, мы, наверное, когда-то уже испытывали... А теперь тебе в это просто не верится. Сон продолжается, слившись с реальностью и перемешав краски...

— Шашлык, Шашлык!!! Димка!!! Он сейчас сгорит!!!

Мы кинулись к мангалу спасать торжественный ужин с красным вином и звёздами в бокалах. О, счастье, паника была напрасной, мясо приготовилось просто чудесно. Светка выложила горячий, невероятно аппетитно пахнущий шашлык на большое металлическое блюдо, посыпала рубленой петрушкой, лимонной цедрой, зелёным молодым луком, уложила колечками красного и жёлтого болгарского перца, сбрызнула последний раз оставшимся маринадом. Я почти давился слюной от запаха, от вида можно было умереть, получив заочно завороток кишок. Светка, стоя на коленках, колдовала над тарелкой с салатом, а я стоял позади неё и думал: «Неужели я буду видеть её всегда, неужели я смогу слышать её шаги, слышать, как она что-то напевает на кухне, ощущать её горячее дыхание и слушать, как она разговаривает во сне?» Вот так всегда, всегда она и звёзды в бокалах с красным вином. Да, это, действительно, напоминало счастливый цветной сказочный сон Оле Лукойе.

Я присел рядом:

— Тебе помочь?

— Открой вино, Дим... Бокалы в чёрной сумке, смотри не переколоти, а то будем пить из горлышка по очереди.

— А если я разобью вино?

— Не смейся, вот этого ты не сделаешь, ну а если тебе это всё-таки удастся, то будем пить Млечный путь...

— Здорово, Светка, я хочу пить с тобой Млечный путь, пошёл разбивать вино, — я встал и отправился исполнять мужскую половину обязанностей. Бокалы остались жить, вино безопасно откупорено и разлито, теперь лишь надо было смешать его со звёздами вселенной.

Мы сидели в ночи, на краю расстеленного покрывала, сзади нам слегка подсвечивали угли догорающего мангала, сверху — огромный яркий диск луны и, конечно, наши звёзды, наши со Светкой две счастливые звезды. Ни я, ни она не знали, какие они, но мы точно знали, что там, наверху, среди миллиардов других, они есть.

Я поднял бокал с мерцающей в нём луной:

— Смотри, у нас в бокалах не просто вино...

— Мы выпьем с тобою луну, да, Димка? — Света подняла свой и заглянула внутрь:

— А раньше ты пил с кем-нибудь Луну? — Она посмотрела на меня блестящими в звёздах глазами. Таким глазам невозможно врать.

— Нет, никогда, это правда...

Светка покрутила в руке свой бокал:

— Я хочу размешать Луну в вине, чтобы ничего не осталось на донышке, я хочу выпить её всю...

— Тогда за нашу Луну, за то, что впереди! За то терпение, что подарило нам эту Луну, за тебя Светлик!..

— Спасибо тебе, мне никогда не дарили планет...

— Это всего лишь спутник, любимая...

— Ну и что, это очень большой спутник, и он теперь наш...

Готовый шашлык превзошел все ожидания. Молодая баранина, вымоченная в сухом кислом вине с добавлением корицевого сахара и лимонного сока, конечно, лука-шалота и свежего горького перца, была сочной и удивительно мягкой, она не потеряла волокнистую основу, но откусывалась, словно состояла из сплошной сочной массы. Запах был такой, от чего невозможно было отложить шампур в сторону!

Всего неделю тому назад, я сидел на берегу Авена, там, где он был превращён в большую зелёную поляну, а на противоположном берегу старый деревянный мостик, облюбованный дикими утками. Их то и дело распугивал серый, опрятно постриженный пудель. Он неожиданно появлялся из кустов, с громким лаем мчался по мостику и, убедившись, что никого больше на нём нет, останавливался на самом конце и нюхал воздух. Тогда я мог только лишь мечтать о том, что смогу вот так просто смотреть на неё, на мою Светку, на человека, которого я так долго ждал, возможно, всю жизнь...

* * *

Мы заразительно смеялись, стирая с губ друг друга капли красного вина и бараньего жира, мы сражались на шампурах и на спор метали их в трухлявую доску, искали наши созвездия и галактики, бегали босиком по берегу озера, поднимая кучи брызг в серебре звёзд. Остановить бы время и забыть о нём навсегда, пусть всегда светит на небе нам золотая луна, пусть звёзды улыбаются нам своим светом! Эх, мне так хотелось, чтобы это было всегда.

– Димка, ты обещал научить меня ловить угря на удочку! Было такое?
– Ну конечно, было! Давай, тащи спиннинг...

Я помог Светке наживить на крючок кусочек шашлыка и даже сам забросил:

– Вот теперь держи крепко, подсекать не торопись, подожди, угорь – рыба прожорливая, от наживки не отойдет, пока не заглотит. Держи, – я передал Свете спиннинг, отошел метров на пять в сторону и принялся наблюдать за ней со стороны. Света нетерпеливо переступала с ноги на ногу в ожидании клёва страшной рыбы, и – это случилось! От неожиданности она сначала хотела бросить спиннинг и убежать! Судя по тому, как согнулось удилище, угорь был крупный, но потом, сунув спиннинг подмышку и ухватив его двумя руками выше катушки, начала отступать назад. Я прыснул в кулак: «Ну и рыбка! Уже забыла, что надо катушку крутить, а не по берегу назад отступать, пока рыба сама на берегу не окажется».

– Димка, Димка!! Я поймала кого-то, оно там, на крючке, в воде!! Что мне с ним делать?! – Светка искала глазами меня.

Я больше не смог и рассмеялся в голос:

– Беги со спиннингом к трассе, он сам на суше, хочешь-не хочешь, объявится, а я за тебя его с крючка сниму, пока ты возвращаться будешь!

Удилище начало ходить из стороны в сторону, увлекая каждый раз и Светку то вправо, то влево, причем она не останавливалась и, крутясь в такт спиннингу, продолжала отступление в глубь пустыря.

– Света, катушку, катушку крути, не давай ему водить!!

– Какую катушку, я не могу, я боюсь, там акула, наверное, или чудовище лохнесское!! – она начала потихоньку правой рукой подбирать к рукоятке катушки, – Димка, что тут смешного, твою любимую сейчас съедят, а ты гогочешь! Ну, помоги же мне, ну будь человеком, я боюсь!!

Я подошел к ней и перехватил удилище. Света, освободившись от спиннинга, все равно продолжала по инерции или от страха отступать к пустырю.

– Светка, ты куда? Заблудилась.

Опомнившись, она вернулась на берег и стала с интересом наблюдать за моей борьбой с сильной рыбой:

– Ты только не упусти, тащи его, тащи! Это мой угорь, я его жарю и сама съем!

– Перестань меня смешить, а то я его точно упушу!..

Угорь был действительно крупный, по моим расчётам, кило на два, для угря это много. На поверхности начались всплески, уже можно было различить его длинное змееобразное тело в свете луны.

– Димка, я его вижу, вижу!!! Ты только не упусти моего угорька хорошенького! – Светка бегала вокруг меня, то и дело подбегая к самому краю воды, с нетерпением ожидая появления её угря. Наконец я вытащил его на берег. Он начал крутиться вокруг себя, как делает это крокодил, когда захватывает добычу. За считанные секунды он намотал на себя оставшиеся поводки с крючками и грузило. Посветив фонариком, я не стал разбираться со снастями, а просто обрезал леску. Светка была в восторге, но подходить близко боялась.

– Принеси мешок, пожалуйста, Кнотик...

– Нет, пусть полежит, Дим, я посмотреть хочу...

– Ну, смотри, Светка, но он сейчас к воде рванёт, ползает он, как змея...

Звук хлопающих крыльев отвлек нас от угря, откуда-то из темноты вылетела большая серая цапля и приземлилась метрах в двадцати от нас. Она внимательно оглядела берег маленькими красными глазами и, выгибая назад колени, направилась по берегу в противоположную от нас сторону. Я отбросил ногой подальше от воды угря и сел на островок высохшей травы.

– Дим, может сетку пора вытаскивать?
– Ещё пусть с полчаса постоит. Спать уже хочешь, человек? Иди сюда, сядь...

Света села рядом, положила голову на мои колени:

– Нет, не хочу я спать, я боюсь спать, а вдруг я проснусь, а тебя нет, и ничего нет. Вдруг это был лишь сон.

В сухостое послышался шум, по поверхности озера побежала первая рябь, поднимался ветер. Дорожка на воде от выпитой нами луны засеребрилась и заиграла кусочками жёлтого камня, из которого была выложена. Похолодало.

– Ну что, Светлик, холодает, наверное, будем вытаскивать сетку.

Она тут же ожила, встрепенулась:

– Давай, мне страшно интересно, что там, чего мы наловили с тобой...

Я кинул в мешок Светкину добычу и отправился выбирать на берег сеть, медленно подтягивая её за конец. Она шла с трудом и казалась очень тяжёлой, но я знал, что тащить приходится по илу, а потому так тяжело. Через пару минут на поверхности показалась верхняя часть рамки, похожей на хоккейные ворота, ещё через минуту вся сеть была на берегу. В ней что-то шуршало, двигалось, шелкало, переползало, прыгало, Светка светила фонариком, пытаясь разглядеть, что там внутри:

– Димка, его тут куча, только в грязи всё, не разберешь...

– Неси ведро, сейчас ил смоем, не ложить же его в машину в таком виде...

Я обдал сеть несколько раз водой, смывая грязь и тину с нашего улова, высыпать угря в приготовленную пластмассовую ванну я не стал, а по-ложил его туда вместе с сетью:

– Давай посидим немного, попрощаемся с нашей Луной и скажем до свидания лебедям.

– Давай, Димка...

Мы сели на жёлтую траву на берегу озера, луна заходила, новозеландское небо – наоборот, светило перевёрнутой Большой Медведицей. Встревоженные чем-то утки шумно гомонили в камышах, ветер шумел в сухой высокой траве, лёгкий бриз шелестел галькой о берег озера, взбивая грязно-белую пену.

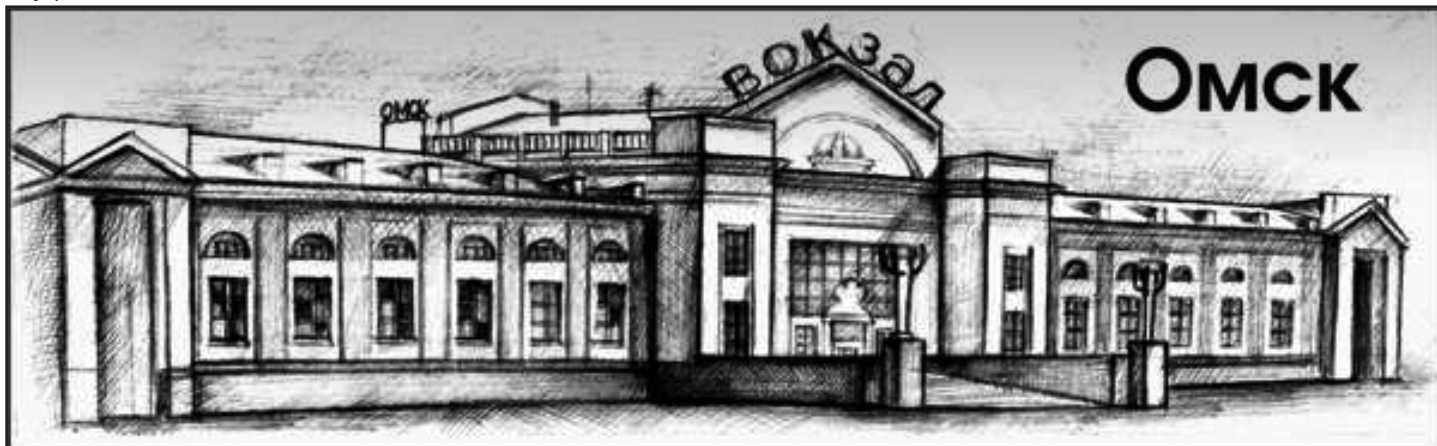
– Я люблю тебя, Светка...

Она ничего не ответила, а лишь крепче прижалась ко мне. Это означало гораздо больше, чем просто слова.

* * *

Я остановил машину в кармане на обочине, перед поворотом на трассу, ведущую в Крайскерч, оставалось ещё чуть больше часа пути. Света, прижавшись щекой к оконному стеклу, мирно спала с застывшей на губах светлой улыбкой. Я сидел и смотрел на неё. Что снится тебе сейчас, мой человечек, где звучит сейчас твой звонкий смех, в какие заоблачные страны несут тебя крылья любви? Я улыбнулся, провёл рукой по её щеке, глянул в окно на звёзды, нашёл наши две самые яркие, помахал им рукой и нажал на акселератор...

Вячеслав Омский

Родился в 1942 году в г. Омске. Образование высшее медицинское и высшее юридическое. Печатался в журналах: «Острова» (Нью-Йорк), «Бег» (Санкт-Петербург), «Интеллигент. Избранное», «Литературный меридиан» (Арсеньев), «Виктория» (Омск), «Я такая» (Омск), в альманахах: «Витражи» (Мельбурн), «Пражский Парнас» (Прага), «Саксагань» (Кривой Рог), «Новый Енисейский литератор» (Красноярск), «Росток» (Красноярск), «Чаша» (Омск), «Точка зрения» (Омск), «Иртышъ – Омь» (Омск), «Тарские ворота» (Омск), «Менестрель» (Омск), в многочисленных газетных изданиях. Автор трёх книг: «Из века в век» (2007 г.), «Поэт» (2008 г.), «Капли» (2010 г.). Заместитель главного редактора медийной группы «Интеллигент» (Москва, Санкт-Петербург, Нью-Йорк), соредактор альманаха «Чаша» (Омск), член редакционного совета альманаха «Тарские ворота» (Омск). Кавалер ордена «Трудовая доблесть России» (2012 г.)

*“Умом Россию не понять,
аршином общим не измерить...”*
Фёдор Тютчев

Не аршином мерим мы Россию,
Не столбовыми вёрстами,
А поясами часовыми
Да её погостами!..

* * *

Он звал народ блюсти порядок,
чистоту, не сквернословить,
Простые правила,
как истину, усвоить.
Закончил речь, сошёл с трибуны,
о порог запнулся,
Садясь в машину,
громко чертыхнулся,
Пустую пачку сигарет
в окно с досады сунул,
Отъехал от крыльца
и смачно плюнул...

Поэт

«Я вижу звук и тишину...»
А. Кутилов

Ты жарких пушкинских кровей,
Хотя в тебе ни грамма барства.
Ты не потомок королей,
В иных краях имел бы царства...

Ты видел звук и тишину.
Отдал полжизни антимиру.
Над злом коварным в вышину,
Как крест святой, ты поднял лиру!

* * *

Аркадию Кутилову

Культурный слой в народе
с постоянством
Из века в век приход ПОЭТА ждёт.
А он придёт в залатанном убранстве.
Придёт как Бог, никто не узнаёт...

Не надо слов, не надо песнопений.
Вокруг нас жизнь - “святая простота”,
Прочти стихи и ясно: автор - гений,
Неважно, что поддёвочка не та!..

Ноктюрн

Ночной эфир таинственно и нежно,
Скатился вниз, прохладой дыша,
Накрыл волной тревожной
и безбрежной,
Какое счастье думать не спеша!

И мысль пошла, и горлинкой запела,
Построив чудный музыкальный ряд,
Среди своих торжественно и смело
Слова теснятся словно на парад.

Как дар небес в строку упасть готово:
“Люблю тебя, ты только позови...”
И поздний вечер мне напомнит снова
Волшебную мелодию любви!

Облака

Вы холодны и горделивы,
Я, вам, признаться, сердцем рад,
Вы помрачительно красивы
В среде своих небесных стад.

Вы с равнодушным постоянством,
Свои меняете черты.
Несёт над бездной и пространством
Вас демон вечной красоты.

Вам непонятна боль земная,
Судьбы уколы вам не впрок,
Не брали вы уроки рая,
Любовь и счастье невдомёк.

Вас, покоряющих все дали,
Воздушных, томных, наконец,
Для созерцанья и печали,
Наверно, выдумал Творец!..

* * *

О, Бог!
Творец мой всемогущий!
Нет сил понять
твой замысел грядущий.
Свет оскудел и воцарилось зло.
Тебе ли, мне ли так не повезло?!

Елизарова Наталья

Родилась 20 июня 1977 г. в г. Омске. Окончила филологический факультет Омского государственного университета. Член Союза российских писателей. Печаталась в журналах «Москва», «День и Ночь», «Южная звезда», «Огни Кузбасса», «Урал», «Омская Муза», «Звёздный век», «Пилигрим», альманахах «Складчина», «Голоса Сибири», «Под часами», «Тарские ворота», «Точка зрения», «Иртыш-Омь», газете «Интеллигент». В 2004 г. была удостоена звания Лауреата областной литературной премии им. Ф. М. Достоевского. Кандидат исторических наук. Член-корреспондент Петровской академии наук и искусств.

ВОСПОМИНАНИЕ

Кафе закрылось. Последние посетители ушли. Я сказал жене, что хочу побыть один. Хельга, вымыв пивные кружки, убрала их в шкаф, потом обернулась ко мне. Её брови были сосредоточенно сдвинуты, глаза метали молнии. «Что ты там бормочешь, старый дурак? — сказала она. — Собирайся, пора домой». Я сделал вид, что не слышу. Мне хотелось, чтобы она поскорее ушла.

Пересчитав дневную выручку, она закрыла кассу. «Если снова напьюсь в стельку, можешь домой не приходить! — сказала она, снимая крахмальный передник. «Не сердись», — выдал из себя я; присутствие жены начинало раздражать.

Когда-то я любил Хельгу, но за тридцать семь лет совместной жизни я от неё устал. Я знал эту женщину досконально: о чём она думает, что скажет через минуту, какая на ней сорочка под платьем. Я старался быть терпеливым с ней, пытался быть ласковым, но с каждым годом у меня это получалось всё хуже и хуже. Мне было жаль жену, но я не мог выдать из себя даже крупницу нежности.

Наконец она ушла. Я погружаюсь в воспоминания, такие давние, что иногда мне начинает казаться, что всё это произошло не со мной.

...Утром мы вывели их на расстрел. Меня пошатывало после бессонной ночи. Накануне мы с Куртом посетили местный бордель. Мой друг меня подначивал, стараясь выдать признание, что сегодняшней ночью у меня впервые была женщина. Я упрямо отрицал его предположение. Говорил, что в Берлине у меня осталась невеста, с которой я «это» уже испытал. Наверное, я не слишком умело соврал, потому что Курт мне не поверил.

Я вспомнил свою вчерашнюю любовницу — тощую французскую шлюху лет двадцать пять с белёсой кожей, через которую просвечивали голубые вены. Она очень обрадовалась, когда я угостил её шоколадом, и спросила, есть ли у меня выпить. Спиртного я с собой не захватил, только плитку шоколада, — Курт уверял, что все французенки без ума от него. Девушка сказала, что я милый мальчик, но мне необходимо расслабиться. Она расстегнула мои штаны. Я не чувствовал ничего, кроме презрливости и страха заразиться. Ни капли вожделения... Когда я вышел от неё, меня долго преследовал приторный запах дешёвой пудры.

Я сказал Курту, что если он не заткнётся, я разобью ему морду. На нас прикрикнул лейтенант. Мы прекратили перепалку и угрюмо взглянули на него. Лейтенант не пользовался ни авторитетом, ни уважением среди солдат. Его покрытый мягким цыплячьим пушком подбородок, тщательно отполированные ногти, ленивые высокомерные интонации вызвали всеобщую ненависть.

...Тех, кого мы должны были расстрелять, было шесть человек: трое пленных солдат, два местных крестьянина, взятых по подозрению в помощи партизанам, и девушка. Они выходили по одному из низкого, пропахшего псиной барака. Мы отобрали их нехитрые пожитки и скинули в кучу, потом повели к освещённому прожектором плацу.

Внезапно шедший впереди заключённый набросился на Курта. Оба повалились на обледенелую землю. Остальные бросились враспынную. Я пустил в убегающие спины автоматную очередь. Увидел, как один из мужчин упал на колени. Несколько секунд он хватал окровавленным ртом воздух: слышалось свистящее судорожное дыхание. Потом упал лицом в грязный снег и затих. В это время Курту удалось вытащить из кобуры пистолет и застрелить своего противника. Лейтенант, выкрикивая ругательства, метался по плацу и палил в воздух. Нам было приказано немедленно задержать беглецов.

...Набирая скорость, мы мчались вперёд по узкой просёлочной дороге. Сквозь рёв мотоцикла до меня доносился голос Курта: «Жми, Руди, жми! Мы не можем позволить им скрыться!» Мы гнали пленных, как собаки дичь. Это была самая настоящая травля. Постепенно мы прикончили беглецов всех до одного, кроме девушки. Ей удалось скрыться в лесу. Я и мой товарищ бросили мотоцикл на обочину и прошли прочёсывать ельник.

Снег в лесу уже посерел и начал оседать, а кое-где на пригорках и вовсе сошёл, обнажая прошлогоднюю пожухлую листву. Воздух был наполнен запахами прелой травы, земли и можжевельника. Повсюду слышалось хриплое приветствие ворон. Солнце заливало глаза ослепительным белым светом. Неожиданно я вспомнил себя ребёнком, когда, забравшись на стул, декламировал гостям Гейне: «Счастьем девственным томимы, расцветают лес и нивы, и смеётся в небе солнце: ты явился, май счастливый!» Гости угощали меня конфетами и спрашивали: «Кем ты станешь, когда вырастешь, маленький Рудольф?» «Врачом, как папа, — отвечал я. — Буду спасать людей». Меня тискали, целовали в обе щёки и называли славным мальчуганом. Папа и мама не скрывали своей радости — они гордились мной.

...Сейчас не май, как в стихах Гейне. Март. До мая ещё нужно дожидаться, и я не знаю, есть ли у меня шансы. Германия начала терпеть поражение. Для нас, солдат, это становилось с каждым днём всё более ощутимо. Наше командование нас ни во что не посвящало, но мы ловили тревожные нотки из писем родных, когда они жаловались, что стало плохо с продуктами, из раздражённых фраз офицеров, срывающих на нас злость... Я не знал, выиграет ли Германия эту войну, но мог сказать наверняка, что врачом уже не стану никогда. Я не смогу спасти людям жизни после того, как привык убивать.

Какая-то птица, вспорхнув, низко пролетела над головой. Я, как зверь, шёл по следу и вспоминал похороны моей матери. Мне тогда было одиннадцать с половиной лет. Я до последней минуты не хотел верить в то, что она может умереть, и молил Бога, чтобы он не забирал её. Клялся, что стану послушным и хорошим, и свято верил в то, что молитва мне поможет. «Боженька, великий, милосердный, спаси, пожалуйста, мою мамочку!!!»... Когда её хоронили, грачи на кладбище устроили свадебные танцы...

Я заметил мелькнувшую в зарослях тень. Скомандовал остановиться. Девушка продолжала бежать. Тогда я обрушил в её сторону автоматную очередь. Пули изрешетили стволы деревьев. Девушка, закрыв руками уши, замесалась в панике. Я догнал её в два прыжка, ударил прикладом. Она, потеряв равновесие, упала.

...Я держал её на мушке. Она тяжело, прерывисто дышала. Мне казалось, я слышу стук её сердца. Я прицелился. Её огромные голубые глаза застыли на дуле моего автомата.

Она была одних лет со мной, не обладала какой-то особенной красотой. Худая, грязная, оборванная девчонка с рыжими засаленными волосами. Я ощущал над ней власть. В моих руках находилась её жизнь: я мог оборвать её через секунду или вернуть в лагерь, где ей пришлось бы умереть после чудовищных нечеловеческих пыток. Я почти физически ощущал её отчаянную молитву: «Господи, великий, милосердный, спаси и помилуй!» Я знал, что она до последней минуты не поверит в неизбежность своей смерти, и знал, что Бог не защитит её от страданий...

Возможно, я никогда не пойму причин своего поступка, но я её отпустил. Когда ко мне подбежал мой товарищ, я сказал, что ей удалось сбежать. «Эта сучка не могла далеко уйти!» — бесновался он. Я молча открыл фляжку со шнапсом и не успокоился, пока не выпил всё до последней капли. «Ладно, чёрт с ней!» — хмуро махнул рукой Курт.

Война закончилась. Я долго никому не рассказывал эту историю. Боялся, что посчитают слабаком. Но однажды в баре, накачавшись виски, развязал язык. Реакция моих приятелей ошарашила, — мне не поверили! «Брось заливать!» — сказал Курт, которого война сделала безногим. — Я бы ещё поверил, если бы ты позабылся с ней и отпустил, а то, подумаешь, какое благородство!» В эту минуту я подумал про себя, что если бы знал, что мне никто не поверит, я бы застрелил девушку. Но такое ощущение было только в первое мгновение, потом оно прошло и сменилось беспокойством, которому сопутствовал вопрос — на него мне никто никогда не даст ответа — жива ли она?... В последние годы я всё чаще вспоминаю войну. Терзания и боль уже оставили меня, но вместе с тем я отчётливо понимаю, что мне не следовало выживать на ней. Тот, кто мёртв, всегда безгрешен.

Игорь Егоров

Родился в Омске. Окончил Омский политехнический институт, Международную академию менеджмента. В настоящее время – Главный редактор альманаха «Тарские ворота» и приложения «ИртышЪ-Омь». Печатался в региональных и центральных газетах, журналах «Арион», «Капля», «Омская Муза», «Виктория», альманахах «Складчина», «Голоса Сибири», коллективных сборниках, антологии произведений омских писателей «Сегодня и вчера». Произведения Игоря Егорова включены в хрестоматию для начальной школы по литературному краеведению «Зарничка» (Омск, 2006). Автор пятнадцати книг. Дипломант областного литературного конкурса «Лучший рассказ XXI века». Занимается переводами с английского языка. Член Союза российских писателей.

Мост искушений

Я могу устоять против всего, кроме искушения.

Оскар Уайльд

1

Я неслышно вошёл в комнату. Инга спала. Она спала от сильной дозы обезболивающего. Эти чутко подрагивающие веки, губы, точно в реакции сна... Неужели через несколько дней!.. Это казалось невозможным, нереальным...

А солнце в прогале штор уже падало прямо на её лицо. И горячий, но блуждающий румянец иногда вспыхивал на этих милых, почему-то уже совсем детских щеках. Никогда раньше так близко я не видел подкрадывающейся смерти, и вот её настойчивое дуновение неизъяснимо ранящим холодом пробегает по раскрытой книге, постели, столу... На миг мне почудилось, что я вижу ещё живое лицо жены в зловещей торжественности гроба, в обрамлении ярких помертвевших цветов. Но я сразу же стряхнул с себя это наваждение.

Изо дня в день – толпы родственников! Зачем они её раньше времени хоронят?! Ещё эта парализованная звонит чуть не каждый час, а я должен отвечать уклончиво: «Сложно...», потому что может услышать Инга. Что-то в этих настойчивых звонках было нечистое и подлое.

Инга проснулась от боли.

– Жень! – позвала она. – Когда ты мне делал укол?

– Часа три назад, – вздрогнув, соврал я. – Я ещё поставлю, шприц прокипячён.

Я уже привычно ставил уколы. Этому меня недавно научил мой друг Игорь Лобачёв. А обучение искусству ставить уколы происходило на кухне. Я никак не мог решиться воткнуть шприц в Игорёшино тело, а он нервничал и ругался и готов был подставить под неумелую иглу не только свои худые ягодицы, но и всего себя ради жены друга, лишь бы я научился.

И я научился, и теперь делал уколы быстро и совершенно безболезненно, рука у меня оказалась лёгкой. Наверное, я мог бы стать неплохим, даже великолепным врачом, а вот закончил зачем-то политехнический. Но тогда, в конце 60-х, закрутилась эпоха «физиков и лириков», многие школьники старших классов с увлечением думали и рассуждали о теории относительности, пьянели до умопомрачения от музыки «Битлз», которая глушилась безбожно в приёмниках, бредили физикой и математикой и одновременно ночами сочиняли стихи... Я даже, помню, повесил у себя в комнате портрет Альберта Эйнштейна, а в 9-м классе написал чудной математический трактат о пространствах пустоты... А ещё увлёкся Лермонтовым и Гейне и даже ранним Маяковским, и попробовал себя в поэзии, но тогда для меня это было не главным, мне хотелось стать учёным, как Тулин или Крылов из фильма «Иду на грозу»...

И вот я – студент политехнического, сессии сдаю на отлично, считаю чуть ли не лучшим математиком на курсе, и вдруг всем нутром понимаю, что попал-то я не туда, не в тот институт, а бросить страшно – враз «загребут» в армию, никто не будет разбираться, что ты там себе нафантазировал в школе. А потом, после окончания политехнического, была работа в НИИ,

где я окончательно убедился, что выбор в жизни сделал неправильный, но начинать всё сначала было уже чертовски сложно, время было упущено. Да я уже был и женат, и у меня родилась дочь, так что я и думать забыл о поисках и начинаниях. И всё-таки в жизни можно найти отдушину, и я её нашёл: переводил с английского для своих коллег научные статьи американских учёных – теплофизиков, хотя такое выпадало не часто, а ещё я стал подмечать интересные ситуации и словечки и записывать их в записную книжку, которую часто носил с собой. Так у меня накопилось несколько записных книжек, и когда я прочитал их все сразу, мне показалось всё записанное каким-то бредом, самой настоящей абракадаброй. И всё-таки я этого не бросил и продолжал заполнять записные книжки. И это было началом чего-то важного в моей жизни, гораздо более важного, чем все ошибки и сожаления, и, значит, обретало огромный смысл. Я будто опять стал школьником и ударился писать стихи, самые разные, чуть ли не футуристические, точно ещё не переболел всеми поэтами. Пусть это было похоже на какое-то запутанное искушение беспокойной души, и всё-таки это было нужно. А потом стал писать короткие стихи и рассказы, которые вдруг даже начали печатать в газетах, но издательство их отвергло. Тогда я написал приключенческую повесть для детей...

– Женьча, я скоро умру! – прошептала Инга.

– Нет, нет! Что ты! Ты выздоровеешь, даже и не думай об этом! Вон ты какая розовенькая, как поросёночек, – попытался я пошутить.

Инга улыбнулась:

– Смешной, – и тут же напряглась всем телом и прикрыла глаза от приступа боли.

Я прильнул к ней и поцеловал в горячие воспалённые губы. Я не знал, как ей помочь, и сказал совершенную глупость:

– Я соскучился по тебе!

– Тебе, наверное, противен запах моего тела? – отозвалась вдруг Инга.

– Ин, зачем ты так?! Я же тебя люблю! – как-то юношески воскликнул я.

И вдруг слёзы выступили у неё на глазах. За много времени я увидел у неё на глазах слёзы, но это были слёзы благодарности.

– Прости меня, я глупая!

Мы легли вместе, но я не мог причинить ей ещё одну боль, и только мягко целовал её веки, лоб, губы. В этих поцелуях был крик прощания с любимой женщиной, с которой я прожил 16 лет. А ведь это целая жизнь! И сколько в ней было хоть и островков, но островков настоящего счастья. И только они теперь и помнились мне. И мне вдруг стало невыразимо страшно остаться одному, без Инги, как ребёнку без матери. И я ещё ближе прильнул к ней.

Помнишь,

Мы читали эту книгу вдвоём?

Ты сидела у окна

И вдруг – легко посмотрела

На дальние деревья...

Прочитал я и внезапно увидел, как на мои слова отозвалась бесконечная, полная безмолвных жалоб и ужаса, глубина любимых глаз.

— Это стихотворение из твоего будущего сборника. Зачем ты его прочитал? — спросила Инга, будто всё хорошо, и не было только что всего этого ужаса в её глазах.

— Сам не знаю, просто это о нас... — задумавшись, отозвался я, — тогда ты училась ещё...

— И читали с тобой «Дон Жуана» Байрона...

— Да, точно, а я и забыл, тогда нужно было тебе по программе... Совершенно незаконченное произведение, сплошной разврат, хотя и считается жутко гениальным...

— Всё довольно сложно. Нет, это, наверное, не «Дон Жуан» был, а что-то другое, может быть, Тютчев. А то состояние ты, наверное, передал своими строчками, хотя и такими незамысловатыми...

«После таких слов хочется писать! Иннушка, ты великий человек, тебе ведь так плохо, а ты со мной еще говоришь о поэзии!» — воскликнул в душе я, целуя почти с трепетом её лоб.

В последние месяцы Инга особенно чутко меня чувствовала, сумела помочь мне с моей детской повестью. Никак не удавалось связать в единый сюжетный узел все главки, и вот толчок — просто гениальная догадка Инги, и всё пошло, как по маслу, книжку мою даже включили в план издательства.

«Чудовище! — сжал я себе до боли кулак. — Жена умирает, а ты думаешь о стихах и повестях!.. Славы захотелось?!»

Но через несколько дней Инга стала безучастна ко всему, это было приближение того таинственного и непонятного, что почти невозможно произнести вслух... Я пытался ей читать книгу, но глаза её были холодны. Теперь она будто жила иной жизнью, жизнью неземной, а я оставался здесь, на Земле... И она уходила от меня в свои, уже неземные бездны, где всё реальное почти теряет свой обычный смысл и обретает оболочку мелкого и суетного.

«Если бы меня вдруг не стало, — думал я, глядя на Ингу, — то самое важное было бы, наверное, что написано мной, а всё остальное было бы уже малозначащим и непонятным в той неземной и даже земной жизни».

Жизнь Инги мучительно и быстро угасала на глазах. Прошло несколько дней, и она потеряла сознание. Я по инерции ещё ходил для неё за лекарствами в аптеку, которые были уже совсем не нужны. Всё это было, как в сомнамбулизме. Почему я отрешённо смотрел на то, как мать Инги снимала с неё, с умирающей, дрожащими руками серёжки... Одна серёжка не вынималась, на это было мучительно смотреть, и я хотел закричать, что ей же больно, но промолчал. Почему я молчал, я сам не мог понять. Может быть, от бессмысленности всего происходящего? Видел, как мать Инги положила медный крестик ей под подушку. Во всём этом было какое-то жуткое приуготовление. К горлу подступали слёзы, и я уходил из дома, чтобы выплакаться где-нибудь в пустынном переулке. Казалось, было легче видеть первый летящий снег, погрузиться хотя бы на миг от горя в эту непроницаемую для всего чужого тишину и бормотать почти забытое:

Да правда ли, что умереть — уснуть,

Когда вся жизнь — мираж и сновиденье,

Лишь радостью минутной тешишь грудь?

Перед смертью Инга пришла в сознание, я ушёл в другую комнату. Я уже не мог видеть, как она озирается, словно не понимая, где она, не мог видеть её агонии. С Ингой остались моя и её мать.

2

Зачем я ушёл в другую комнату от неё?! Зачем стал переодеваться во всё чистое, а у неё началась агония, и я слышал эти хрипы и стоны агонии и стоял, как парализованный, в незастёгнутой белой рубашке. А она там умирала! А я был здесь, в этой комнате. Может, мне было страшно, я просто струсил? А потом я увидел её открытые глаза, устремлённые ввысь, и обнажённое тело. Как она была изумляюще прекрасна! Она будто была ещё жива, только что-то возвышенно-неземное уже коснулось её. И если бы никого не было, я бы, наверное, сильно, сильно бы сжал Ингу в своих объятиях и содрогнулся бы в последней ласке любви к ней! И было невыносимо видеть, как материнские руки (моей и её матери) обмывают её тело! Всё это происходило как будто бы не со мной: я не мог поверить тому, что видел. Что это было: сон или тяжкий бред? И не то и не другое,

это были две стороны жизни: жизнь и смерть — бездна между жизнью и смертью. И я оказался на краю этой бездны, я вглядывался в её глубину, в её неизъяснимые, неясные скалистые уступы, в недостижимый для разума тёмный провал вечности.

А ведь многое — ложь, всё было не так человечно, как хотелось бы мне. Отчуждённость Инги, ещё до болезни, злила меня, и я не находил себе места, это было мучительно. Мне казалось, что она надо мной в душе издевается, ей нравятся эти садистские штучки — что это было: наступление разрыва или всё-таки я ошибался — и это было приближение болезни, смерти?.. И тогда я — подлый эгоист, приписывающий ей жестокость!.. Она была так добра ко мне перед смертью, к моим литературным исканиям! И всё это у неё было по-настоящему, от души!

Теперь мне было страшно даже с дочкой в пустой квартире. Ночью как будто слышались шаги в комнате, где умерла жена. И тогда я допоздна читал дочке Мольера «Мещанин во дворянстве», её любимую книгу. И Танюшка, дрожа и прижимаясь ко мне всем худеньким телом, слушала внимательно, как бы на миг забывая нашу беду, — сквозь напряжённую задумчивость улыбаясь на несусветную глупость господина Журдена. Так было легче нам обоим.

Дни шли, но боль была настолько сильна, что я и думать не хотел ни о каких делёжках денег и наследстве, всё это было до такой степени противно, что я в сердцах чуть не вышвырнул тестя за дверь. Он ушёл взбешённый и злой, а я долго стоял у двери и не мог понять, что происходит, ведь он же отец Инги, а доказывает мне какую-то чудовищную чертовщину: сейчас появятся у меня любовницы и вытянут все деньги в постели... Несчастье явно не делает иных людей умнее, скорее наоборот...

Теперь мне было понятно, куда делись золотые украшения из шкапуток после похорон, но мне было всё равно.

«Почему так, — думал я, — тебя нет и никогда уже не будет, а вещи, простые вещи: недописанное письмо, книга с заложённым листком бумаги, закатившаяся под стол таблетка лекарства — внезапно вернут тебя, и опять глаза жжёт слеза! Больше никто уже не позовёт меня, как ты. Ты ушла от нас навсегда, тихо, без жалоб и крика. Но так уходят из жизни только очень сильные люди! «Молчи, скрывайся и таи...» Помнишь «Silentium» Тютчева? (Ведь это ты мне открыла Тютчева!) Да, ты молчала, чтобы не делать нам больно, но твоё лицо... Уходя в другую комнату ненадолго от тебя, я неслышно плакал, понимая, что происходит непоправимое. Потом шёл в ванную. Умывался и с самым беспечным видом возвращался к тебе, и даже раздражался от пустяков, будто ничего не происходило. А происходила самая страшная, непоправимая беда».

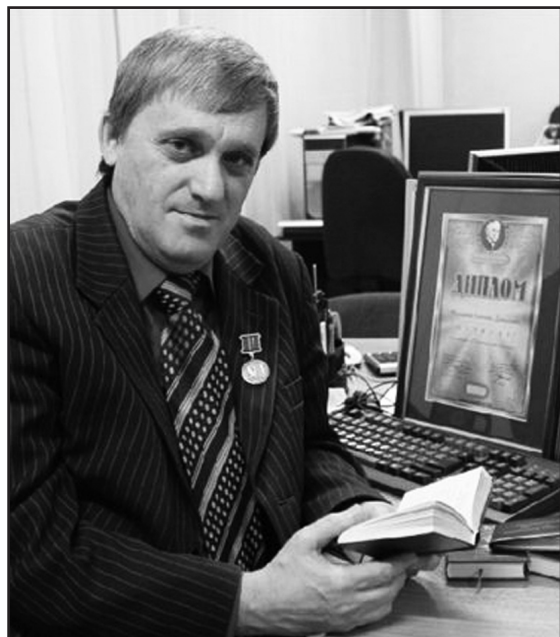
«Молчи, скрывайся и таи...» Иногда я включал телевизор, где чихвостили прежних вождей на все лады, мороз продирали по коже от их чудовищных искушений и преступлений, перестройка набирала обороты. И мы, простые люди, ещё ничего не знали о будущем, а в настоящем уже таились ростки новых дьявольских искушений. Я помню, ты всем живо интересовалась раньше, запоем мы читали «Архипелаг ГУЛАГ», но теперь я видел: тебе была тягостна вся эта суетливость вокруг архивов, всё это по сравнению с тем, что происходило с тобой, казалось чем-то страшно далёким.

Прошло немало времени с тех пор, и теперь я ловил себя на той мысли, что мне хочется замкнуться в себе. Я стал читать те книги, которые ты любила читать, и через них с тобой говорить. В этих книгах есть и твоя душа, они тоже её создавали. Разве я знал, как тебя люблю! Когда я включаю «Песню Сольвейг» Грига, мне легко и больно, я вижу тебя!.. Ты никогда больше не услышишь свою любимую мелодию. Но душа твоя слышит её — душа твоя посылает свой свет моей душе!

Я не мог поверить в то, что тебя нет, Инга! Мне всё время казалось, что ты сейчас войдёшь и я скажу: «Здравствуй!» Ведь ты не ушла от меня навсегда?!

Так думал я, но время шло и несло с собой новые испытания. Много впереди было и нештучных искушений...

Всё чаще я осознаю, что жизнь человеческая подобна какому-то фантастическому мосту над бездной, на котором искушения подстерегают на каждом шагу и тянут в эту немислимую бездну, и человек борется с этими искушениями, с бездной, чудовищем, и испытывает горечь падения, вдруг срываясь в искушения. И всё-таки он идёт по этому мосту, который называется жизнью! Иначе не быть человеку человеком в полном смысле слова, не поняв самого себя в поступках и собственной судьбе...

Евгений Фельдман

Родился в 1948 году в Омске. Окончил Омский государственный педагогический институт (факультет иностранных языков и исторический факультет) и аспирантуру при кафедре новой и новейшей истории Томского государственного университета. Поэт-переводчик. Впервые в России перевёл и подготовил для печати сборник стихов Артура Конан Дойля «Песни действия». Переводы Евгения Фельдмана вошли в трёхтомную антологию «Семь веков английской поэзии» (Москва, 2007). В издательстве «Фолио» (Украина) в переводе Е.Д. Фельдмана вышли книги: Джон Китс «Эндимион» (2008), Роберт Бернс «Былые времена» (2009), Редьярд Киплинг «Кабульский брод» и Омар Хайям «Рубаи» (2010). В 2012 г. в издательстве «Амфора» (Санкт-Петербург) вышел сборник Киплинга «Бремя Белых» (треть книги – переводы Е.Д. Фельдмана), а также авторская книга переводов Е. Д. Фельдмана из Роберта Бернса «Джон Ячменное Зерно». Член Союза российских писателей, член Союза переводчиков России. Лауреат Бунинской премии в номинации «Поэтический перевод» (2010).

Роберт Льюис Стивенсон (1850-1895)

МОЯ ТЕНЬ

Бежит за мной — то тут, то там, —
 повсюду маленькая тень,
И ей за мною по пятам
 повсюду следовать не лень.
Она похожа на меня,
 совсем как братик мой родной.
С разбега прыгаю в кровать,
 а тень — ага! — передо мной.

Я удивляюсь каждый день
 тому, как тень моя растёт.
Я очень медленно расту —
 чуть-чуть — вот столько —
каждый год.
А тень-то мигом подрастёт,
 высокой станет, как сосна,
То станет маленькой совсем —
 почти невидимой — она.

Не может маленькая тень
 играть, как наша ребятня:
Ей нравится на все лады
 лишь передразнивать меня.
Она трусиха, тень моя,
 трусиха, честно вам скажу,
И льнёт ко мне, идёт за мной,
 как я за няней не хожу.

Проснувшись утром как-то раз,
 я тут же встал, протёр глаза.
Ещё и солнце не взошло,
 сверкала в лютиках роса.
А тень-ленивица постель
 никак покинуть не могла,
И не хотела выйти в сад —
 и всё спала, спала, спала...

Роберт Льюис Стивенсон (1850-1895)

ГОРОДОК ИЗ КУБИКОВ

Кубик на кубик, — а что же потом?
Выстрою крепость и выстрою дом.
Дождь на дворе и весь город промок.
Дома я выстрою свой городок.

Станет горою высокий диван.
Мягкий ковёр — голубой океан.
Гавань — в углу; заплывают сюда,
Вдоволь по морю поплавав, суда.

Маленькой башней дворец увенчал.
Краше дворца я ещё не встречал!
Вниз по ступенькам к причалу бегу,
Вслед кораблям я машу на бегу.

Эти уплыли, а те пристают.
Слышу, как песни матросы поют.
Вижу, король к ним пожаловал сам
И леденцы подарил храбрецам.

Всякой игре наступает конец.
Крепость я рушу, дома и дворец.
Но неужели исчез без следа
Мой городок — навсегда-навсегда?

Нет, не исчез, но остался во мне.
Вижу его наяву и во сне.
Где бы я ни был, — он в сердце моём,
Мой городок на ковре голубом!

Андрей Козырев

Живет и работает в г.Омске. Автор поэтических сборников «Небо над городом» (2008 г.), «Мелодия для луны с оркестром» (2009 г.), «Терпенье корней» (2010 г.). Имеет поэтические публикации в журнале «День и Ночь» (Красноярск), «Голоса Сибири» (Кемерово), альманахах «Складчина» (Омск), «Мой любимый город» (Москва), «Загадки души» (Рязань), «Тарские ворота» (Омск), омских журналах «Пилигрим», «Омская Муза», «Виктория», «Иртыш-Омь», газетах «Омский университет», «Литературный Дом», «Пульс». Главный редактор академического литературно-художественного альманаха «Точка зрения». Руководитель литературной студии «Магнит». Руководитель омского Литературного клуба- кафе «Менестрель». Лауреат областной литературной премии им. Ф.М.Достоевского (2009 г.). Лауреат областного конкурса им. П.Васильева (2009 г.). Призёр городского поэтического конкурса «Омские мотивы» (2009 г.). Двукратный лауреат литературного фестиваля «Откровение» (2006 и 2008 г.) Лауреат всероссийского конкурса «Юность. Наука. Культура» в г. Обнинске (2003 г.)

Задворки детства

Задворки детства.
Знаешь, это просто —
Вернуться в детство бабочкой,
цветком...
Там нет ни боли,
ни боязни роста.
И жизнь идёт по лужам босиком.
Захламлен двор.
Под небом белым-белым
развешено бельё. Котёнок спит.
Арбузной коркой детство
захрустело,
арбузной коркой радуга стоит.
А из окна отец всё кличет сына...
И ты бежишь к нему. И дни тихи...
А белый лист бумаги выгнул
спину
И знает, что вот-вот пойдут стихи.

Земляничная поляна

Мне было от рожденья восемь лет,
Когда большими детскими глазами
Я видел яркий, золотистый свет,
Зелёный луг, украшенный цветами,
Шмелей, лесные травы без конца,
Цвет красных ягод, солнечные блики,
Улыбку мамы, ясный взгляд отца
И ощущал вкус алой земляники...
Я шёл с отцом по узкой тропке вдаль...
Но незаметно пролетели годы,
И взрослой жизни опыт и печаль
Меня отгородили от природы.
Воспоминанья навевают грусть,
Но в сердце всё же теплится надежда:
Когда-нибудь я в детство вновь вернусь
И буду чист и радостен, как прежде...
Я вспоминаю золотистый свет,
Вкус земляники — и невольно плачу...
А на поляне светлых детских лет
Какой-то «новый русский» строит дачу.

Голоса вещей

Вчера я видел сон,
возможно, вещей.
Я задремал за письменным
столом,
И мне приснилось,
что простые вещи
Беседуют не языке своём.
Расставшись на блестящем
циферблате,
две стрелки на часах
тоскуют врозь
и шепчут: «мы ни в чём
не виноваты,
но разошлись надолго
и всерьёз».

И зеркало, ослепшее от пыли,
направив в пустоту
незрячий взгляд,
вдыхает тихо: «Обо мне забыли!
Куда мои хозяева глядят?»
А карандаш — моей руки опора,
Надёжная, как посох, — говорит:
«Устал я от трудов твоих
и споров!
Скажи, когда мне отдых
предстоит?»

Магнитофон кассетой подавился
И что-то неразборчиво мычит...
Какой мне странный сон
вчера приснился!
Кто мне его сегодня объяснит?
Казалось вещи смотрят
с укоризной,
Тяжёлую испытывая грусть...
Пусть всё смешалось на столе,
как в жизни —
Исправить беспорядок я ленюсь!

* * *

Я нашел себе труд — этот город
Изучать, как словарь незнакомый,
Погружаясь в глубокие споры
У дверей мирно спящего дома.

Алфавита дорожного строй,
Фразы улиц, домов запятые,
Многоточие после России —
И пробел между мной и землей...

Кто живет здесь? Не знает сосед...
Отчуждение выжгло до донца
Всем сердца лишь за несколько лет
В этой третьей квартире от Солнца!

Бомж

Дыша невыносимым перегаром,
Он на помойке роется в поту,
Чтоб отыскать среди битой стеклотары
Разбитую прекрасную мечту.

Казалось, жизнь еще не начиналась,
И много было в сердце свежих сил...
Но, потеряв раскаянье и жалость,
Он сердце, как котенка, утопил.

Как лампочка, душа перегорела —
Таков был чувств безудержных накал!
И раскрошилась мысль кусками мела —
Он ими в детстве небо рисовал.

Пропахли мысли городской гарью...
Обычный бомж, обиженный судьбой,
«Имеет право» быть «дрожащей тварью»,
Но не имеет права быть собой.

А жизнь проходит глухо, безрассудно,
И для него в земном теченье дней
Быть и не быть одновременно —
трудно...

Но выбрать «быть»
во много раз трудней.

Санкт-Петербург

Екатерина Асмус

Родилась в Санкт-Петербурге, 11.10.1967 года. До 4 лет жила с родителями в Африке (Хартум) и Европе (Лондон, Париж). Образование высшее – художник – модельер. С 2000 года основная работа в кинопроизводстве. Профессии: художник-постановщик, автор-исполнитель, журналист, писатель, сценарист. Публикации: в многочисленных альманахах, сборниках и журналах. Написан и проиллюстрирован рисунками автора роман «Рок».

Аскольд Семёнович

Любимая математичка Аллочка уходила в декрет. Седьмой класс как-то не верил, что учительница, бывшая с ними на протяжении целых трех лет неразлучно, вдруг куда-то уйдет. Ощущение, что Аллочка принадлежит еще кому-то, возмущало детские души. Но растущий животик симпатичной молодой учительницы утверждал обратное. И вот, однажды она исчезла бесследно. Наступили безмятежные дни безделья. Замены не было месяца три. Но как-то раз, ярким весенним утром в классе возник он. Высокий, прямой. С длиннющей седой бородой, белой лохматой головой, в крошечных круглых очках, помещающихся на кончике унылого носа так, что крошечные серенькие глазки с прищуром смотрели поверх оправы. Немыслимые мешковатые серые хлопчатые штаны, какая-то нелепая рубаха, допотопные сандалеты на босу ногу... Он был похож на картинку из учебника, где изображались самые неимущие слои населения послевоенного периода. Но уж никаким образом не на учителя. С нашей, тринадцатилетней точки зрения, лет ему было примерно сто! На доске огрызком мела он накарябал «Аскольд Семёнович». Класс вымер. Даже хихикать не стали, настолько это было все нелепо и никак не вязалось с настоящим временем. А между тем, учитель математики Аскольд Семёнович оказался весел как птичка. Он не задавал заданий. Он не объяснял материал. Он редко кого-то вызывал к доске. А все классное время проводил в длиннейших разглагольствованиях на самые разные темы. Монолог этот проходил под мерное жужжание сорока двух детских голосов, потихоньку обсуждавших свои дела. И вновь наступили безмятежные дни безделья. Средняя школа валяла дурака, математики как бы и не было. Старшие классы, как выяснилось, тоже не утруждались этим предметом. Аскольд Семёнович лихо загибал анекдотики на уроках, обращаясь преимущественно к хорошеньким старшеклассникам. Причем, анекдотики были рискованные, на грани, так сказать, приличествующих в школьных стенах. Гром грянул внезапно. Под конец года началась зачетная неделя. Аскольд Семёнович радостно, по-детски улыбаясь, выставил тридцать двоек и двенадцать «трояков» особо старательным зубрилкам,

которые, как выяснилось, все же умудрялись самостоятельно заниматься. Настроения ему это не испортило нисколько. Под возмущенные крики и слезы бездельников он выплыл из класса ровно по звонку, секунда в секунду. Привычки задерживаться для выдачи домашнего задания у него не было. Известно, что было бы, если бы сплетня о двойках по математике у половины старших школьников, долетела бы до РОНО. Но, к счастью, внезапно в ситуацию вмешался директор, испугавшись глобальной порчи общих показателей школы. Какое объяснение произошло в директорском кабинете – неизвестно. А известно лишь то, что на следующий день, поутру Аскольд Семёнович вплыл в класс с неизменной радостной и детской улыбкой на заросшем седой бородой лице и сообщил, что все двоечники получают тройки «авансом». А пересдача назначена после летних каникул. Ну, а в следующем году я уже была в другой школе. Что забавно – в математическую.

И вот, на зимней заснеженной трамвайной остановке стоит – он! Без малого - тридцать лет прошло! Высокий и прямой! Длиннющая седая борода реет по ветру, белые волосы разлохмачены... В крошечных прямоугольных очках, помещающихся на кончике унылого носа так, что крошечные серенькие глазки с прищуром смотрят поверх оправы. Немыслимые мешковатые серые хлопчатые штаны, какая-то нелепая куртка, боты «прощай молодость»... Впервые я увидела его жену – крошечную, согбенную от прожитых лет и болезней, в очках с огромнейшими линзами, в безнадежно старомодном пальто. Они стояли, на фоне серой небесной дымки, как скульптурное изваяние, держась за руки, абсолютно неподвижно и спокойно. Он возвышался над ее сгорбленной фигуркой, будто столп каких-то мифических устоев вымышленной страны. Казалось, они парили вне времени и пространства, словно пришельцы из иного измерения, случайно проявившиеся в это время на этом месте. Мне нестерпимо захотелось подойти. Подойти и спросить. Но я не двинулась с места. Потом - вошла в другую дверь подошедшего трамвая.

Спросить.... «Ну, а вы-то, почему не уехали????»

Надежда Ораевская

Поэт. Автор пяти сборников стихов и четырех лазерных дисков (лирические и духовные музыкально-поэтические композиции и стихи для детей в авторском исполнении). Актриса музыкального театра «Татьянин день».

Уедем к Лужским берегам

Давай уедем к
лужским берегам,
Где в
медоносах жёлтых деревеньки,
Где тишь
степенно бродит по лугам,
Грустят
купален влажные ступеньки.

Там, в Луге,
шоколадная вода,
Там аисты
нарушили границу,
И мы с тобой
запомним навсегда
Спокойную,
непуганую птицу.

И вальс
ультрамариновых стрекоз
Мы будем
наблюдать с тобой украдкой.
Ночь белая,
белее белых роз,
Зависнет над
оранжевой палаткой.

Уедем, друг,
за тридевять земель:
Нас очарует
солнечная смальта,
Нам головы
закружит сладкий хмель
Вдали от
раскаленного асфальта.

Над лилией
звнящее весло
Задержится,
опустится на воду.
А город наш
сегодня замело
Июньским
пухом.
Едем на природу.

Туман в городе

Все
фантастично, все на грани...
Домов, дворцов,
монастырей
Размыты
контуры в тумане.
Лишь звезды
желтых фонарей
Горят
рассеянно, не ярко.
В застывшем
городе кружу...
Давно
знакомая мне арка
Сейчас
подобна миражу.
Пейзаж
расплывчатый и бледный.
Туман, как
белая канва:
Еще не вышита
Нева,
Еще не вышит
Всадник Медный.

* * *

А в сосну влюблен шиповник.
Он приземистый, он — скромник.
Ей с огромной высоты
Не видны его цветы.

И тогда траву и камни
Покрывает лепестками
Куст, поблекший и унылый...
А трава вздыхает: «Милый».

Несмышленная юность

Подаете ты ему полотенце...
Полудетская линия рта —
Ты наивна, как лепет младенца,
И сама, как ребенок, чиста.

Растопила суровые льдины —
На груди его шелковый лен.
А мужчина не прячет седины —
В несмышленную юность влюблен.

Он забыл о жене и о внуке,
Что девчонке по возрасту брат.
Как тонки ее белые руки.
Старый мачо неистово рад:

Вот удача! И ночью безлунной
Шепчет в нежное ушко слова.
И крадется за девушкой юной
Любопытная кошка-молва.

Любовный четырехугольник

Их свадьба прошла чудесно,
Как в старом немом кино.
Не скучно вдвоем, не тесно,
И оба довольны... но!
Он думал о той, далекой,
Красивой, что страстью жгла.
И память о кареокой
Под сердцем его жила.

Он ел на обед котлеты
И пил перед сном кефир,
В трамвае читал газеты —
Статьи про войну и мир.
Супругу звал мило: З а я.
Но все-таки раз в году
В Крыму отрывался, зная,
Что будет гореть в аду.

.....
Муж — с юга.
В сметане рыбку
Жена подает бойчей
И прячет в ладонь улыбку —
След грешных семи ночей.

* * *

И чай остыл, и в комнате темно.
Как тень, брожу, не замечая сора.
Все поправимо: вымою окно,
Оставит нас непрощенная ссора.

Кто виноват? Давай допустим: я.
Ты станешь убеждать меня в
обратном —
И правота безгрешная моя
В тот вечер утвердится троекратно.

Прошу тебя, и ты меня простишь —
Так просто разрешить вопрос
вселенский.
Нарушат ссоры тягостную тишь
Два голоса любви: мужской
и женский.

Наталья Трескина

Родилась в Ленинграде. Живу в Санкт-Петербурге. Образование - филфак. Стихи пишу всю жизнь. Участвовала и побеждала во многих поэтических конкурсах и фестивалях. Член жюри международного конкурса «Серебряный стрелец-2008». Опубликовано в различных поэтических сборниках и альманахах: «Квадрига Аполлона», «Серебряный стрелец», «Многоotchие», «Параллели судеб», «Под небом единым» и пр. Автор книги стихов «По ходу жизни» и поэтического аудиодиска «Диалоги о...»

Белить холсты...

Кудель времён свивая в нить судьбы,
на кросна дней натягивая туго,
порой не отличить от сказки быть,
зерно от плевел и врага от друга.

Что соткано - уже не расплетёшь,
ошибок не разгладишь узелочки...
...Белить холсты несёшь весной
под дождь,
под искры капель на набухших почках.

И как спросонья, залпом, ошалев,
глотишь весну, закашлявшись в вдохе,
и оглянувшись, не узнаешь вех
тобой прожитой маленькой эпохи.

...В грязь полотно беспечно уронив,
сквозь даль глядишь -
не можешь наглядеться
в глаза фиалок, спрятавших в тени
наивный взор вернувшегося детства...

Смех улитки

Вы видели смех улитки?
Не считите, что я безумствую...
Острый излом улыбки,
Помноженный на предчувствие,

Поделённый на пережитое,
На смысл, из века вырванный...
Церковной свече с софитами
Даже смешно конкурировать...

Черты в морщины состарены
Язвительными улыбками,
И след на пути - испарина,
Избыток опыта липкого.

Из хрупкой ракушки знания
Вдруг высунется под солнце...
Всё понимает заранее,
И всё же она смеётся.

Марк Шагал

А Марк - Шагал. Шли многие, а он
Шагал себе от Витебска до неба,
Упорный, словно подъяремный зебу,
Распахивая залежи времён

И вызывая к жизни красоту
Своею дерзкой солнечною кистью,
Раскрашивая контур старых истин,
Почти что век бессменно на посту.

Ему любой бесцветен мадригал,
Ничтожно слово перед силой света.
...Влюблённые летели над планетой,
Шли многие, и только Марк - Шагал.

Гениям

Быть гением - тоже работа,
Тяжёлый физический труд,
И неба края не до пота,
До рёбер всю спину сотрут.

Седины - белёсыми мхами,
Зыбучим барханом - судьба,
И струны души набухают
Синюшою веной у лба.

И сердце упрямо не хочет
В кургузом ютиться мирке -
Масонский пароль одиночества
Начерчен ножом на руке.

Заплёван толпой и загажен
Весь путь до Голгофы со дна,
И хочется бросить поклажу,
Которая свыше дана.

Дурочка

Антракт. Буфет. Дежурный бутерброд:
Икра, лимон и розочка из масла.
... А в тёмном зале верхняя из нот
За пыльным занавесом не угасла.

Ей не принять условности ролей
И наплевать на волю дирижёра -
Она пьяна правдивостью своей,
Не чувствуя, что выпала из хора.

Ты, дурочка, кому поёшь назло?
Кому на радость пронизала тени?
Каких Софоклов древнее стило
Могло предугадать твоё явленье?

Как в истину, уверовала в штамп?
Да он мышами за века изъеден!
И знаешь, опоздавший Мандельштам
Не потревожит чопорных соседей.

Но дурочка не слышит и - поёт,
На цыпочках, как будто подрастая,
В молчании благопристойных нот,
Безумная и чуточку святая.

Не слышит призывающий звонок,
Не соблюдая длительность звучанья,
Не слышит шума сотен громких ног,
Шуршанья платьев, движимых плечами.

Она поёт! - За что её казнить?
Сшивая ложь пронзительной иглой,
Продёргивает откровенья нить...
Ты, дурочка, тебе пора умолкнуть!

Ломать привычки

Ломать привычки - смертоносный труд,
Но эта смерть - попытка обновления.
Так по весне подснежное томленье
Схороненной земле тревожит грудь
И вызывает к жизни соки трав,
Заваренные в тигле одолений.
Через стотонные сугробы лени
Растёт победно кодекс новых прав,
Где первым пунктом - право быть собой,
А стало быть, - потребность изменяться,
Ища в калейдоскопе вариаций
Лишь малый шаг, но непременно свой,
К разгадке тайн "китайского ларца",
Не стоящего обгорелой спички.
И радостней труда ломать привычки
Сознание, что у жизни нет конца.

Юлия Андреева

Поэт, писатель, член союза писателей
г. Санкт-Петербурга.

Песня

— Когда придет он, — пел голос, давно ушедшей бабушки. — Отдай ему все.

Песенка осталась в воздухе, вошла в меня с дыханием, побежала по телу и затихла на время в тайниках сердца.

И когда пришел ОН, девочка отдала свое не знание и удивление. И долго еще над головой кружили разноцветные острова.

И ОН пришел снова и девушка отдала ему свои ожидания и грезы, свою любовь. Крылья удивительной птицы стерли их изображения.

А потом в школе, где многие и разные размещались кругами, колдунья с глазами-безднами держала мир, и пришел ОН.

— Что мне отдать тебе странник?

— Отдай ему все! — прозвучал голос.

И женщина кинула на ветер корзину собранных даров и полетела.

И она не стала ни красивее, ни умнее. Только ветер, летящие острова и сильные крылья знали ее.

Он зажег спичку

Он зажег спичку и уставился на маленькое пламя. Когда оно уже вот-вот должно было исчезнуть, человек разорвал пачку сигарет и подставил ее огню. Медленно и осторожно светлячок лизнул пачку — раз, другой и перелез со спички на картон и стал чуть-чуть больше. Теперь человек уже мог согреть руки.

Потом огню были преданы носовой платок, телефонная книжка, пачка проездных талонов. Пламя становилось все сильнее. А человек так обрадовался этому живому существу, что вскоре бросил в огонь теплую шубу и сапоги, рубашку и брюки, огонь становился все неистовее и вскоре совсем притиснул человека к стене. И тогда тот отдал огню свои руки и ноги, глаза и волосы и стал никем.

Огонь подобрал валяющееся на полу тело, одел его на себя, и стал человеком.

С минуту я смотрела вслед уходящему пламени, а куда ушел «никто», я не видела.

Да и был ли он вообще... этот «никто»?

Лилия любви

Я держал ее на руках и удивлялся — какая маленькая. И откуда в ней столько всего: историй, песен, птиц, кошек и бабочек.

Ты была такая хрупкая, будто драгоценная ваза, доверенная мне по ошибке и я страшно боялся, что ты упадешь или будешь похищена негодяями.

К полуночи часть тебя со звоном разлетелась стеклянными шариками с певучими колокольчиками внутри, и я не успел поймать ни одного. Лишенная стекла составляющего твою обычную оболочку ты стала цветком белой, тонкой лилии, в лунном свете покоившейся в моих ладонях, чтобы на рассвете обратиться легким туманом и улететь навсегда.

Я хотел вдохнуть тебя, чтобы оставить в себе, но споткнулся о хрустальных колокольчик.

Ты улетаала все выше и выше, пока я не потерял тебя среди облаков.

В лес!..

На платформе холодный ветер продувает так, что аш внутри все обледеневаает. Душу портит проклятый, а ей много ли надо — душе то?

Пути занесены. Надо идти в лес. В лесу снег.

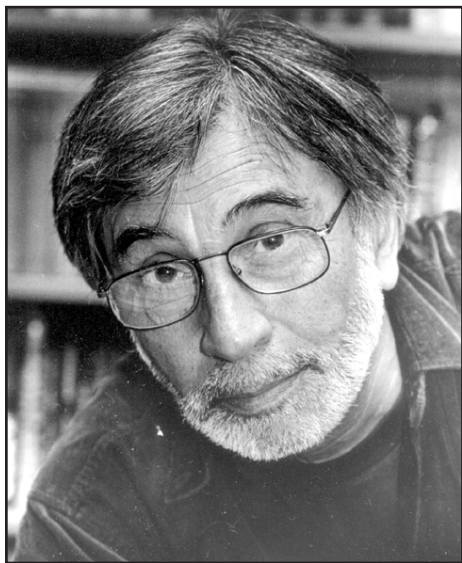
Лечь на белую, пушистую шубку, или острую, ледяную корку. Бог знает, что там — в лесу еще ждет. Ждет, дожидается. И кого — тонкое, нежное существо. На каблучках. Все лицо в блестках, тюль, бабочки, накладные ресницы...

Лето прошло, пропело, отлетело неблагодарное в дальний край, в жаркие страны. Мало с ним — с летом этим, что ли шампанского выпито, мало пере-целовано...

А теперь зима, и бедным озябшим стрекозам следует искать жлобяр муравьев, пьяных финнов из гостиницы, откуда только что еле сбежала, немцев... Хотя кого — лишь бы не одной, только бы не эта боль в пальцах, не этот ветер. И еще слезы от обиды и упрямства. Слезы... Ведь понятно же — что нужно возвра-щаться — хоть под швейцара — лишь бы в тепло. Так жизнь велит. Высший смысл, чтоб его, практицизм. Как не крути, а такое платье, такие крылышки и каблучки не для ночной платформы, не для зимы, не для леса. Это там — в диких джунглях беглянка выживет у ручья в тени добрых, дароносных деревьев... В Мексике подле кактуса Царица Ночи. А тут...

Она снова заплакала и размазывая замерзающие на лице слезы и проваливаясь по колено в снегу поплелась в лес.

США

Юрий Бердан

Живет в Нью-Йорке. Автор трех книг художественной прозы и четырех сборников стихов. Призер и лауреат нескольких национальных и международных литературных конкурсов. Публикации в периодической прессе, «толстых» и «тонких» журналах, альманахах в России, Украине, Израиле, Германии, Австрии, Англии, США.

Зависть

Друг ходит в церковь, папа - в синагогу...
А мне не очень с этим повезло:
Не верю я ни в дьявола, ни в бога,
Ни в рай, ни в ад и даже в НЛО.

Не стану на колени в уголочке -
От вечности не жду я ни шиша...
В заштопанной врачами оболочке
Погаснет навсегда моя душа.

И будет вновь апрель - на ветках завязъ,
Глаз, слов и звезд шальная круговерть...
Всю жизнь мою меня терзает зависть
Ко всем, кто уходя, не верит в смерть.

* * *

Все, что сберечь когда-то не смогли мы,
Пошло по миру, по чужим рукам...
Разбросаны родимые могилы
По разным странам и материкам.

И, переживший войны и цунами,
Пойму, над серым камнем наклонясь,
Что - никого меж вечностью и нами,
Когда уходят матери от нас.

* * *

Ушла любовь. А мне ее не жалко.
Да что любовь! Теперь иной отсчет.
Уходит все! Ни холодно, ни жарко!
Сто раз умру - не попрошу: еще!

Мол, извини: не спелось, не успелось -
Сын не родился, не достроен дом...
Не попрошу! Сожму до хруста челюсть.
Что есть, то есть. Спасибо и на том.

Еще волнует женская походка,
И тело помнит губ последних вкус.
Уходит все... Ну что ж, проводим: водка,
Грибы, селедка. В общем, а ля русс!

Глядит луна бесстрастно, словно кошка,
И как века, над ночью облака...
Ушла любовь - и скатертью дорожка!
Уходит все! И наплевать! Пока...

Еще под кленом у литой ограды
Я жду ее в мерцанье фонарей...
Еще играет музыка с эстрады
В июньском парке юности моей.

Еще не встали с той скамейки в парке,
Не разошлись в безвестные края
Любовь моя - девчонка в желтой майке,
И рыжий мальчик - молодость моя.

Цирк

День июньский плыл к закату
Через тучи, напролом.
Шла девчонка по канату
В детстве радостном моем.

Летний вечер, желтый купол,
Акробаты, клоун, слон...
У меня полнейший ступор -
Я четвертый раз влюблен.

Я влюблен в канат и бантик,
В прядь на лбу, в кульбит, в петлю.
Марь Петровну и двух Катек -
Больше их я не люблю.

Я сижу-гляжу по блату:
Тетя Вера - билетер.
Нет девчонки на канате,
Что-то белое на мате,
Мой сосед зашелся в мате
И рубахой пот утер.

Унесли в проход носилки...
Хоть канючит внука: «Дед!»
С той поры, полсотни лет
Я ни разу не был в цирке...
Я уж лучше - на балет.

* * *

Про любовь с эстрады пел маэстро,
Рядом кресла. Профиль леди Ди...
Знал бы, на всю жизнь бы насмотрелся
На лицо и линию груди.

В черном чане знойный плов варился,
Май плескался в розовом вине...
Знал бы, на всю жизнь наговорился
Под густой чинарой в чайхане.

Буруны белели в темпе вальса,
Вечер камнем падал на корму...
Знал бы, на всю жизнь нацеловался
На исходе августа в Крыму...

Татьяна Янковская

Родилась в Ленинграде, окончила химический факультет ЛГУ. С 1981 года живу в США, работала в университетах и частных компаниях, заведовала лабораторией в корпорации Honeywell. Литературной деятельностью занимаюсь с 1990 года. Статьи и проза публиковались в России, США, Франции и Израиле в «Литературной газете», в журналах «Нева», «Слово/Word», «Континент» (Париж), «Зинзивер», «Вестник», «Чайка», «Время искать» и других, в русскоязычной периодике («Панорама», «Новое русское слово», «Форвертс», «Секрет», «Русский базар» и др.), в альманахах «Свой вариант», «ЛитЭра», альманахе Клуба писателей Нью-Йорка. Лауреат нескольких международных литературных конкурсов. Автор книг «М&М. Роман в историях» («Э.РА-Летний сад», 2009 г.) и «Детство и отрочество в Гиперборейске, или В поисках утраченного пространства и времени» («Время», 2012 г.). Публикатор сборника поэзии барда Кати Яровой (1957-1992 г.) и продюсер избранного ее песен на трех дисках. Член организации русских литераторов Америки ОРПИТА.

Помощь водолея

Не зря говорят – за помощью идут к Водолею. Вот и президенты в трудные годы часто бывают Водолеи – у нас Ельцин, у американцев Линкольн, Вашингтон, Рейган... А я сама Водолей. И вот отдыхали мы как-то с сыном в доме отдыха в Гаграх, он тогда в 10-й класс перешел. Там такие домики в лесу, и у нас был свой домик, чистенький, симпатичный. По вечерам все ходили на танцы. Туда надо было по лестнице подниматься, сначала до небольшой полянки, а потом дальше по ступенькам до танцплощадки. Местные тоже туда приходили танцевать. А у нас среди отдыхающих были молодые пары из Петербурга, и вот они танцуют, вечер теплый, звезды, музыка, днем накупались, на солнце нажарились – ну и кровь играет, голову кружит, и вот смотрю – мужчины партнерш своих крепче прижимают, руки по спинам вниз поползли, один шею целует, другой в ухо дует. И вдруг меня как будто током ударило, беспокойно так стало, и я решила, что пора нам с Леной уходить. Лестницы уже фонарями были освещены, а на полянке между ними темно, и было мне страшно, как будто за деревьями кто-то прячется.

Пошли мы, умылись – там надо было лесом идти к туалетам и душевым, тоже чистенько все было, хорошо. Леня лег спать, а я решила почитать перед сном. И вдруг в дверь стучат, настойчиво так. Я открываю – а там несколько пар наших, мужчины в крови, женщины плачут: «Помогите, нет у вас йода, бинтов? Что нам теперь делать?» Оказывается, их избили. Когда они спустились по первой лестнице на полянку, их там подкарауливали местные, и стали мужчин избивать. Женщины в крик, все пустились бежать, еле ноги унесли. Вынесла я свою аптечку – у меня все, что надо, всегда с собой – воду, полотенца, и стала им ссадины обрабатывать, а тут из леса выходит парень из местных, подходит к нашему одному и начинает задирается. Тот завелся, и вот, слышу, идет разговор на повышенных тонах, вот-вот в драку кинутся. Наш уже местного за

грудки схватил. А у меня молнией в голове: «Ведь он же не один. Его вперед послали как провокатора, а если наши бить его начнут, дружки ему на подмогу придут, наверно, уже подготовились получше, вооружились». Я бросаюсь к ним, втиснулась между ними: «Да погодите вы, ребята!» А местному говорю: «Слушай, как тебя зовут?» И все засмеялись, так это было нелепо: они тут друг друга убивать собрались, и вдруг между ними влезла какая-то интеллигентная в очках и в ночной рубашке и хочет познакомиться. Местный тоже засмеялся, его Николаем звали. И я чувствую, как градусы в атмосфере пошли на убыль.

- Что случилось, Коля? Что они вам сделали?

- А че они тут понаехали с проститутками, бардак нам на танцах устроили! Там ведь и наши девушки тоже, мы здесь к такому не привыкли.

- Что ты, Коля, какие проститутки? Они же все со своими женами танцевали! Ну, молодые, на отдыхе, немножко забылись, бывает.

Не думал никто, что другим это может не понравиться. Иди домой и друзьям своим объясни, что это женатые люди, никого обидеть не хотели. И уж теперь все будут знать, что у вас на танцах свои правила, и надо их уважать.

Он ушел, а потом и наши разошлись. Не успела я успокоиться, снова стук в дверь. Человек пять молодых женщин просят: «Пойдемте с нами в туалет, а то мы боимся». Пошли мы к туалетам, а темень такая, хоть глаз выколи. И снова что-то мне подсказало, что не надо туда ходить, присели мы в лесу. А утром в душевых и в туалетах обнаружили багры с крючьями и мотыги – это местные припасли, чтобы наших бить, и, видно, сидели там, сигнала дожидались. Вот так! Судьба нас всех ведет, кого надо – охраняет. А не постучись они ко мне тогда, все могло бы плохо кончиться.

Наталья Гордеева

Родилась в г. Душанбе. Печатается в интернет-изданиях. Выпустила книгу стихов. Живёт в штате New Jersey (USA). Работает в сфере высоких технологий. Увлекается созданием украшений с полудрагоценными и поделочными камнями. Является художественным редактором международных изданий «ПИ 1» и «И» город Санкт - Петербург, «Интеллигент» город Москва, «Интеллигент» США.

Кокопелли

В тот миг когда с небес срывались звёзды
со стен каньона поднимались тени
они кроили сны мои и грёзы
сознание опуская на колени.

“Кто будет танцевать, ко мне идите,
покиньте лоно тёплой колыбели
гоните из пустыни ночь, гоните”
кричал и прыгал дерзкий Кокопелли*

Рассыпался мой сон на междометья,
на локоны, на перья от подушек
под звуки флейты брызгали столетья
мельчайшими созвездьями веснушек .

“Кто будет прыгать по камням, спешите,
оставьте свои тёплые постели -
гоните из пустыни ночь, гоните”
смеялся и резвился Кокопелли.

Во сне он отрывает от картины
что я рисую ночью вновь и снова
какие вы жестокие, мужчины
как будто бы от мира вы иного...

“Кто будет рисовать из звёзд полотна
скорей, пока они не догорели
глаза закройте, растворите окна
манил и звал безумный Кокопелли.

Рассвет был близок и уже стихали
зовущие с собою флейты звуки,
а по каньону тени вниз сползали
и к солнцу в небо простирали руки.

“Кто крепко спит, тот верит в небылицы”...
остатком сна слова ещё звенели ,
лишь сон и явь разрезали ресницы
как на скале вдруг замер Кокопелли.

Arrivederci

Нам не дойти, но я не из тех кто сдаётся
Ночью на гафеле флаг Сомали взметнётся
Вспомни меня осадком последней встречи,
Мой флот покидает гавань, arrivederci
Курс на пустой горизонт там вольному воля
Днищем хочу вспороть это море ночное,
Влиться в него и слиться, чтоб раствориться
Лишь бы забыться и лишь бы снова родиться
Бризом ночным родиться, белой чайкой
В чьей-то чужой наугад жизни случайной
Новой музой чьих-то бредовых амбиций
В муках ночного моря ПРОСТО родиться.
Разницы нет тому кто сегодня бессмертен
Чьих парусов никогда не касается ветер,
Тем кто свободнее дышит после заката,
Ищет потерянный смысл в звуках набата.
Разницы нет, но я не из тех кто сдаётся
Море сегодня мною опять поперхнётся
Выбросит душу назад словно монетку
Родинкой новой оставит мне черную метку.

Разлом

Мне сегодня не хватит крестов
На которых меня бы распяли
Я сжигаю опоры мостов,
Что ведут к берегам печали.
На разломе времён в поздний час
Я судьбу ни о чем не просила
Моя боль - только мой Алькатрас,
Я сама в ней себя заточила.
Только слёзы больше не в моде,
Да и слякоть в душе достала -
Моя осень давно на исходе,
Время новых иллюзий настало.
Время пепла и дыма с ментолом
В композиции хриплого вздоха.
Моего полоумия нового
очередная грядёт эпоха.

*Кокопелли — одно из божеств плодородия, обычно изображаемое в виде сгорбленного игроуна на флейте. Он почитается многими Коренными Американскими племенами в Юго-Восточной части Соединённых Штатов.

Зиновий Коровин

Родился в Киеве. В США – с 1979 г. Стихи и проза публиковались в различных изданиях. С апреля 2011 г. участвует в сайте *stihi.ru*. Автор трёх поэм. Публиковался и в англоязычных сборниках: “The International Who is Who in Poetry”, 2004 г.; “Songs of Honour”, 2006 г. С 2006 г. – постоянный автор международного англоязычного журнала “Poems of the World”. Лауреат 12-го конкурса Международного Общества Пушкинистов в 2002 г. В декабре 2007 г. – 1-е место на 17-м Международном конкурсе поэзии “Пушкинская лира”. Член редколлегий ряда периодических изданий. Член клуба Поэтов Нью-Йорка с 2004 г., с 2008 г. – его вице-президент, а с января 2011г. – президент. Member of International Society of Poets (В 2005 г. награждён кубком и медалью “For Outstanding Achievement in Poetry”). Член американского ПЕН-клуба и Academy of American Poets. Живёт в Рокавей, Нью-Джерси.

Осеннее настроение

Осень.
Надвигается осень,
навевая угрюмые сны.
Носим,
в сердце лето мы носим,
позабыв первозданность весны.

Грустно.
Всё понятно, но грустно
по причине невидно-любой.
Пусто.
Оглушающе пусто,
будто мы разбежались с тобой.

Холод.
Предсказуемый холод.
И не скажешь ему: погоди.
Молод...
Если даже ты молод –
не уверен, что всё впереди.

Темень.
Вот и ранняя темень.
Охладевшее солнце ушло...
Теми,
жив я мыслями теми,
что с тобой мне тепло и светло!

Проклятые деньги

Деньги, проклятые деньги,
как изменили вы мир!
Были когда-то тверденьки
в городе и в деревеньке,
ныне – жестокий вампир.
Были задуманы мерой
мены овец, лошадей.
Стали вы богом и верой,
сферой, аферой, карьерой
сонма бесчестных людей.
Стали вы мерой обмана,

целенаправленной лжи,
сутью большого кармана,
прибылью телеэкрана,
вами живут грабежи.
С вами жиреют откаты,
правят людьми брехуны.
Вами грохочут раскаты,
рвутся ракеты, гранаты
непреходящей войны.
Люди найдут вам замену
в мире неразберих,
вас пригвоздят за измену,
раньше подвергнут вас тлену,
чем похороните их.

В лесу

Моей жене

Недвижен лес, не слышим лес,
– что осень, что весна...
Вверху – голубизна небес,
небес голубизна.
Внизу – чуть видная тропа,
а вдоль тропы – грибы,
тут есть грибная шантрапа
и есть свои «дубы».

Еловых шишек чешуя,
берёз сиропный сок,
сосновых игл острия
и строй пчелиных сот
в дуплах осин... Над всем дубы,
всех пережив, царят;
лесные баловни судьбы
нам жёлуди дарят.

Нам жёлудей не подбирать
ни свежих, ни старья,
пусть их поест лесная рать
различного зверья.
Косит по ходу в чашу взгляд,
туземцев опознав:
мелькнёт зайчишки белый зад,
олена желтизна...

Тропа идёт то вверх, то вниз –
совсем как наша жизнь,
и путь, как жизнь, каменист,
поэтому – держись!
Но нет гудков автомашин,
не слепнешь от реклам,
здесь нет работы за гроши,
а деньги – лишний хлам.

Здесь нет дверей, чтоб на засов
закрыться от зверей,
нет нас, торопящих часов
и глаз календарей...
Наш лес немного с раем схож –
запрудой току лет.
И тем, что есть в нём, он хорош,
и тем, чего в нём нет.

И потому под выходной
мы ищем щель, чтоб влезть
в наш близлежащий рай земной,
наш близстоящий лес.

Ностальгическое

«Несказанное. синее, нежное...»
Сергей Есенин

Мне привиделось милое, прежнее –
Приоткрыли чуть-чуть облака
Несказанное, синее, нежное...
Ах, Россия! Ты так далека!

Позабыты толпа безответная,
Господа и рабы, и вожди.
Только синь не забылась приветная,
И снега, и грибные дожди.

Не забыты хмельные отдушины
И непьющих задумчивый круг,
И стихов золотые жемчужины,
И улыбки немногих подруг.

Не забылись ни небо высокое,
Ни морской неумолчный прибор...
Ой, ты юность моя синекокая,
Как же трепетна встреча с тобой!

Сергей Гора

Родился и учился в г. Ленинграде. Окончил ЛГУ. Филолог-лингвист. Имеет учёную степень из СПбГУ, а также ряд научных публикаций в США, куда переехал как приглашённый специалист. Публикует стихи в семи странах, в среднем 16-17 раз в году. Профессор одного из ведущих мировых центров прикладной лингвистики. Постоянный прихожанин русских православных церквей. Известен как один из первых и наиболее удачливых пост-советских менеджеров потребительского рынка СНГ, а также как один из первых русских ведущих телевизионных ток-шоу. Стихи пишет с юности, хотя никогда не ставил перед собой задачи их коммерческой публикации. Многочисленные читатели и слушатели его стихов называли его поэзию летописью конца XX-го начала XXI века, написанную истинно русским человеком, уникально оставшимся неангажированным какими-либо властными или корпоративными структурами.

Пародия на «Белые снега» Евтушенко

и прочие издевательства над русским языком у советских «псевдо-великих»

Идут белые снега...
Уж все кусты в инее...
Сводит уши и веки...
От такой ахинеи...

Разбушевались ветра, -
Ты выходить подожди, -
По стеклам как из ведра
Бьют грозовые дожди.

В лесах мёрзнут веточки,
Уж не пахнет малиной.
Пьёт Евтушенко строчки
Вместе с Ахмадулиной...

...Идут снега-не тихи.
Звонко трещат морозы.
Не умеете стихи,
Так писали бы прозы.

Блёстки на щеках как слёзы...

Как ни вчитывайся в «лета»,
Не отыщется аналог:
В школьных платящих портреты
Из пропахших коммуналки,
Словно по велению джина,
Превратились в одночасье
В золоченые картины
Обеспеченного счастья.

Блёстки на щеках как слёзы...
Песню роз и танец солнца
В той единственной трёхзвёздной,
Где нет входа без червонца,

Я любил смотреть и слушать,
И, клянусь Святой Марией,
Очищались наши души
Длинноногой феерией.

Карнавал летучих платьев
Перенёс вас, как на крыльях,
В мир, где много больше платят,
Где комфорт и изобилие.
Вы летели без оглядки
Сбывшейся надежды ради,
Не оставив даже шляпки
В Петербургском листопаде.

Как тебе поётся, Лена?
Как танцуется, Наташка?
Улыбается ли Вена
Так же как весной Осташков?
Танька, верю, ты навряд ли
Нашу память похоронишь, -
В Амстердаме всё в порядке,
Но не шлёт сирень Воронеж...

В аромат парижской ночи
Окунусь я за тобою.
Но в Париже, между прочим,
Нет Одесского прибора.
Ну а там, где море плещет,
Баб не вылепишь из снега:
Подмосковный не обещан
Вечер нам под Сан-Диего...

...Вдруг поднадоест немножко
Безмятежность вольных птичек:
Разноцветная матрёшка
Меж духов и косметичек
Как-то грустно улыбнётся
И напомним всё, что близко,
Ведь ...рябинушка не рвётся
К дубу ...возле Сан-Франциско.

Песенка мексиканца-контрактора

Меня потеснят - я подвинусь.*
Мне давка в пути - не впервой.
Я еду в родимый Салинас
По самой Сто Первой прямой.

Припев:
Грин-карта для счастья - не фактор:
Судьба у мечты на крючке.
Я мекс, загорелый контрактор,
На ржавом грузо(а)-

вичке.

*
Строительным хламом забита
Звенит колымага ведром.
Текилой запью я буррито,
Чтоб звон зазвенел серебром.

Припев:
Граница, - она ж как экватор, -
Незримый рубеж проходной.
И я, мексиканец-контрактор,
В краю, где испанский - родной.

*
Не плачу, пою в эйфории,
Руля по раздолью путей.
Со мною «мучача»-Мария
И трио «чиканос»-детей.

Припев:
Как скрипка мотор, - не как трактор.
Не рёв, красота на смычке.
Я мекс, загорелый контрактор,
На ржавом грузо(а)

вичке...

* «д», «в», «б» и «р» произносятся с подчёркнуто испанской артикуляцией.

Андрей Дюка

Родился в пос. Эзбекинот, Иультинского р-на, Магаданской обл. Проживаю в Украине.

Пишу с 1988-го года, член национального союза журналистов Украины, главный редактор литературного альманаха «Саксагань» в г. Кривом Роге. Печатался в журналах «Памир» г. Душанбе, «Встречи» г. Барнаул, мои рассказы звучали в эфире «Радио Россия».

Прошное-пеплом

В предчувствии снега трава высохшая дрожит стеблями, шуршит ветром, жалуется, пригибаясь к земле, шепчет... шепчет...

Кусочки прошлого – пеплом, просятся запрыгнуть в сердце, тянут дороги в память, трассы, города, улицы с перекрестками и светофорами, вокзалы...

Поезда бегут по рельсам, уносят мечты. Самолеты, на покрытых инеем крыльях – уносят, режут, с мясом вырывают турбинным воем и... Пустые аэродромы, мутными окнами смотрят, нечего возразить против этого взгляда, полного боли...

Нет того времени, где шорох стрелок каплями стряхивал минуты сквозь цифры, нет его, даже в мебели старой, хранящей все мысли прежних хозяев, давно забывших путь на планету. Все соскользнуло так незаметно и провалилось в пропасть, беззвучно разбившись, и даже осколки подмел ветер, лишь пепел иногда просится в сердце...

Бледными красками горизонт вымазан на восходе солнца. Деревья стучат ветками, словно костями, холодно, пусто от этого звука и некуда спрятаться, некуда деться...

Все заструктурировано все вычерчено и заучено, сложено в правильной последовательности и очерчено цветными мелками, обнесено забором кирпичным, а на каждом кирпичике табличка с инвентарным номером, все можно по-

менять на золото, а что нет – выбросить! Даже лица немного пластмассовые и слегка плоские со стеклянными глазками без мысли, без чувства, только обмен на золото только мечты о золоте, а вместо зрачков – табло с цифрами...

Окрашены губы синим от виноградного сока, а в зеркале отражение скалится окровавленной пастью...

Все привычно, правильно, было всегда и будет и ничего не изменится в этом ку-кольном мире, где манекены правят странами, воюют с народами, толкают на новые войны, стравливают, а что им?! Они манекены, подумаешь! Открутят руку или ногу, можно поставить другую, даже голов на складе – полным-полно и все аккуратно уложены в очень сухие опилки, чтоб не отсырела мозговая вата...

Может забыть и не слушать стук веток тревожный, может закрыть глаза и представить, что еще живо время, а может заснуть на часок, а проснуться в новом мире, где все непохоже красивы и нет убийств и войны... Жаль, что лишь пепел прошлого просится прыгнуть в сердце, и так его хрупкости мало, для оживления времени, что сердце становится каменным, тоже скользит по скалам, падая, падая в пропасть...

Нет того времени...

Нет того времени...

Татьяна Василяди

Родилась в Одессе. По образованию — архитектор. Профессий много. Стихи начала писать в 2009 г. Есть публикации в разных сборниках, журналах и газетах.

Грустное

остывает кофе в золоченой чашке...
дымкой сигаретной тает день вчерашний...
ветер завывает, дождевая морось
бьет по тротуару, набирая скорость...
в нынешнем апреле — странности с погодой...
ей опять не спится — вспомнились невзгоды...
вряд ли до рассвета звук дождя умолкнет...
в маленькой кладовке на последней полке
— старые конверты сложены по датам...
ей сегодня грустно, хочется поплакать.
в пожелтевших письмах — прошлые надежды.
если прикоснуться — кажется, что нежность,
та, что исходила из чернильных строчек,
снова оживает, а неровный почерк
вдруг напоминает о забытых страхах...
и, когда читает — начинает плакать...

Бунтарское

Тоскливо до боли...
хоть он каждый день приносит фиалки, но
... этого — мало.
Она изменилась, и горькая тень легла под глазами
— подкралась усталость.
Слепые восторги сгорели в пути...
Ступая след в след за придуманным богом,
немного боялась до скуки дойти.
Но так, чтоб — вдвоем, и в душе — одиноко?!
Он хочет в ней видеть лишь то, что давно
исчезло бесследно — наивность во взгляде.
А девочки нет!
И размер “extra-small”
дарёного платья, где складки разгладит
— сжимает в груди... не подходит длина...
Когда подросла? — До сих пор не заметил...
Не может никак перемен осознать,
не видит от слёз покрасневшие веки.
Внушая, что знает почти наизусть,
по взмаху ресниц изучает капризы
— не чувствовал сердцем биение...
пульс её настоящей, бурлящей харизмы.
Быть вечно ведомой?
За плотной спиной вдыхать рафинадную пудру с озоном,
и вдох запивать минеральной водой,
уже сознавая свою иллюзорность
— давиться?!
К советам пропал интерес,
достала до самой печёнки опека,
не в радость по чёткому графику секс,
не нужен и опыт чужого успеха...

Ей так захотелось взлететь к облакам!
В потоках воздушных кружиться, как птицы...
без противогаза дышать
и.....летать!!!
Что дальше?
А вдруг повезёт?!.....не разбиться...

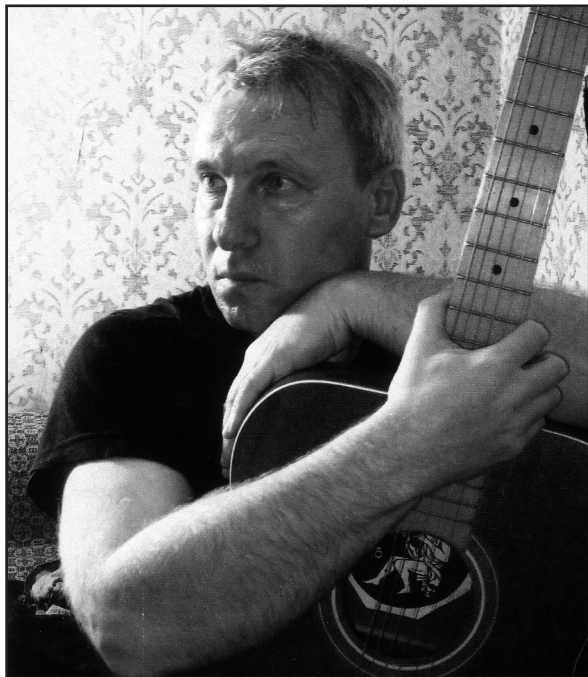
Себя дурачу

Мечты о счастье — не умирают... а то,
что раньше казалось “краем”,
исчезло дымкой... Зачем мне это,
когда приятней под шорох ветра
пройтись вдоль моря, без глупых мыслей смотреть,
как гребень волны зависнет
немым вопросом над водной гладью...
Вчера, листая свои тетради
из прошлой жизни (о старых битвах),
чуть грустила... Все не привыкну
к непостоянству любви, к обманам,
хоть в раннем детстве учила мама,
что жизнь, как море — в ней много соли...
Пообещала урок усвоить,
да позабыла... и в девятнадцать —
мне не хотелось судьбы бояться.

Она вдогонку бежала быстро,
чтоб догадалась, когда нет смысла,
чтоб получила свои полпуда!
Да как столкнула без парашюта
с Небес на Землю!!! Хватая воздух,
чуть не разбилась влетая в воду,
а захлебнувшись соленой пеной,
узнала запах и вкус измены,
и терпкость горя... аж до удушья.
Но те полпуда пока не скушать,
как научиться ценить минуты?
Воспоминанья мелькнули смутно...

Почти забыла... Зачем мне это,
когда приятней под шепот ветра
дойти до моря, без задних мыслей,
смотреть, как гребень волны зависнет...

И пусть, пожалуй, мечты не гаснут,
а вера в чудо, с задорным — “здравствуй!”,
приходит в гости хоть каждым утром.
Ах, мама, мама — какая мудрость?!
Чтоб спать с надеждой, как все плохое
разгладит в желтом песке волною
и смоем в море?! Кого дурачить?!.....
Зато ночами теперь — не плачу.

Юрий Ващенко

Родился 12 апреля 1961 года. Образование – авиационное, что неудивительно (см. дату рождения). В авторской песне с 1999 года. Участник и лауреат многих фестивалей авторской песни. Работает в системе образования. Увлечения – дельтапланеризм, туристские походы, военная история. В настоящее время является зам. председателя литературного объединения при альманахе «Саксагань», член редакционного совета. Своё отношение к жизни выражает следующими словами: «Жизнь – довольно-таки увлекательное занятие, особенно, если найти своё место в ней».

Из Крымской тетради

Мне зимой ночами горы снятся,
И во сне моя дорожка в небо вьётся...
Боже, как мне хочется подняться!..
И во сне мне это удаётся.

Дни идут. А вместе с ними – годы,
Научился отличать я был и небыль,
Два десятка лет хожу в походы –
Отыскать хочу свою дорогу в небо.

... Вот и снова я в горах.

Опять в походе,
Все домашние сомненья позабыты,
Но, увы, подняться в небо не выходит –
С неба – дождь. И все пути
дождём размыты.

Не всегда судьба к нам благосклонна –
В жизни иногда и так бывает.
Дождь в горах. Течёт вода по склонам.
Этот дождь мечты мои смыывает.

Только вспышка озарения – о, Боги!..
Оказалось, что идти-то и не нужно.
Это... небо опустилось мне под ноги,
И по Небу я иду, а не по луже...

Перевал

Я в тех местах, где раньше не бывал
Иду дорогою извилистой и длинной.
В конце подъёма будет перевал,
А после – неизбежный спуск в долину.

Неспешно день июльский уплывал,
Ещё немного – и начнёт смеркаться,
Я так хотел взойти на перевал
И... никуда оттуда не спускаться.

Вперёд и вверх мои глаза глядят,
Ещё чуть-чуть – я это знаю точно.

Назад и вниз – планету от себя...
Последний шаг... И я –

на верхней точке!..
... Законы жизни мне не одолеть,
Да, не всесилен духом я и телом,
Спускаюсь вниз. Мне не о чем жалеть –
Я к небу шёл! Я смог. Я это сделал...

...Чтоб не забыть, в блокноте написал
Я на стоянке в тот же самый вечер:
«... Жизнь, как подъём, –
дорога в небеса,
Подъём, как жизнь, –
хоть сложен, но конечен».

* * *

Мне рюкзак уже больше
не давит на плечи,
Я пишу на стоянке у Нового Света.
От чего-то тоскливо мне так

в этот вечер –
Вспомнил я – ведь кончается лето.

Звёзды падают. Я – на краю звездопада,
Но желаний таких,
чтоб загадывать, – нету,
Мне ведь, в сущности,
очень немного надо,
Мне б ещё
хоть немножечко лета.

Как поётся в той песне,
плохой нет погоды,
Осень тоже бывает мечтою поэта,
Только в осень мне так уходить неохота,
Не хочу я, чтоб кончилось лето.

Я надеюсь, что Осень
в пути заблудилась,
Но надежда в печаль почему-то одета,
Может быть, оттого,
что не всё получилось,
Ну, а, может, – кончается лето.

Всё уходит, и я, к сожалению, не вечен,
В свою звёздную даль улетает планета,
Мы уходим, но весь этот мир
бесконечен,

Никогда в нём

не кончится лето.

Звезда

Стояли как-то мы у Южной Демерджи,
Сияла в небесах весёлых звёзд ватага,
И показалось мне – одна из них лежит
В лесу на тёмном склоне Чатырдага.

Хотя с тех пор ушло уже немало лет,
Я ближе к той звезде не стал
и на полшага,

Но всё-таки в душе моей
навек оставил след
Неясный свет на склоне Чатырдага.

Я этот чудный свет в душе моей несу
(Хотя соврать бы мог –
ведь стерпит всё бумага)

Но честно вам скажу,
что видел я в лесу
Свою звезду на склоне Чатырдага.

Я знаю, что всегда смогу себе помочь,
Ведь я перед бедой не опускаю флага,
Достаточно лишь вспомнить мне
далёкую ту ночь
И ту звезду на склоне Чатырдага.

* * *

Казалось бы – обычная история –
Незванным гостем появился
я из прошлого.

Приехал я к тебе, моя хорошая,
В далёкий южный город Евпатория.

Накатит на песок волна прибрежная
И смое след... Уеду снова вскоре я,
А ты останешься. И город Евпатория...
И что-то недосказанное, нежное...

Марина Сурунова

Родилась в 1990 г. в г. Донецке, на данный момент - курсант Государственной лётной академии Украины, специальность - авиадиспетчер. Стихи публиковались в интернет-изданиях «Сетевая словесность» и «Новая реальность».

Суеверие

Известное дело - чтоб черти не грызли кору на деревьях,
их мажут известкой,
а к веткам привязывают колокольцы,
чтоб школьный учитель не вешался снова.
Попомнив моих упокоенных братьев,
меня нарекли при рождении тёзкой,
и бабка клянётся: с тех пор среди ночи,
с терпением опытного птицелова,
являлся под окнами некто. Таился, как тать,
и вслух называл имена, но не мог угадать.

С приходом весны и дышалось легко мне, и думалось,
что умереть стариком мне,
звеня берегами, в омут небесный ныряли с утра
ледяные деревья,
уютно посвистывал чайник в каморке
со всеми задатками каменоломни,
а он все ходил. Нехорошее что-то глядело на мир
сквозь седые отрепья,
глядело мне в душу, пыталось: “да как тебя звать?”
Гадало-гадало, никак не могло угадать.

Чем дальше, тем реже я мог, не смущаясь,
его полоснуть безответной улыбкой.
Однажды он выпрямил черную спину,
и в ней оказалась казенная сажень.
Вошел не стучась и уселся напротив.
Со старой клеенки, размокшей и липкой,
смахнул горстку крошек, а вместо насыпал
дорожку дремучей, зияющей сажы.
И брызнул слюной через стол: “Не мели чепуху”.
Сейчас ты мне скажешь, сейчас ты мне как на духу.”

Тогда я назвался, а он засмеялся с фальшивой
чувствительностью камертона
и вздрогнул, как будто нечаянный кто-то
сейчас помочился ему на могилу.
“Допустим”, - и снова смеется, “допустим”
коль скоро мы тёзки, то ты - абаддона.”
И больше не смог засмеяться,
поскольку увидел мой взгляд и немедленно сгинул.
Я сажу развею, а сам удавлюсь дотемна,
чтоб больше никто не давал мне свои имена.

Прощание с садом

Опечален мой сад, опечатан седыми мавками.
Говорят: “Полезай на сук, посиди часок
и послушай, как из-под наших тувелек с чавканьем
неуёмный сок потечёт, неутешный сок.
Полюбуйся - родится вино из синюшных паданцев,
из чахоточных смол белой яблони-на-кости,
и от чаши сей ни окопаться тебе, ни спрятаться -
угостим, угостим, обязательно угостим!

Для таких у нас самые лучшие пляски и песни есть.
Оттого, что у вас с мирозданием нелады,
кривороты вы молитесь да леворуко креститесь, -
многогрешных нас десантируют к вам в сады,
где дана нам власть и хулить, и казнить, и миловать,
на воробушков рыкать и цыкать на волчью сыть,
и кормить непослушных детишек гнильём кизиловым,
а послушных на небо за пазухой уносить.”

И защёлкали клювами, крыльями-то захлопали,
мол, тебя, когда надо, подхватим и унесём.
А в саду моём, прости господи, как в Чернобыле -
чернобурые лисоньки мочатся в чернозём.

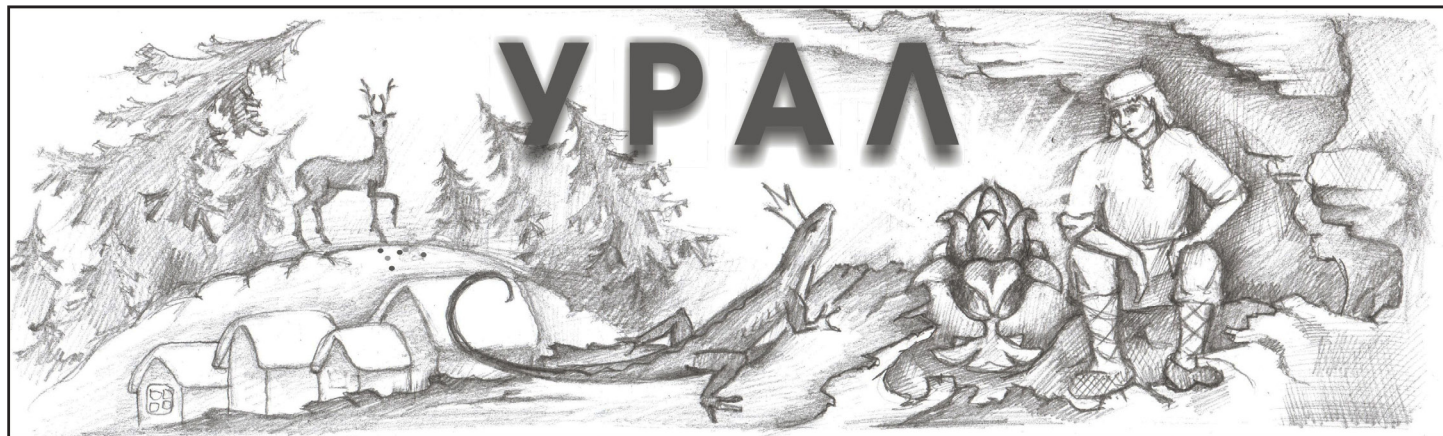
Казаки-разбойники

Оставайся, мальчик, с нами. Здесь красиво и привольно,
здесь болтается рыбешка на взлохмаченной веревке,
а у деда подбородок до смешного треугольный,
все соседи - побирушки, дембеля и полукровки.

Зеленеющим колечком в кружке стал глоток кефира,
без тебя в потешном войске процветает беспорядок.
Оставайся, мальчик, с нами, будешь нашим командиром,
ты найдешь нас где оставил - на качелях, среди грядок.

Будем в ножичка и штандер, в поддавки и подкидного,
речка будет пахнуть медью, речка будет цвета меди,
будут жариться на солнце бородавки остановок,
а под ними - ждать трамваев белозубые соседи.

Ты найдешь нас - оловянных, полувывцветших, незрячих,
инвалидов-футболистов. размноженного солдата.
Оставайся, мальчик, с нами, снова - с нами, снова - мальчик.
потому что это честно, потому что так и надо.

Татьяна Строганова

Челябинский журналист (официальный сайт stroganova.su), руководитель службы выпуска областной газеты «Челябинский рабочий» (литературный редактор). Выпускница ЧелГУ (1992), член Союза журналистов России с 92-го года. Член Правления Союза журналистов Челябинской области. Удостоена почетного знака Союза журналистов РФ «За заслуги перед профессиональным сообществом». Лауреат всероссийских, областных и городских творческих конкурсов.

Единственный на свете

...Он стоял на коленях перед Евой и плакал, не стыдясь своих слез. Она слабо верила в реальность происходящего, но сердце, пульсирующее во всем теле, напоминало, что это все-таки не сон. Они знали, что рано или поздно их вновь сведет судьба. И это произошло. Спустя сорок лет. В День Победы. На театральной площади в Москве. «У нас дочь», — только и смогла произнести Ева, прежде чем силы покинули ее. Адам подхватил и обнял свою любимую крепко-крепко. Как тогда. В молодости. В сорок третьем.

В пекло фронта Ева попала двадцатилетней девчонкой в 42-м. Она служила в авиационной дивизии, устанавливала вооружение на боевые самолеты. Это был самый тяжелый период для советской армии. Наши отступали. Сталинградская битва, пекло Курско-Орловской дуги — и вновь огромные

потери. Но... молодость брала своё. Девчонки из полка подолгу в одиночестве не засиживались. Вот только к Еве это не относилось. Как будто ждала она своего принца. И, наконец, дождалась.

Они встретились взглядами — и все как-то озагрилось вокруг. Статный красавец майор пригласил Еву прогуляться. Они стали встречаться. Девчонки завидовали — мужчина при должности, начальник штаба полка. Но больше завидовали большой и красивой любви, которой ничуть не мешали десять лет разницы в возрасте. Летом не было ни дня, чтобы Адам не подарил своей ненаглядной огромный букет полевых цветов. Редкие минуты отдыха в перерывах между вылетами и бомбежками они всегда проводили вместе. Гуляли, целовались, читали стихи, давали клятвы верности и, конечно, строили планы. «Будем жить в уютном домике с голубыми

занавесками, нарожаем кучу детей...» Одним словом, вместе навсегда. Вот только бы война поскорее кончилась.

Боевые товарищи гибли каждый день, но о смерти Еве и Адаму совсем не хотелось думать. Они пребывали в полной уверенности, что мечты их сбудутся, что суждено им прожить долгую и счастливую жизнь. Но однажды Адам пришел мрачный: «Ты только не переживай. Мне надо срочно уехать. Не спрашивай ничего. Это секретное задание. Увидимся месяца через три, и все у нас будет хорошо. Я вернусь – сразу распишемся. Ты понимаешь? Все будет хорошо...».

«Увидимся ли?» – мелькнула страшная мысль, и как-то по-особому заняло сердце. Но Ева держалась молодцом. Из последних сил заставляла себя улыбаться. Помогла собрать вещи, проводила до самолета. Поцелуй на прощанье... Потом она еще долго смотрела в небо, а внутренний голос почему-то занудливо твердил: «Он не вернется».

Всю ночь Ева не смыкала глаз. Все думала о своем любимом. Через две недели, когда поняла, что ждет ребенка, бессонница стала ее верной спутницей. То радость, то отчаяние охватывали душу. Вопреки комсомольским убеждениям Ева даже пыталась погадать на воске в одну из мучительных ночей. А наутро решила оставить все эти глупости. «Это же всего лишь командировка, – убеждала она себя. – Три месяца пролетят незаметно. Зато как Адам обрадуется, когда вернется! Он ведь так мечтает о дочке...»

Ева не раз представляла себе сцену их встречи. Представляла, как она бросится к нему на шею, а он скажет так просто и так проникновенно: «Привет, родная. Ждала меня?». Адам схватит ее на руки и будет долго-долго кружить, когда она расскажет о ребенке. Но через три месяца любимый не вернулся. Не вернулся и тогда, когда кончилась война. Сколько слез впитала подушка, знает один бог. Но даже в самые тяжелые минуты Ева и подумать не могла избавиться от того, кого носила под сердцем. Тогда же она дала себе слово: ждать своего Адама, во что бы то ни стало. Ждать до последнего вздоха.

Дочка родилась в мае 45-го. Здоровенькая и красивая – копия отца. Не было числа запросам, которые Ева посылала в разные инстанции. Проходили годы, но выяснить удалось немного. Адам, выполняя секретное задание в Польше, попал в плен.

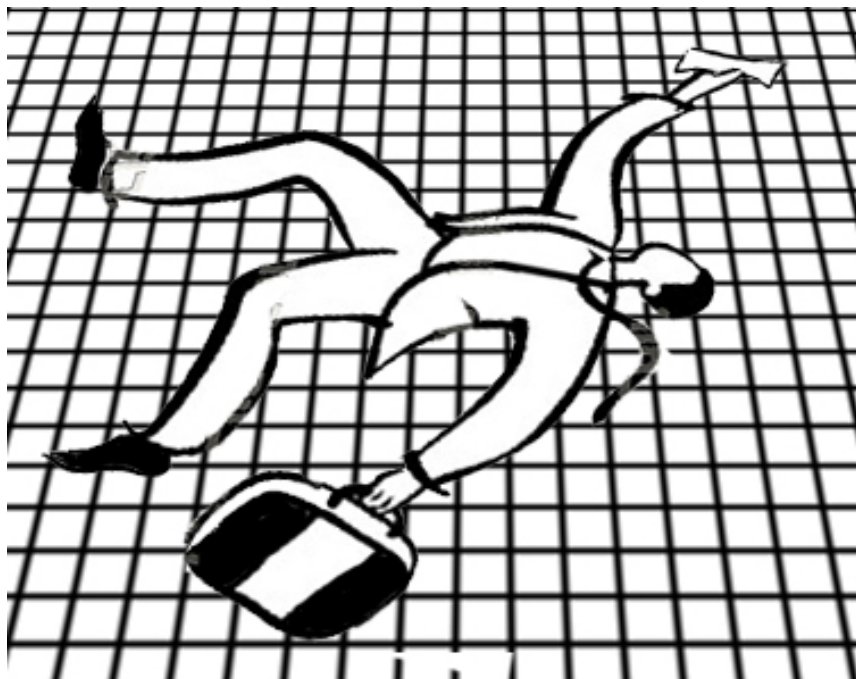
...В день сорокалетия победы на встречу с однополчанами у Большого театра она шла с каким-то особенным чувством. И вдруг среди ветеранов увидела его, седого, располневшего. Хотя какое, в сущности, это имело значение? Трудно описать словами, что пережили они в эти минуты. Разговоры, расспросы – все это было потом. А пока Адам просто стоял на коленях.

Он тоже искал ее все годы службы в Польше после плена. Но в списки военкомата закралась досадная ошибка – «пропала без вести». В Россию же Адам вернулся только теперь. Каким же счастьем для него было узнать от однополчан, что Ева жива!..

Он был женат. Неудачно. С семьей так практически и не жил. Есть взрослый сын. Вопрос, будут ли теперь возлюбленные вместе, даже не обсуждался. Но в Челябинск Ева вернулась одна. Адама задержал его юбилей, после которого он должен был сразу приехать на собственную свадьбу. Ева готовилась к ней с особым трепетом. Неудивительно – такое вот запоздавшее на сорок долгих лет счастье. До торжества оставались сутки. Но... судьба распорядилась иначе.

Адам умер на почте. Скоропостижно от инфаркта. Врач скорой помощи нашел в зажатой руке бланк телеграммы со словами «Вылетаю утренним рейсом. Не верится. Люблю. Целую». Авиабилет в Челябинск лежал в кармане. У самого сердца.

Бог дал ей силы достойно перенести этот удар. Ева пережила Адама на несколько лет. До последнего вздоха она любила своего единственного мужчину. Мужчину, верность которому хранила всю жизнь.

Марк Луцкий

Долгое время проживал в г. Свердловске

Счастье Сказочника

(венки сонетов)

1

С уральских гор скатился дивный сказ
И вот уже плывет по переулку,
И самоцветы из волшебных фраз
Стекаются в заветную шкатулку.

И вспомнится тебе заветный час,
Костер на Думной*, рядом с караулкой.
Дед Слышко в перелатанной тужурке
Ведет неторопливо свой рассказ:

- У нас, слышь, так давненько повелось,
По камнерезну делу шибко знали...
И сказ течет, как песня об Урале,
Романтикой пронизанный насквозь.

Здесь все любовью и трудом согрето,
Кому принадлежит творенье это?

**Думная — гора в Полевском*

2

Кому принадлежит творенье это?
Когда оно явилось на простор?
Кто знает изначальную примету?
Наверное, Хозяйка Медных Гор?

В горах ли, на равнине песня спета —
Не знаем, но хранит её фольклор
От древности седой до наших пор,
Как знаки стародавнего завета.

И сохраняет байки или были
Своеобразный местный говорок
С отсылкой на естественный исток:
- Еще, де, «стары люди» говорили...

И обращают слух в который раз
Азов-горе, чей голос не угас.

3

Азов-горе, чей голос не угас,
Где, бают люди, есть ходы-пещеры,
Вдруг развернется каменный палас,
Откроются кладовые без меры.

Блеснет в зеленой шапке хризопраз
Глазами затаившейся пантеры,
Кристаллов многоцветные шпалеры
Тебя слепят, но радуется глаз.

Любому враз захочется запеть
И рассказать о той красе великой —
Здесь всполохи, мерцающие блики,
Узорчатых камней круговерть.

Кому отдать сияние букета —
Зеленой ящерке или перу поэта?

4

Зеленой ящерке или перу поэта?
Кто передать ту красоту готов —
Пургу зимы, благоуханье лета,
Неповторимость каменных цветов?

Чье сердце будет больше всех задето
Волшебной силой стародавних слов?
Растет в Сысерти паренек Бажов,
О том пока не ведает планета.

Не знает про поселок Полевской,
Про ермаковых лебедей в полете,
Про чудо-камень в тонкой позолоте,
Сработанный талантливой рукой.

И Полоза Великого указ
Искателям золотиносных масс.

5

Искателям золотиносных масс
Ночами снится, что они близ клада —
Не ковш старательский, - тяжеловесный таз
Весь в жужелках* - желанная услада.

Бывало, вся артель пускалась в пляс,
Когда была хоть малая награда, -
Сам черт не брат, и большего не надо,
Но чаще все же — кварц и диабаз ...

Урал, известно, золотом богат,
Да только тяжко, коли фарта нету,
Коль не обучен тонкому секрету,
То не воздвигнешь каменных палат.

И снятся потаенные секреты
Таежным речкам, озаренным светом.

** Жужелка — мелкий самородок золота
(из словаря-объяснения уральских слов,
составленного П.Бажовым)*

6

Таежным речкам, озаренным светом,
Махнул рукою Батюшка-Урал,
И оказались золотом одеты
Ручей, распадок, дальний перевал.

Найдешь ли то, что затерялось где-то,
Помог бы кто, какой бы знак подал,
Перстами Поскакушки указал
Полянку, ямку или другую мету.

А Поскакушка не для всех кружит,
Помахивая голубым платочком,
И хоть мала, бедовая, росточком,
Надежно клад уральский сторожит.

И только для природы нет запрета —
Еланям, копиям, чудесам рассвета.

7

Еланям, копиям, чудесам рассвета,
Которым не предвидится конца —
Извечная загадка без ответа,
Глубокая, как тайна мудреца,

В полночном небе зыбкая комета,
Идущая от деда и отца,
От дальних мест до ближнего крыльца —
Сказаний неразменная монета.

Своеобычна — в мире нет такой,
Окрашена уральским колоритом —
Трудом, дорогой, неудобным бытом,
Всем, что зовется жизненной рекой.

Она перед тобой явилась враз
Легендой, что хранилась про запас.

8

Легендой, что хранилась про запас,
Вспорхнувшей над лесами гордой птицей...
Чу! Слышен камня Денежкина бас
Из-под «богатыревой рукавицы».

Исеть-река или река-Миасс —
Им долго-долго на просторах виться,
В их отраженьях — каменные лица,
Здесь весь Урал — и в профиль, и в анфас.

Здесь по болотам стелется туман,
Он необычный — сизовато-синий,
Нашептывает тоненькой рябине
Легенд всепобеждающий обман.

Где кроны сосен собрались шатром,
Юлой летит девчонка над костром.

9

Юлой летит девчонка над костром.
Видать, не зря зовется Огневушкой,
Маршрут отмечен золотым песком
Над неприметной речкой Северушкой.

Здесь сказами пронизан каждый дом,
Вот Кошка Земляная кажет ушки,
От слез сиротских — мокрые подушки,
И подступает к горлу плотный ком.

Пусть нет от тяжелой доли передышки
И бедность раскатилась по углам,
Но слушают легенды здесь и там,
Внимают чудным сказам ребятишки:

- Опять закрыт в окошке счастья ставень,
Устал стоять в дозоре Марков камень...

10

Устал стоять в дозоре Марков Камень
Где жил когда-то Марк-Береговик,
Могутный парень с мощными руками,
Что барам покоряться не привык.

Здесь выли волки стылыми ночами,
Порою слышен был медвежий рык,
И жутко становилось на миг
На камне, растворившемся в тумане,

Но — лишь на миг, и жизнь свое берет,
Коль славен человек «живинкой в деле»
В «горе» или старательской артели,
Мог совершить искусный поворот.

...Со сказовых страниц встает пред нами
Ревдинских зорь неугасимый пламень.

11

Ревдинских зорь неугасимый пламень,
Где солнцу помогает углежог,
Где Чусовая в каменистой раме
Умчится за родительский порог.

Летя навстречу полноводной Каме,
Забудет свой прославленный исток.
Металла нескончаемый поток
Плывет под чусовскими берегами.

В металле густо сплавлены преданья:
Булатна сталь, фигурки из Каслей ...
Шкатулка все полнее и полней,
Вобрав в себя бажовские сказанья.

В них свет костра, таежный бурелом,
Айлып и Полоз, барин-дуролом.

12

Айлып и Полоз, барин-дуролом,
Как много уместилось в былях-сказках —
Фабричный дым, заката окоем,
Батырова невеста Златовласка.

А сказов набрался большущий том —
Зачин, сюжет, нескорая развязка,
Совет по жизни — тонкая подсказка,
Отнюдь не указующим перстом.

Здесь красота и малахита пыль,
Здесь тяжкий труд и самоцветов царство.
Сплелись едино мудрость и лукавство —
Неповторимый сказочника стиль.

Как хорошо по волнам сказов плыть.
Летят года, не умеряя прыть.

13

Летят года, не умеряя прыть,
А сердцу все знакомей перебои,
Но продолжает Сказочник творить,
Навек усвоив правило простое:

Своей рукою счастье добыть
Обязаны сказителя герои,
Неведомы и праздность, и прости —
Вперед зовет их творческая нить.

Не угасает красоты накал,
Занесены в заветную тетрадку
Данило-Мастер и Иван Крылатко —
Умельцы, что прославили Урал.

Работе долговекой не остыть...
А сказ бажовский продолжает жить.

14

А сказ бажовский продолжает жить
И будет долгой звездочкой светиться,
Способна ль наша память позабыть,
Как бил козел серебряным копытцем,

И как могли хрустальным лаком крыть
Подносов лучезарные корытца,
В них солнце с восхищением глядится,
И сам поднос способен ослепить...

Везде видны уральские штрихи,
Они развеют всякое ненастье,
И ощущаешь Сказочника счастье —
Уральский дух, уральские стихи.

Что там вдали сверкает, как алмаз?
С уральских гор скатился дивный сказ...

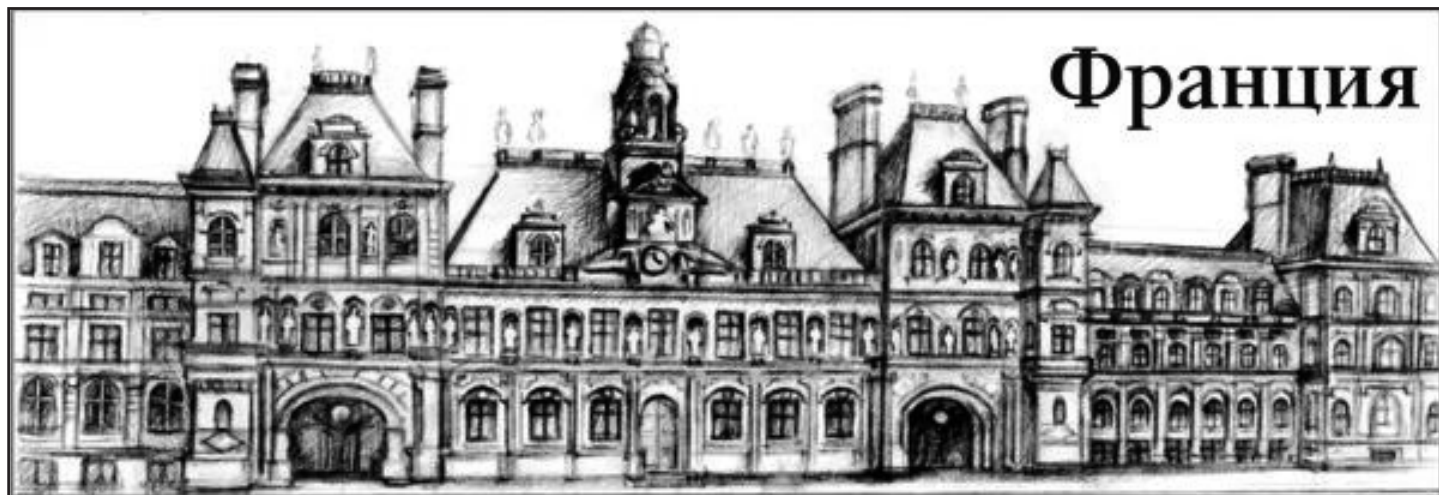
Магистрал (акrostих)

С уральских гор скатился дивный сказ,
Кому принадлежит творенье это?
Азов-горе, чей голос не угас,
Зеленой ящерке или перу поэта?

Искателям золотоносных масс,
Таёжным речкам, озаренным светом,
Еланям, топям, чудесам рассвета,
Легенде, что хранилась про запас?

Юлой летит девчонка над костром,
Устал стоять в дозоре Марков Камень.
Ревдинских зорь неугасимый пламень,
Айлып и Полоз, барин-дуролом.

Летят года, не умеряя прыть,
А сказ бажовский продолжает жить.

Христина Панджаридис

Родилась в г. Елин Пелин. Закончила факультет журналистики и СМИ Софийского университета им. «Св. Климента Охридского». Работала редактором в муниципальной газете. Издавала частный еженедельник для муниципалитетов г. Елин Пелин и Горна Малина.

Сотрудничала со многими изданиями в качестве журналиста. Пишет хайку и рассказы. Получила Приз за рассказ на тему «Кризис» в конкурсе «Каунь 2010 Хасково» – за второе место. В июле 2011 г. в издательстве «Сиела» опубликовала роман «Ярость», написанный в соавторстве. Живет во Франции. Член СОЮЗА БОЛГАРСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ.

БОГАТЫЙ АМЕРИКАНЕЦ ИЩЕТ(сиделку)

После двадцатитрехлетней разлуки родной воздух показался каким-то особенным. Он приносил с собой запахи липы и мягкость свежескошенного клевера. Вот она и дома, а всё остальное уже позади.

Она почувствовала усталость от многочасового перелета. Десять или одиннадцать часов, и всё время над океаном! За горами не видно никакого Чикаго. Боже мой, как далеко меня занесло! А для чего? Для того, чтобы помогать детям, чтобы они ни в чем не нуждались. Десять лет рядом с дочерью. Подняла на ноги маленького Сильвестра, утирала дочери слезы после её развода, пила шампанское на свадьбе с новым мужем американцем, потом снова пеленки и памперсы. А вот уже и второй внук подросток.

Парень едва понимает пятьдесят болгарских слов, а она и этому рада. Пела ему песни, куплеты которых еще сохранялись в сердце. Горькая жизнь, видимо, хотела перемолоть её, как старая мельничка молола в свое время черный перец, или память вдруг стала нашептывать ей, что пришло время па-

мяти и забвения. Но теперь уже всё равно. Она сильнее, чем это поётся в песне. Она сама решает, когда поставить точку. После неё останется малыш, который умеет смешно произносить некоторые болгарские слова. И в его крови лаборанты, наверное, смогут найти несколько капель болгарской кровушки. Как бы ей хотелось научить его и писать на бабушкином языке. Но она поругалась с дочерью.

Как может так быть: ребенок, выношенный под сердцем у матери, так и не научился, не перенял чувство благодарности к ней. Бесконечные жалобы и недовольство. Стремление командовать и, если нет поблизости того, кого можно подчинить, отыгрывается на матери..

Зять без конца надирался пивом, его акции на бирже упали, нервы не выдерживали, и из комнаты летели бутылки в разные стороны: американская идилия осталась в прошлом. Молодая жена, артистка по духу и профессии, не плакала, а вымещала свой стресс страшными криками на матери.

Балканское терпение вошло в поговорку, но перегруженная телега опрокинулась, и женщина, обняв внуков, ушла от дочери.

Плохой английский язык открыл ей только одну возможность - заботиться о престарелых. В основном это были старушки. Некоторые умирали буквально через месяц - два. Другие ей сочувствовали, догадываясь, как трудно найти стоящую работу в незнакомой стране женщине в пятьдесят лет, и несмотря ни на что, — жили. Как кактусы, которые стоят, претерпевая житейскую засуху, и живут долго, хоть старость и тяжела.

Последней старушке было девяносто три года. Бывшая профессор, изобретатель. Оставила дом для каждого из своих пятерых детей. А сейчас жила одиноко с болгаркой. А болгарка готовила ей, точнее превращала еду в соус и капала ей в рот пипеткой.

Жалела её. И, как говорила медсестра, которая приходила каждую неделю, если бы не её забота, давно бы уже старушка переместилась в урну с прахом на подготовленное место. Бабушка приходила в сознание, но грезил наяву. Путала её с умершей сестрой, с дочерью. Дом также умирал, пережив многое за свою долгую жизнь. Отовсюду шел запах тлена, крыша на втором этаже протекала. Она дважды видела мышей, которые приходят обычно, когда в доме нет людей. Забвение приближалось, но всё-таки ей казалось, что еще рано.

Март вторгся в сад и изменил пейзаж. Свежий весенний ветер принес надежды. Женщина мечтала, что они доживут до весны. Бабушка затихла неожиданно. Весь день она рассказывала о своих студентах, называла их по именам. Говорила о том, как сильно она любила мужа и, как каждый из её трех сыновей всё больше походил на отца. Болгарка приготовила ей морковный сок, и бабушка улыбнулась от удовольствия. Повернула голову вправо и сказала, что хочет поспать. И на самом деле заснула. Навсегда.

Женщина почувствовала себя одинокой. Несмотря на то, что в доме было десять комнат и еще балкон, на котором так хорошо было смотреть на черешневый сад. Появились мыши, которые как будто почувствовали её страх смерти. Она позвонила по телефону старшей дочери. Та приехала через несколько часов. Заплатила ей до конца месяца. Мать была благодарна ей за это, но внутренние часы уже отсчитывали последние минуты на чужбине.

Как чувствуются годы! Так болят ноги, ты кормила бабушку, но тебя никто не покормит. Ты похудела. Желудок не принимает обычной еды. Ты меняешь врачей, но не всегда и до врача можешь дойти. Без машины в Америке ты — как инопланетянин. Ешь сухарики и чай. Как жаждущий путник в пустыне хочет напиться, так и ей хотелось вернуться на родину и вдохнуть полной грудью родной воздух. Начала себя ограничивать, чтобы собрать денег. Делала вид, что ей всё нипо-

чем! Глотала усталость, как таблетки от язвы.

...Сын ждал её в аэропорту.. Мама приезжает с долларами! Может, ей показалось, что это было как будто эхо, исходящее от снохи, или она просто потеряла чувство юмора на своих бесконечных лестницах судьбы. Вечером они сели за богатый стол, и сын как бы в шутку стал расспрашивать её, почему она не получила водительское удостоверение, почему не купила машину...

- Да когда же, миленький мой! Если бы ты только знал, что это такое - смотреть за престарелыми!

- Он-то не знает, но я... — втерлась неожиданно сноха.

- Перестань, дорогая! Мы все знаем, какие квартиры ты получила таким путем. Но твой адвокат заставил меня подписать

бумаги, что всё это приобретено до нашего брака!

- Да, миленький, богатую невесту ты получил! Но тебе и этого мало!

- Мамочка, а ты разве не нашла какого-нибудь богатого американца!

Богатый американец? Его вопрос заставил её посмотреть на него повнимательней: неужели это её сын? Ухмыляется, раздобыл, отрастил усы, но какой-то чужой.

Последний мужчина, о котором она заботилась, был богат. Но не умом, а своим глубоким возрастом. Никогда бы она этого не хотела — брак по расчету. Сын, как видно, неплохо устроился. Но смотрел на неё странным взглядом, полным какого-то ожидания, который она не хотела бы разгадывать.

- Неужели ты не рад, что я здесь, и что всегда буду помогать тебе? Мне не по себе, и если ты будешь продолжать меня раздражать, то не получишь обещанного спального гарнитура и новой мебели для холла.

- Ну, вот видишь, моя дорогая! Мама не в своем уме! Она забыла, что всё здесь принадлежит нам! Напомни, пожалуйста, что дома престарелых не предполагают персональной сиделки.

Пощечина не помогла закрыть бесстыжие уста. Её опора, утеха, надежда глупо ухмылялся. Мать встала и ушла в спальню. Легла и стала думать. И решила: поеду-ка я поехать на минеральные воды. Побуду там месяц, два. Я приду в себя, верну здоровье и тогда уж хлопну дверью. Даже и в пятьдесят семь можно уйти от неблагодарного сына и снова сесть на самолет!

Как там выглядел этот богатый американец?

И вообще, разве совсем закончились эти американцы!?

Перевод с болгарского -
Галины КИРИЛЛОВОЙ.

Марина Викторова

Человек. Женщина. Врач. География – Эстония, Таллин. Стихи начала писать уже в зрелом возрасте. Финалист Международного Поэтического Турнира «Пушкин в Британии» (2011, 2012 гг.). Победитель конкурса литературного перевода на Международном фестивале русской поэзии и культуры «Арфа Давида» в Израиле (2012 г.) Член Международного Союза Литераторов и Журналистов АРΙΑ. Стихи публиковались в России, Германии, Великобритании, Израиле. Представитель медиа-группы изданий «Интеллигент» в Прибалтике.

Стезя

*«Слово Твое светильник ноге моей и свет стезе моей»
(Пс. 118: 105).*

Какое удивительное лето...
По сходству черт у выписанных лиц,
По разнице в несхожести портретов,
По фейерверкам правд и небылиц,
По гладкости незагорелой кожи
И по тому, как морщится шагреня,
И потому, как странно был в нём прожит,
И страшно не дожит был каждый день,
По лестницам, зовущим в поднебесье,
И по паденьям с множества мостов,
По перекличкам душ, стихов, и песен
По совпадениям мыслей, чувств и слов.
И по несовпадениям... Послушай,
Меня сейчас нельзя не угадать,
Нельзя, лишь на момент наполнив душу
Мечтой, её другим за так раздать,
Нельзя, прикрыв незрячие глазницы
Судьбы слепой от стаи воронья,
Дать волю воронью и впредь кормиться
Оставшимися зёрнами жнивья...
Нельзя не ждать и ждать одновременно,
Как, впрочем, и не стоит припадать
На выбитую чашечку колена,
С которой всё болезненней вставать,
И сердце беречь ненастоящим
Нет времени у нас с тобой. Нельзя.
Но было Слово: «Ищущий - обрящет»,
В нём - Свет, а, значит, верная стезя...

Песнь шантеклера

Ну, наконец-то!! Вспыхнув, сотни солнц
Покрыли мир тончайшей позолотой,
И явь тотчас же превратилась в сон,
И я не помню радостней субботы,

Где на луче у солнечных часов,
Как будто на орбите у светила,
Раскручивалось счастья колесо
И бликами дорогу мне мостило.

И город, в будни холоден и сер,
Сегодня был почти что белокамен,
И пел на шпилье старый шантеклер,
И выдыхала кирха гулко: «Амен!»,

И сердце замирало шагу в такт,
И так с тобой хотелось поделиться
И этим днём, и толпами зевак,
И петушками-флюгерами спиц в нём,

Баюкающим море криком птиц,
И августовским огненным закатом,
Любовью к жизни, миром без границ,
Где мы с тобою встретимся когда-то!

И, благо, был назначен день и час,
И я не уставала торопиться,
И складывать всё это прозапас,
И заливался шантеклер на спице...

Камни

Сколько раз, лишь чуть-чуть
отойдя от течения реки,
отдалившись в желанье
забраться повыше на кручи,
неуклюже скользили
со склонов крутых каблук,
и летели каскады
камней в реку с сопок зыбучих.
Разбивая течение,
убийцей был каждый из них,
оседаая на дно
и скрываясь под глинистым илом,
каждый камень лежал
позабыт, непричастен, и тих,
но мелела река,
что их груз под собой хоронила.

Ночное

Вот и всё. Снять маски. Удивиться,
Разорить, как пчёл, фантазий рой
И прикончить душную девицу,
Что живёт во мне и молодится,
Много лет лишь притворяясь мной.

Всех обвёл вокруг пальца шулер Время.
Путал-прятал карты, мухлевал...
Там где глубь была - сплошные мели,
Там, где мель, теперь девятый вал.

Нарезают шины лоскут ночи,
Гулкость звуков ранит чуткий слух.
Наступает эра многоточий,
Неизвестность разницы пророча,
В уравнение с суммой больше двух.

* * *

С растерянностью вечного скитальца
Держу своих эмоций жмых в горсти,
И всё ещё сочится между пальцев
Смиренно-запоздалое "прости",
Взволнованно-наивное "послушай",
Таинственно-запретное "узнай" -
Всё то, чем мне захлёстывало душу,
Всё то, что пульсом било через край.
Кулак сжимаю крепче - что есть силы -
Пусть эта будет худшей из бравад...
Ты видел?.. Я их просто задушила.
И всё. И ты ни в чём не виноват.

Мотыльки

...И так... вплоть до опустошения:
Лететь беспечным мотыльком,
Спешить на акт самосожжения,
Успеть увидеть мир мельком,
Ослепнуть.
Вспыхнуть.
Солнцем стать.
Гореть и греть протуберанцем,
Пока не станет нарастать
Тугой огнеупорный панцирь,
И в саркофаге для души,
Внутри остывшей горстки пепла,
Вновь мотылёк не зашуршит
И снова не сорвётся в пекло...

* * *

Вот и всё. Что-то умерло. Точка прибытия.
Для безвременья осень - надёжный привал.
Пролистни и забудь
и людей, и события,
Тех, в которых доселе себя забывал.

Всё пройдёт. Поминая царя Соломона,
Пусть баюкает осень мятежную грусть,
Отпусти - перебесится,
канет, утонет.
Что должно, то уйдёт. А уйдёт - ну, и пусть.

Вот и всё. Это - выдох. А взлёты на вдохе.
Подведи под чертогу резонный итог,
И подумай, а так ли
дела твои плохи?..
Переждал, пережил, оперился,
и-и-и ... вдох!!!...

Зачистка в Музее.

*Маше - моей подруге и вдове скульптора А. Григорьева
"О, времена! О, нравы!"
Марк Туллий Цицерон*

Печален сад. Деяньем чьих-то рук,
вне всяких человеческих законов,
скульптуры сняты... Вмятины вокруг
с проплешинами выжженных газонов.

Живые глыбы мрамора и ржа
дышавшего судьбой творца железа -
навалом в антураже гаража
нелепейшего временнОго среза.

Сплав сущего с нетленным ныне здесь.
...В душе она ещё раз овдовела,
разбившись "светлой памятью" о спесь
и произвол вандалов оголтелых.

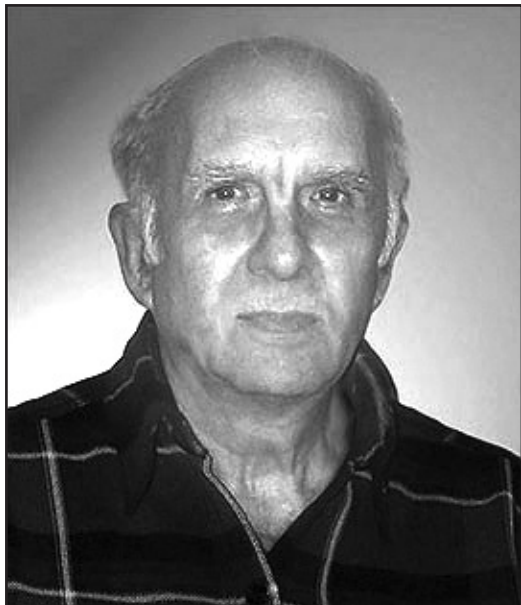
О, нравы!.. Дрогнут веки у вдовы,
отяжелеет взгляд в неслышном стане,
и немо пролистнётся часть Главы,
в пустом, осиротевшем, "Музее"...

Не бойся меня

Не бойся меня. В паутине своих отношений,
В среде мне людей незнакомых, знакомых и близких,
Я больше не трачу эмоций и сил на сраженья,
И больше прижизненных не возвожу обелисков.

Как, впрочем, себя я давненько сняла с пьедестала,
И нынче я - та, кем случилось в тебе отразиться.
Что делать, я знаю: таких, в ком красива я, мало,
Зато многим больше таких, в ком совсем неказиста...

Нет, я не ропщу, не зову, и уж точно не плачу.
Простым по-есенински кажется путь к совершенству,
И, если вчера быть красивой - стояло задачей,
Сегодня не думать об этом - сплошное блаженство.

Игорь Белкин

Родился в Башкирии в 1938г. С 1983 года живёт в Эстонии, в г. Таллин. Инженер-механик. Работал везде и всюду. Закончив лесотехнический техникум работал в лесном хозяйстве - на сплаве и лесоповале. Печатался в республиканских газетах и в журнале «Юность». С 1979 до 2003 стихов не писал. В настоящее время регулярно печатается в зарубежных русскоязычных альманахах. В последние годы на деньги читателей было издано два поэтических сборника: «Состояние души» (2008г) и «Мир, в котором мы живём» (2011г).

Как странен мир, потерянный давно!

Я снова там, где никого не ждёт
спустившийся на Землю небосвод,
напитанный водою ключевою
из родника под елью вековою.
Резвится говорливая струя
на камешках дневного бытия,
посверкивают юркие форельки:
ты где пропал, смешной мальчишка Белкин?
Я не пропал, я искренне завис
меж облаком с названьем терпким «жизнь»
и диковатой тучей грозовою,
сгустившей чёрный мрак над головою!

Плыву над миром, всматриваюсь вдаль,
где молнии, ломая вертикаль,
в сырой песок вонзаются раскосы
и поздним громом лихорадят осень.
Как странен мир, потерянный давно,
беззвучный, словно старое кино
не наяву, а в памяти, забитой
обломками промчавшихся событий!
Они не повторятся никогда,
будь радость в них, будь краткая беда,
и плеск прозрачного былого, Белкин,
тебя не пригласит на посиделки!
Пусть будет так!
Я подвожу итог:
я сделал всё, что смог, а что не смог,
то за меня доделает летящий
над будущим, а не над настоящим!

* * *

Синий цвет, не синий цвет,
но гнездятся где-то рядом
озорные звездопады
из моих прошедших лет.
Дотянусь до них рукой,

и ладонь теплом заполнит
то ли горним, то ли дольным,
не несущим непокой.
Красный цвет, багровый цвет --
величаво и знакомо
зори из-за окоёма
твой неброский силуэт
прорисуют на окне,
девственным дождём промытом,
Купидоном не пробитым --
не стрелял он в сердце мне...

* * *

Снова в каменную россыпь
Бьётся миг светловолосой
И непонятой любви...
Господи, благослови!

Распусти гранитный пояс,
Белой бабочкой на поле
Или на зелёный луг
Выпусти её из рук!

Шелестя травой весенней,
Встану рядом на колени,
Припаду к её губам:
Ты судьба моя, судьба!

Возрождённая из пены
Долгих-долгих лет смятений,
Ты покой свой обретёшь
Близ меня, цветная ложь!

Кто-то скажет: это было,
На воде чертилось шилом --
Ну и что ж? -- у тысяч дней
Сто разлук и сто огней.

Время минет, по-иному
Можно вновь бросаться в омут,
Ласково шепнув любви:
Ты живи во мне, живи!

* * *

Навалилась боль на боль...
Боль в квадрате – это много
для здоровеньких, убогих
и для статуй «Дискобол»
или «Писающий мальчик»;
для чугунного литья
и для тех, кто встречи алчет
с прошлым фоном бытия.

Странный мир и странный сон;
и картонный репродуктор,
и по карточкам продукты,
самосад и самогон;
и корова, и пастушья
дудка в утренней тиши,
и отнюдь не равнодушие
человеческой души.

Там кислица и щавель,
там сосед, с войны приехав,
в мир вживался без успеха
и трещал, как коростель,
заживляя раны брагой,
гимнастёрку не сменив –
две медали «За отвагу»
и – беспомысленный обрыв.

Первоклассник...
Два пера,
выданные строгой тётей,
потерял – твоя забота,
их не купишь... до утра
слёзы на глазах парнишки
и ворчание отца
с перегарною отрыжкой,
с фирменом холодца.

Я там жил, я там бродил
под уральским звездопадом –
воздух сладок, словно ладан,
и томителен, и мил;
куковала мне кукушка,
что-то пели мне щеглы,
град постукивал коклюшкой,
тени прятались в углы...

* * *

Поиграл с любовью, поматросил
и ушёл в стеклярусную осень,
иной слов развешивая густо
на уравновешенные чувства.

Всё в порядке, господа и дамы,
время проявилось в жанре драмы
и скользнуло в негу пасторали
старые пролистывать печали.

У комедий яркая концовка,
за себя не очень мне неловко,
ибо мы актёрами на сцене
задыхались в мире вожделений...

Боги прячут от нас грядущее

Дождь марширует по крышам сонным
на серо-осеннем промозглом фоне,
и отражается в мелких лужах
наша ранимая неуклюжесть.

Город влетён в кружева погоды,
тучи – жабо у стеклянных башен,
и не гремит одичавший Один
сапогами в лиственной жёлтой каше.

Осень! – что с неё взять, промытой
и заляпанной? – кроху тления
неизменного, в общем, быта
и грядущего наваждения?..

Под колёсами время плющится,
гайморитятся переносицы,
боги прячут от нас грядущее,
видно, боятся опростоволоситься...

* * *

Минуты истекают в прошлое,
и маятник моей души
сухою дребезжит горошиной:
за ними следом не спеши!

Следи за вектором желания,
он устремлён всегда вперёд,
мотор откажет, можно планером
прорезать гулкий небосвод!

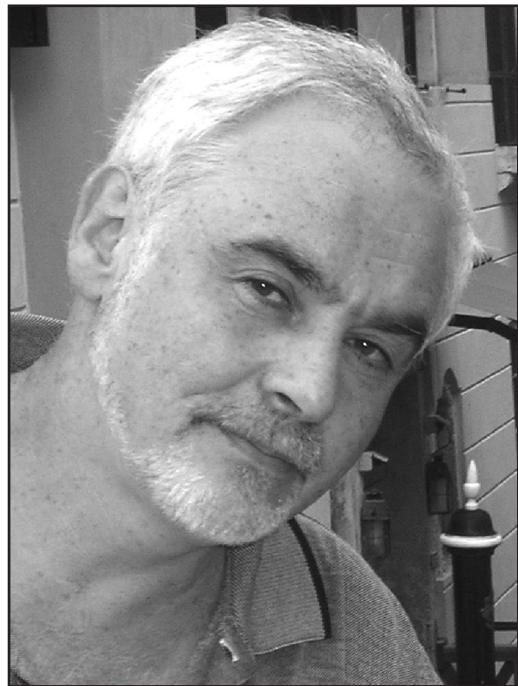
И приземлиться в мире заданном,
не там, где облачный рассвет
пропах столетне-грустным ладаном,
где я заранее отпел!

Не согласен я со Смертью!

Нет, не звёзды полыхают в небе синем,
это я до самых глаз накеросинен,
наглотался разноцветной бормотухи,
и пришла за мной костлявая старуха.
Приглашаю, говорит, на танец бальный
я тебя, блудун несносный и охальник,
и пихает в рот огурчик малосольный,
и косой по шее – вжик! – а мне не больно!
Вот те на, оттанцевался проходимец,
наигрался с обязательным экстримом,
обанкротил душу пьющую до днища,
значит, так тебе и надобно, дружище!

Безусловно, негодяй я и подонок,
только жаль недоцелованных девчонок,
кто их будет обеспечивать любовью
без ущерба обоюдному здоровью?
Не согласен я со Смертью!
Сбросил саван,
отыскал башку свою в пахучих травах
и опять её на место пришпандорил
для заплывов по лирическому морю.
И шуршу стихами грустными и прозой:
недопившему зазорно быть тверёзым,
недолюбленному не дано скитаться
по любовям да без пафосных реляций!

Михаил Гофайзен

Родился в Москве в середине 50-х, где и прожил первую половину своей жизни. Образование – ясли, детсад, школа, институт. Пытался образовывать других. Русская словесность и философия. По счастью для других – недолго. Волею судеб в 80-х оказался в Таллине, где и свил гнездо. В начале 90-х, не вставая с дивана, оказался в эмиграции. С ранних пор тцился рифмовать, но на Парнасе замечен не был. Старался изобрести паровоз в области философии, философии медицины, истории литературы, и т.п., чем ни любви, ни благодарности современников пока не снискал. Всё ещё впереди. Вместе со сподвижниками в 1991-ом году открыл частную клинику, благодаря которой и зарабатывает себе на хлеб насущный по сию пору. Стихи публиковались в журналах, коллективных сборниках, альманахах и т.д. Автор книг «День Восьмой» (2000), «Эмигранты из Эдема» (в книге «Другие Возможности» 2004), «Последняя метафизика» и «Новое тысячелетие» (2004-2012, см. в интернете). Автор статей в некоторых научных и популярных изданиях.

Кода

(Из цикла «Прибрежные элгии 5772 года»)

Где до слёз слепила глаза нависшая гильотина
(горизонт, готовый отсечь от небес планету),
на трубе сидели порою альфы его и беты,
пропадая потом, словно эльфы с дождём, в низинах.
Где в оливах валунных йодом и облепихой
пахли водоросли и балладу коровью море
исполняло кровью то громче сердца, то тихо -
он пил тёплую водку и смешивал пот с любовью.

Дом у моря.

Песок, похожий на рожь с гречихой.

В дни осенние, когда зябла листва и галька
да оболочки будто катала волна-цыганка,
слышно было, как зазывало в воду чужое лихо.
Лиху вторил фагот заходящего с солнцем судна,
устрашая басом - чудищ глубинных, чашек,
яхты, лодки рыбацкие, стаи небесных калик,
что спешили на юг, точно день надвигался судный.

Отнимала воду у дна океанская бездна.

Расставляя следы, брёл неспешно он вслед за отливом
да стихи сочинял своей диве прибрежной на диво,
и казалось, движение жизни - не бесполезно.

Поутру под прилив он читал ей свои посвященья.

Но однажды исчез, словно привкус с погасших поленьев,
неприметно, без слов, не меняя цветов и баланс светотени.

Без него ничего не случилось, как здесь не случилось от
века,

лишь листвы полегло... да вот берег пустынное стал без
следов

или, может,

от снега.

На взгляд офтальмолога

глаз -

пограничье меж светом и плотью

пик пирамиды в круговороте

кисти

причин

разношёрстных решений

полнос магнитный в центре мишени

зона побега в забвение в вечность

глаз это зеркало лжи быстротечной

где среди разных безрогих двуногих

бог во плоти ищет истину в боге

лунный пятак ни орлом и ни решкой

вмёрз в бесконечность что лампа в ночежку

тянет слепца по натянутой леске

пёс-поводырь

вместо тел арабески

ветви постриженных в тени растений

грабовый лес

никакого смятенья

ввысь выхлопной поднимается газ

тех чьи глазницы устали от глаз

что мы такое для глаза для края

точки в которых лишь смерть выживает

мы эмигранты из сада из рая

мы из бумаги поскольку сгораем

что мы такое

лишь прутья темницы

мучась в которой гордыня томится

что в нас страшится так гари да саж

будто создатель наш также бумажный

За чужой межой

1

На Страстной бульвар меня грусть ведёт:
вот и арка,
вход,
лестничный пролёт.
Здесь давно никто ни за что не ждёт.
Никого не ждёт. Только взгляд, как крот,
окопался здесь, где шуршит сквозняк,
насадив мотыль пыльных лет на гак,
где в авоське – лифт, под авоськой – мрак.
Чем живу – не тут. Чем дышал – не так.
Преуспела слизь на камнях в резьбе
от стены к стене от трубы к трубе.
Пустота – ау! – самый лютый враг
и страшней, чем ад, как писал И.Б.,
чтоб уйти потом за глухой овраг.

Я есть сын,
не Сын.
Тень Отца, привет!
Чем греховна скорбь, если рядом нет
тех, кого любил или что любил?
Только тени, Тень. Остальное – ил.
Почему молчишь?
Ждёшь, когда Лаэрт...
ведь любую тень порождает Свет.

2

Тень – это ещё не смерть.
Тень – это уже не жизнь.
Тень – отражение той стороны предмета,
которая вечно страшится света.
То пробежит по лицу, то промелькнёт в глазах.
Не оставляя следа, движется след в след.
Чей это образ?
Нет!
Чей это силуэт?
Узница не своих ветвей, верная им, как страх.
Липнет сомненье-слепень:
разум ли, сердце – мишень?
И за чужой межой тень пожирает тень.

Лесной Ноктюрн

В ту ночь я заехал в лес.
Октябрь, но было сухо. В затылок дышали духи.
В траве жёлторогий бес ловил их шумы вполуха,
да филин по фене ухал.
Сама для себя – свобода, сама для себя – тюрьма,
скрипела, шипела тьма.
Вдоль чёрной её дыры во фронт стояли стволы,
и не было здесь ни брода в изученные миры,
ни в прошлое перехода,
туда,
где солнце с луной в два глаза лизали макушку,
где Саша сосала сушку на пригородном шоссе,
а мост, наклоняясь к реке, из русла тянул гласе,
и где на рельсах-тире поодаль плела парафразы
типичная истеричка, салатная электричка,
слагая своё эссе.
Про жизнь. Про любовь. Про путь.
Про то, что болят колёса, но, в целом, не в этом суть.
Про то, что на белом свете (и это, пожалуй, важно!)

так жалко стоять и спать, как спят каждой ночью дети,
не ведая, что однажды приходится умирать.
В ту ночь я заехал в лес.
По-крысы шуршал в ветвях надмирный пещерный страх.
С дремучих лесных небес, тропую ступая ратной,
листва опадала в прах.
И ветер не с той ноги за мной заметал шаги
стремительно и безвозвратно.

Неоднажды осенью

Е.К.

1

Фастфуд листвы. Сентябрь. На завтрак чай и утро.
Мне верится, что жизнь – инструктор Камасутры,
чья суть – искусство ждать, а ждать – искусство жизни,
где страсть найдёт покой в рифмующейся тризне.
Пусть шестикрыл зои, да зол не по погоде
круговорот надежд и прочего в природе –
как пахнет базилик, и перечная мята,
и волосы твои из лилии заката!
Пусть в линиях ветвей меняется раскраска,
а линии времён затягивает ряска,
пусть даже никогда не воздадут по вере –
как пульс стучится твой дождями в подреберье!
День падалицы. Стук. Идёт сентябрь. Вечер.
И шелестит сквозняк, надев носки овечьи,
пером-лучом звезды, чтоб встретились во мраке
бессмертие, любовь и естество бумаги.

2

А глаз твой –
огромный, коровий, печальный,
в нём вечность пленённая плещется рыбой –
свинцовую жидкость сквозь ситечко с чаем
роняет и точит хоть сердце хоть глыбу.
На дыбе, за дымом последнего дома,
зажатый в подвздошь меж небом и телом,
гневится туман поседевшего гнома
на стыке календ между чёрным и белым.
До мартовских ид остаётся полгода,
а ты, отравившись надеждой и смогом,
идёшь да тоскуешь, моя непогода,
как будто душа, разлучённая с Богом.

3

Жар-птица, ты плачешь?..
Так короток свет,
горчащий гвоздикой да молотым перцем.
Шагреневый сад.
Как в кору короед,
пронырливый холод вгрызается в сердце.
Натальная карта.
Средь звёздных сатур,
где ночь тянет нити из чёрного твида,
реальность мою поджидает Сатурн,
уже облачившийся в пояс шахида.
Распяты дороги гвоздями столбов.
Так пусто, что нечему даже присниться.
И где-то у беты созвездия Псов
скорбит по-собачьи жар-птица.

От учредителя

На титульной обложке этого номера журнала представлен земной шар, который фрагментами можно увидеть и в конце журнала. Этим самым мы хотели подчеркнуть, что проект медийной группы «Интеллигент» принял глобальные формы. Такая образная глобализация осмысливается с популяризацией русского языка и с популярностью медийного проекта «Интеллигент» в русскоязычной среде авторов и читателей по всему миру.

В этом номере журнала медийная группа «Интеллигент» представляет совершенно противоположные жанры и стили писания от «архаичных» басен до нового увлечения – верлибра. Мы прекрасно помним тех авторов, работы которых вошли в публикации изданий «ПИ 1» и «Интеллигент» (ов). Авторы первых изданий «ПИ 1», собранные в этом номере журнала, как бы перекликаются с группами новых авторов, поэтому весь журнал выстроен в интересной концепции разноплановости.

В конце журнала на его обложке представлены четыре картины. Под номером 1 и 4 расположены картины Андрея Дюка из украинского города Кривой Рог. В первой картине явно просматривается некая архаичная персонификация природы. Персонификация (от лат. *persona* «лицо», лат. *facio* — «делаю») — представление природных явлений, человеческих свойств, отвлечённых понятий в об-

разе человека. Картина под номером (4) уже соотносит к глобальному или космическому абстракционизму или к метафизическому космосу. Этот стиль рисования завораживает созерцателя тем, что он пытается осмыслить в таких картинах роль человека на земле и в космическом пространстве.

На других двух картинах, представленных мною, Сергеем Пашковым, метафоричные и сюжетно-сказочные отношения. Так, в картине под номером (2) можно видеть извечные соотношения красоты и некоего устрашающего образа. Кто-то в этой работе сможет узнать сюжеты из сказок: «Красавица и Чудовище», «Аленький Цветочек», «Кинг-Конг» и т.п. Эту картину я подписываю либо «Страж», либо «Лепесток».

Под номером (3) матрица картины представлена сказкой «Маугли» и, хотя здесь основной цвет – оранжевый, но для проницательного наблюдателя, думаю, не составит труда найти всех персонажей из этой прекрасной сказки Киплинга.

Меня часто спрашивают, мол, как пишутся такие рисунки? Покажу на двух примерах.

Сначала рисунок задумывается как простой эскиз. Затем он пишется простыми, но строгими линиями и чертится в том объеме, в котором задуман сюжет рисунка. (рисунок А) Потом можно уже наносить цвета. (рисунок Б)

